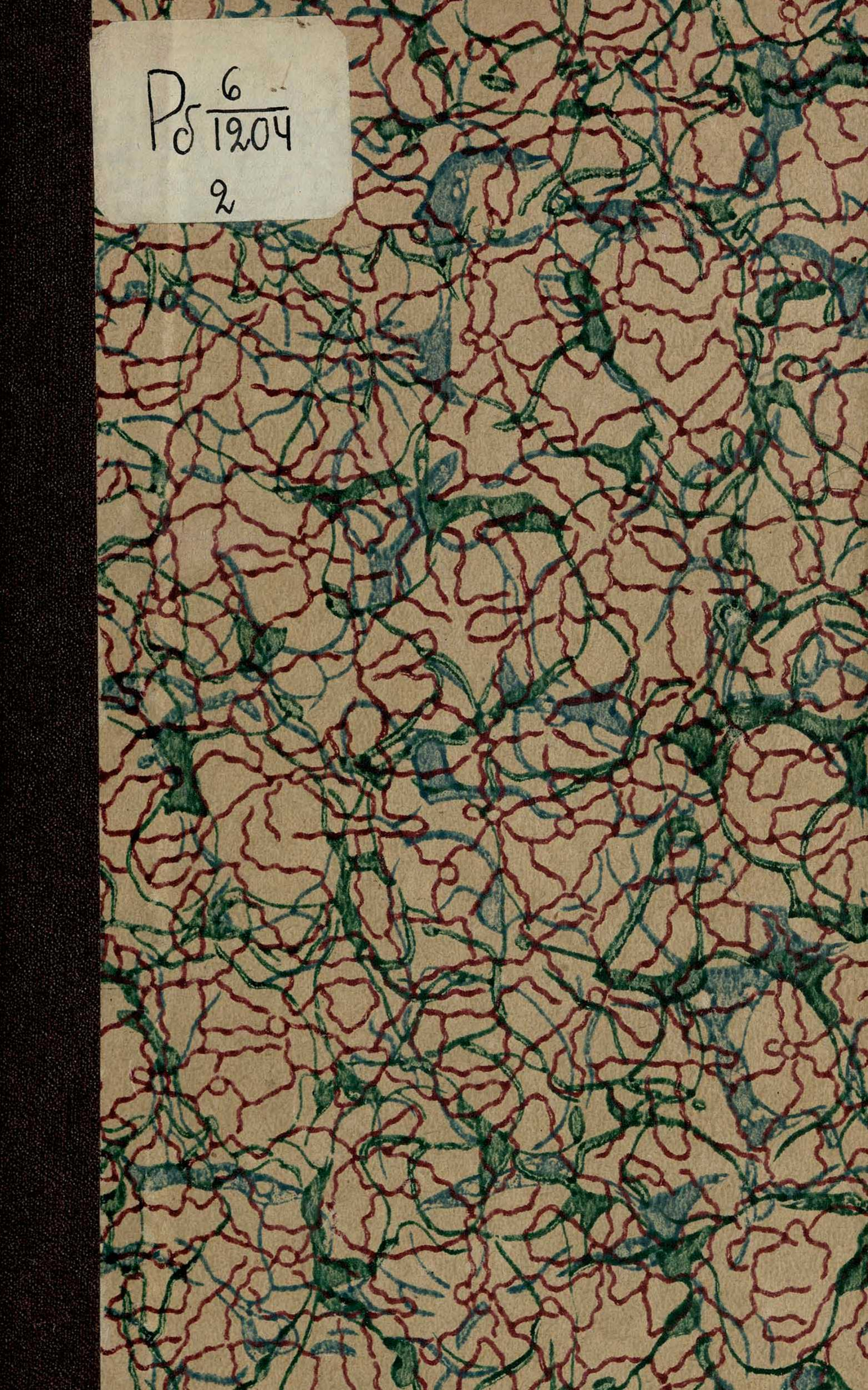


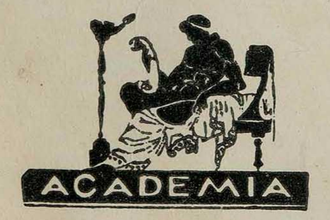
Pб 6/1204
2

В. Л. Бузескул

ОТКРЫТИЯ XIX И НАЧАЛА XX ВЕКА В ОБЛАСТИ ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА

II

ГРЕЧЕСКИЙ МИР



ПЕТЕРБУРГ · 1924

ACADEMIA

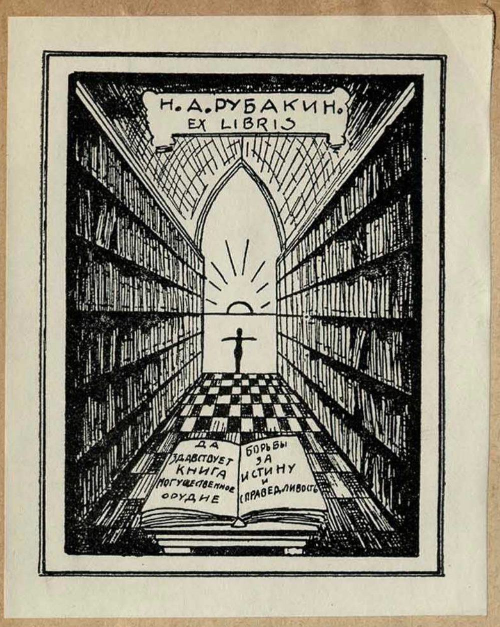
В. БУЗЕСКУЛ

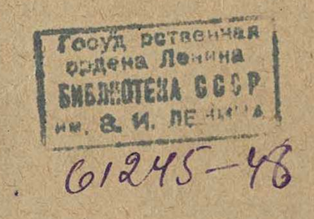
ОТКРЫТИЯ XIX И НАЧАЛА XX ВЕКА В ОБЛАСТИ ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА

Часть II

ДРЕВНЕ-ГРЕЧЕСКИЙ МИР

„ACADEMIA“
ПЕТЕРБУРГ
1924.





Петрооблит № 10853. Заказ № 990. Печ. 2.500 экз.

Гос. тип. имени Евгении Соколовой. Петроград, Пр. Красных Командир. 29.

Предисловие.

К тому, что сказано в „Предисловии“ к I части, остается добавить лишь следующее.

Издаваемая II часть посвящена предмету, которого я касался в своем „Введении в историю Греции“, и в основе некоторых глав (в особенности 4—6) настоящей книжки лежат соответствующие отделы этого „Введения“, с необходимыми, конечно, изменениями, кое-где с сокращениями, а по большей части в более подробном изложении. В основу последней главы — о Крите и критско-микенской или эгейской культуре — положена, тоже с некоторыми изменениями, моя статья „Древнейшая цивилизация в Европе“ („Вестн. Евр.“, 1916, авг.), вышедшая и отдельной книжкой (Харьк. 1918). К сожалению, я не мог пользоваться недавно появившеюся книгою на близкую к моей тему: Marshall, Discoveries in Greek Lands. A sketch of the principal excavations and discoveries of the last fifty years. Lond. 1920.

Что касается библиографических указаний, то здесь, как и в I части, я ограничился лишь более или менее необходимыми. Подробные указания можно найти в упомянутом моем „Введении“ и у С. А. Жебелева, в его „Древней Греции“. Ч. I. „Эллинство“. П. 1920 и ч. II. „Эллинизм“. П. 1922 (в серии „Введение в науку“); см. его-же, Введение в археологию. П. 1923. 2 ч.

Я сердечно признателен глубокоуважаемому Сергею Александровичу Жебелеву, который был так добр, что любезно взял на себя чтение второй корректуры и этой части. Благодарю и издательство „Academia“, которое так охотно шло на встречу моим желаниям.

В. Б.

Октябрь 1923.

ДРЕВНЕ-ГРЕЧЕСКИЙ МИР.

1. Знакомство с греческими памятниками до XIX стол.

В XIX и начале XX в. великие открытия совершены в области истории не только древнего Востока, но и древне-греческого мира. Стоит только вспомнить об открытии „Трои“ и критско-микенской или эгейской культуры — целого огромного периода, раньше неведомого, о находках греческих папирусов в Египте, давших многие из произведений, казалось, утраченных навсегда, о колоссальном количестве эпиграфического материала — документов, в виде начертанных на камне надписей; каждый день—по крайней мере, до начала мировой войны,— можно сказать, приносил какую-нибудь новую для нас надпись. Но таких открытий, которые совершенно меняли бы наше представление о прошлом и подымали бы завесу, скрывавшую дотоле неведомый нам мир, здесь сравнительно не так много, как на Востоке, и между началом XIX в. и предшествующим временем нет такого перелома, такой резкой грани и разницы, как там, в области изучения древнего Востока. В области изучения древне-греческого мира такой перелом если и наступил, то гораздо позже—в 70-х годах прошлого столетия: поразительные открытия тут принадлежат преимущественно трем последним десятилетиям XIX и первым годам XX в.

Относительно Греции многое было известно уже и раньше, до XIX стол. И это понятно. Произведения греческой литературы имелись в значительном числе. Их язык, греческие письмена, не являлись такой тайной за семью печатями, как египетские иероглифы или ассиро-вавилонская клинопись; над их разбором нечего было напрягать свои усилия; их не приходилось дешифрировать. Греция ближе, была доступнее Востока, и в нее гораздо чаще предпринимались путешествия, нежели, напр., в Египет или в Месопотамию. В Греции немало памятников находилось на поверхности земли. Развалины, напр., „циклопических“ стен Тиринфа и Микен, Львиные ворота в тех же Микенах, эти свидетели, хотя и немые, микенской эпохи, видны были и раньше Шлимана. Некоторые храмы сохранились и до XIX стол. Парфенон, хотя и обращенный

в христианскую пору в церковь, а при турках—в мусульманскую мечеть, все-таки красовался почти в целости до конца XVII в., до того момента, когда венецианская бомба произвела в нем взрыв во время осады Афин дожем Морозини (1687 г.). Часто статуи или их обломки, вазы и черепки, камни с начертанными на них надписями, геммы и проч. лежали на земле, и в таких случаях, чтобы их найти, не надо было производить раскопки, рыться в недрах земли. Многие произведения греческого искусства, в подлинниках или чаще в римских копиях, были известны и собраны еще до XIX ст.

В средние века греческими древностями, за редкими исключениями [1]), не интересовались. Интерес к ним пробудился в век гуманизма и Возрождения, когда увлечение античностью охватило все слои общества, от владетельных особ и знати, пап и кардиналов и до клириков, горожан, представителей торговли и капитала, не говоря уже об ученых и художниках. Яркий пример такого увлечения представляет Кириак из Анконы, которого иногда называют „отцом греческой эпиграфики“—дисциплины, изучающей надписи. Его сравнивают с Шлиманом. Между ними, действительно, есть общие черты: оба—самоучки, не прошедшие систематической школы; оба—купцы, люди, одаренные практическим умом, настойчивостью, энергией, и вместе с тем энтузиасты, страстно увлекающиеся античностью, один—Гомером и Троей, другой—греческими надписями.

Надписи—это „монументальная литература“, письменные памятники, начертанные на твердом материале, чаще всего на камне. Среди источников греческой истории они занимают чрезвычайно важное место. Для этой истории они имеют то же в сущности значение, что̀ для новой архивные документы. Надписи составляют как бы каменный музей или архив древней Греции, и в некоторых областях ее, напр. в Аттике, каждый город, почти каждая деревушка имели свой подобного рода архив. Содержание надписей—самое разнообразное: государственные и частные договоры, законы, постановления совета и народных собраний, отдельных общин, фратрий, гетерий; списки фороса или дани, списки жрецов, архонтов и других должностных лиц, триэрархов, хорегов, павших в бою воинов, победителей на играх, эфебов; декреты в честь того или другого лица, о даровании права гражданства, наград и привилегий; отпускные на волю грамоты; контракты, долговые обязательства; инвентари, описи и счета̀; посвящения и эпитафии; заклинания и проч. и проч. Надписи обнимают государственную, социальную,

---

[1]) Таким исключением в VI в. является Косьма Индикоплевт (Индикоплов), александрийский купец, а потом монах, списавший в Нубии, ок. нын. Массовы, надпись Птолемея III Евергета, так назыв. Адулитанский памятник (Monumentum Adulitanum), описывающий победы этого царя (247—221 г. до Р. Х.).

религиозную и частную жизнь и носят характер преимущественно документальный. Один из знатоков надписей говорит, что ему казалось, будто он снова приближается к грекам и римлянам всякий раз, когда он приближается к их мраморам: „древние надписи производят особое, глубокое впечатление, отличаются особым захватывающим интересом; внимая им, как бы слышишь голоса, отрывки разговоров дня, которому минуло 2000 лет",—живые отзвуки прошлого.

Кириак Анконский (собственно Ciriaco de' Pizzicolle) [1]) с 8 лет (род. в 1391 г., ум. ок. 1455 г.) сопровождал своего деда, ездившего по разным городам Италии, по торговым делам; с 16 лет вел дела и управлял имением своего родственника в Анконе; вскоре приобрел репутацию опытного торговца и счетовода и побывал два раза в Александрии. Учился урывками; 30 лет от роду совершенствуется в знании латинского языка, которому начал было учиться еще в детстве; позже, будучи в Константинополе, принимается за изучение греческого языка. Толчком для Кириака к увлечению надписями и к их собиранию послужило прочтение им надписи на Траяновой арке в Анконе. Потом Кириак побывал в Риме, где уже имелось немало древних памятников. По поручению Контарини, дела которых он вел, отправляется в Грецию, на Восток. Туда он предпринимал частые путешествия. Был в Афинах и в Спарте, в Дельфах, в Коринфе и в Мессении (в Пилосе), на островах Архипелага и на побережье Малой Азии, в Эпире и Фессалии, во Фракии и Македонии, в Константинополе и Адрианополе, при дворе турецкого султана Магомета II, во многих местах не один раз. Побывал Кириак и в Далмации, и на Афоне, в Сардах и Бейруте, Дамаске и Египте. Его торговые путешествия превращались в ученые экспедиции. Он списывал все, что̀ попадалось под руку, надписи латинские и греческие. По выражению его современника, известного гуманиста Филельфо, „Кириак свез на свою родину почти со всего света то, что̀ когда-либо было начертано на камне греческими или латинскими буквами" [2]). Надписями он особенно увлекался и собрал их до 1500, но интересовался и другими древностями—развалинами зданий, монетами, произведениями художественными и литературными, рукописями, стараясь собрать и сохранить что̀ можно. И было это как-раз накануне того, как турки завоевали Константинополь и Грецию. То была еще пора владычества „франков", итальянцев, на островах Эгейского моря, и Кириак, находившийся в дружественных отношениях со многими владетелями, имел возможность собрать там материал, который вскоре надолго

---

[1]) О нем ст. Ziebarth'a в Neue Jahrb. f. d. klass. Altert., IX, 1902; Н. И. Новосадский, Греч. эпиграфика. 2-е изд. М. 1915, стр. 29 сл.

[2]) Н. И. Новосадский, стр. 31.

стал бы недоступным [1]). Он и других побуждал к сохранению памятников старины, старался пробудить интерес к древностям. Стало модой иметь извлечение из собрания Кириака, из его дневника, „Комментариев“.

Кондотьер, осаждавший с венецианским войском Коринф в 1463 г., и тот интересовался надписями, списывал их, о чем свидетельствует хранящаяся в Миланской библиотеке рукопись, которою, повидимому, пользовался впоследствии (в XVIII ст.) Мураторы при составлении своего сборника надписей [2]).

Дело в том, что к концу средневековья возникает новое общество, выдвинулся класс городской, торговый, возобладали интересы мирские, прежде всего в Италии. Средневековая идеология, с ее схоластикой, с ее аскетизмом, помыслами о небесном, отречением от земных радостей и земной красоты, уже не удовлетворяла. Это новое общество проникнуто иными интересами, стремлениями, настроениями, и оно находит удовлетворение им в античности. Человеческому „я“, развитой индивидуальности, античный мир был ближе средневекового, и увлечение классическою древностью в век гуманизма и Возрождения, в эпоху Медичи, доходит иной раз до мании.

Папа Николай V (1447—55) организует в широких размерах дело перевода греческих авторов на латинский язык, привлекает к этому выдающихся гуманистов того времени, в том числе покинувших Византию ученых греков (вспомним, что в 1453 г. Константинополь был взят турками). При Ватикане устраивается библиотека, в которой хранятся драгоценные рукописи, позже—музей. Папа Юлий II отводит для статуй Бельведер, в котором нашли себе место прославленные статуи Аполлона Бельведерского,—копия, повидимому, с бронзового оригинала,—и Лаокоона; первая найдена в конце XV или в начале XVI ст. в одной вилле близ Рима, вторая—группа Лаокоона—в 1506 г. в винограднике, принадлежавшем одному частному лицу, в Риме. Во дворцах и виллах кардиналов и знатных римских фамилий—Боргезе, Лудовизи, Альбани и друг.—также имелись более или менее богатые собрания антиков. Интерес к древностям обнаруживался и в других центрах тогдашней Италии, особенно во Флоренции, проникал за Альпы, в другие страны, где тоже возникали музеи и составлялись коллекции как при дворах, так и у частных лиц.

В 1555 г. посол императора Фердинанда I, отправленный к турецкому султану Солиману II для переговоров о перемирии, ученый фламандец Бусбек и его спутники открыли в глубине Малой Азии, в Ангоре, на стене древнего храма замечательную

---

[1]) К сожалению, материал, собранный Кириаком, частью погиб, а большею частью до сих пор лежит под спудом, неопубликованный, в рукописях, в разных местах.

[2]) Н. И. Новосадский, стр. 53, прим.

надпись, известную под названием „Monumentum Ancyranum“, „Ангорский памятник“ (в древности Ангора называлась Ancyra), на латинском языке. Там же, на другой стороне здания, имелся и греческий текст ее, но его тогда не заметили, и он был открыт гораздо позже, почти через полтораста лет. Надпись содержит перечисление „Деяний императора Августа“, Res gestae divi Augusti, и не раз служила предметом исследования новейших ученых, в том числе Моммзена, а у нас недавно— М. И. Ростовцева [1]). Состоя послом при дворе Солимана в Константинополе, Бусбек в течение 7 лет собирал надписи, монеты, медали.

К концу XVI ст. накопилось уже много надписей, но они были рассеяны по разным изданиям, мелким сборникам или даже лежали под спудом, в рукописях. Знаменитый Иос. Скалигер задумал собрать воедино этот материал. По побуждению и при содействии Скалигера и аугсбургского ученого патриция Вельзера гейдельбергским профессором Грутером в 1603 г. издан был громадный сборник, содержащий до 12.000 надписей (большею частью латинских), из них половина— до тех пор неизданных. Грутеру в этом деле помогали многие ученые. В своем предисловии он насчитывает 216 имен своих предшественников и сотрудников. Сборник Грутера имел необычайный успех. Его осыпали похвалами, в честь его писали панегирики и оды. Эпиграфика вошла в моду [2]). Спустя лет сто, в предисловии к 2-му изданию этого сборника, голландский ученый Graeve говорил: „Когда была выпущена в свет книга Грутера, то ученые начали с невероятным рвением разыскивать во всех местах Европы древние надписи и украшать этими жемчужинами труды, имевшие хотя бы отдаленное отношение к древности“ [3]). С 1603 г. по 1765 г. насчитывается целая дюжина сборников надписей, с преобладанием, конечно, латинских.

Увлечение надписями и вообще классическими древностями коснулось и далекой Англии. В 1627 г. лорд Арундель командирует на свой счет в Грецию и в Малую Азию своего уполномоченного, Патти, для приобретения древностей. Патти удалось приобрести „Паросский мрамор“—хронику, содержавшую известия от Кекропа, т. е. от времен мифических, до 264/3 г. до Р. Х. Известия эти касаются мифических сказаний и событий исторических, как внешних, так и из области литературы. „Паросский мрамор“ целиком до нас не дошел; на „Мраморе Арунделя“ текст обрывается на 355/4 г.; а в конце прошлого столетия (в 1897 г.) найден новый отрывок, касаю-

[1]) Заглавие и литературный характер Mon. Ancyr. Спб. 1913.

[2]) Chabert, Histoire sommaire des études d'épigraphie grecque. P. 1906, стр. 30.

[3]) Цит. у Н. И. Новосадского, стр. 40.

щийся событий от смерти Филиппа Македонского (336 г.) до 299 г. [1]). Во время английской революции Арундель вынужден был бежать, а его собрание пострадало. То, что̀ сохранилось, внук его уступил Оксфордскому университету, в котором „Мраморы Арунделя“ и хранятся.

Уже в XVII и XVIII ст. Греция, греческий Восток, Левант, манят к себе. Лионский врач Спон увлекся древностями, посетил Италию и там встретился с другим собирателем древностей, англичанином Уилером. Вместе они посетили (1675 сл.) Грецию, острова Архипелага, Мало-Азиатское побережье, собирая и изучая древности. Ими собрано до 2000 надписей. Тот и другой издали описание своего путешествия, а в своем „Сборнике“ (Miscellanea eruditae antiquitatis, 1685) Спон дает снимки с разного рода древностей и, в виде образца, более 100 надписей, списанных с камней, нередко отмечая: „сам списал“ [2]). Надписи снабжены переводом и иногда комментарием.

Другой врач, Поль Люка (P. Lucas), провел на Востоке, в Греции, более 25 лет, с некоторыми перерывами, собирая коллекции для королевского кабинета и с увлечением снимая копии с надписей, причем он стал применять механический способ, при помощи эстампажа. Люка первый снял копию с греческого текста „Ангорского памятника“ — текста, открытого в 1701 г. путешествовавшим по Греции и Малой Азии ботаником де-Турнфором. С памятника этого впоследствии, в XIX ст., не раз снимались копии (в 1882 г. Гуманом сделан гипсовый слепок). В те времена, когда путешествовал Люка, да и долго потом, подобные путешествия были далеко не безопасны, и часть большой коллекции Люка сделалась добычей разбойников [3]).

К числу важнейших путешествий XVII в. по Греции и островам принадлежит „Одиссея“ [4]) (1670—80) французского посла в Константинополе, маркиза де-Нуантеля. В 1674 г. он, в сопровождении большой свиты, в среде которой были и художники, посетил Афины и поручил одному из спутников своих срисовать скульптуры Парфенона. Рисунки эти, находящиеся теперь в Парижской Национальной библиотеке, очень важны: они сделаны еще тогда, когда Парфенон был цел, и дают понятие об ансамбле его скульптур [5]). Вскоре после того

---

[1]) Русск. перев. его—С. А. Жебелева (Филол. Обозр., XIII, 1897).— „Мраморы Арунделя“, „Marmora Arundeliana“, впервые были изданы Кентерберийским архиепископом Сельденом (1628); издание это замечательно между проч. тем, что в нем преобладают греческие надписи.

[2]) Н. И. Новосадский, стр. 45.

[3]) О французских археологических миссиях на Восток в XVII и XVIII в. есть книга Omont'a (1902).

[4]) Свою книгу о путешествии Нуантеля Vandal озаглавил: L'Odyssée d'un ambassadeur. P. 1900.

[5]) Б. В. Фармаковский, Художественный идеал демократич. Афин. П. 1918, стр. 128—9.

Парфенон был полуразрушен: в 1687 г. венецианцы осаждали Афины и подвергли бомбардировке акрополь, служивший туркам цитаделью. Бомба попала в Парфенон, где был склад пороха; произошел взрыв, разрушивший среднюю часть Парфенона и многие скульптурные украшения его. Страстный собиратель древностей, Нуантель тратил на их приобретения громадные суммы, впал в немилость, разорился и принужден был продать свой маркизат и свою коллекцию. Коллекция эта, после разных превратностей, попала в Лувр. Среди собранных Нуантелем надписей имеется список воинов одной афинской филы (Эрехфейской), павших в боях „на Кипре, в Египте, в Финикии, у Галиэй, у Эгины, Мегары, в один и тот же год" (459), как гласит эта надпись [1]), свидетельствующая о громадности потерь Афин в напряженной борьбе их за гегемонию на суше в 50-х годах V в. до Р. Х. и вполне подтверждающая слова историка Фукидида. Камень с этою надписью был найден вделанным в пол одной из афинских церквей.

В 1709 г. в Стратоникее, в Карии, на стене римского здания Шерардом (Sherard), английским консулом в Смирне, открыта чрезвычайно интересная надпись — эдикт Диоклетиана 301 г., устанавливающий максимальный тариф. Эдикт на двух языках, латинском и греческом. Шерардом найден только отрывок его, хотя и большой. Другие фрагменты того же тарифа найдены потом в разное время и в разных местах: вступление — в Египте, некоторые небольшие отрывки — в той же Карии, в Миласе, и во Фригии, бо̀льшая часть греческого текста — в Северной Греции, в Мегариде, в Пелопоннесе, а значительный отрывок этого текста приобретен в 1882 г. „Французскою школою в Афинах". Во вступлении излагаются мотивы, побудившие издать такой тариф, — бедность населения, общее бедствие, причиняемое преступною алчностью спекулянтов. В виду этого объявляется максимум цен на разные предметы, самые разнообразные, начиная с предметов первой необходимости и кончая предметами роскоши, — на продукты, поденную плату, одежды, лес, ковры, пурпуровые ткани, украшения, вина и т. д., — любопытный источник для знакомства с тогдашней экономикой и бытом [2]).

В 1729 г. Французская Академия Надписей командировала в Грецию аббата Фурмона для собирания древностей. Фурмон объехал Грецию и собрал, по его словам, 3000 надписей. Но из них известно только 1000 копий. Между ними есть весьма характерная надпись, найденная в небольшой деревенской церкви в Аттике, а теперь находящаяся в Лувре. Это — постановление афинского совета и народного собрания, кото-

---

[1]) Corp. Inscr. Attic., I, n⁰ 433; Dittenberger, Sylloge inscr. graec., I², n⁰ 9.

[2]) S. Reinach, Traité d'épigraphie grecque. P. 1885, вступительный Essai Ньютона, стр. 62—65.

рым определяется самым точным образом порядок уплаты долга „другим богам“ (т. е. кроме богини Афины) и полагается начало центральной казне этих „других богов“ [1]); указывается, из каких сумм надлежит уплатить долг, который должен быть вычислен „в точности“ и, по уплате, после рассмотрения представленных документов и долговых записей, вычеркнут; говорится, что казначеи обязаны заведывать деньгами „других богов“ как можно добросовестнее, отпирать и запирать двери хранилища, в задней части Парфенона, и прикладывать печати вместе с казначеями богини Афины; от прежних казначеев вновь избранные по жребию должны принять сокровища, взвесив и сосчитав их в присутствии совета на акрополе, и записать, что принадлежит каждому из богов в отдельности, и общий итог, серебро и золото отдельно; на будущее время записывать, сколько поступило и сколько выдано в течение года; отчет давать от одних Панафиней до других; излишек за покрытием долга богам употребить на верфи и стены.

Копии Фурмона крайне небрежны, неточны. Мало того: Фурмон оказался фальсификатором; он подделывал надписи, сочинял, выдавая за подлинные. Кроме того, Фурмон уничтожал памятники или зарывал их в землю, полагают, для того, чтобы скрыть следы своих подделок, сделать невозможной проверку. Но он не скрывал этих своих „подвигов“, напротив, хвастался ими. В Спарте, напр., он посвятил на это более 30 дней и с гордостью писал Морепà: „Я приказывал не только ломать, но разрушать до основания. От этого великого города нет камня на камне. В течение 30 с лишком дней, 30, а иногда и 60 рабочих ломают, разрушают, уничтожают город Спарту“ [2]). Он говорит, что таким способом он сделает свое путешествие „знаменитым“, и называл себя „Фурмоном Спартанским“. Есть здесь что-то непонятное, быть может, патологическое [3]).

В виду накопившегося огромного эпиграфического материала, в XVIII в. в Италии предпринимаются издания новых сборников надписей. За это дело берется М а ф ф е и, обширный план которого, однако, не был осуществлен, затем (1739—42) известный ученый, издатель средневековых историков Италии, М у р а т о р и и, наконец (1765—75), Д о н а т, которому принадлежит последний—до начала новой эпохи в эпиграфике, т. е. до Бёка—большой сборник.

Тем временем в Англии возникло общество, которое много способствовало собранию и изучению греческих древностей.

---

[1]) C. I. A., I, 31; D i t t e n b e r g e r, I[2], 19. На оборотной стороне того же камня — другая надпись, касающаяся казны богини Афины.

[2]) Цит. у Н. И. Н о в о с а д с к о г о, стр. 48, прим. 1.

[3]) Фальсификации Фурмона обнаружены впоследствии английским ученым Н а й т о м (Knight), а затем и Б ё к о м. Но у Фурмона нашлись защитники — Р а у л ь Р о ш е т т и современный, едва ли не самый выдающийся, эпиграфист А д о л ь ф В и л ь г е л ь м.

Это было „Общество Дилеттантов“, Society of Dilettanti,—любителей старины, обладавшее значительными средствами и основанное в 30-х годах XVIII в. с целью содействовать изучению классической древности, для чего имелось в виду снаряжать ученые экспедиции в Грецию. Один из инициаторов его—Чишелль (Chishull), автор „Азиатских древностей“, Antiquitates Asiaticae (1728), описанных на основании греческих памятников, как результат его путешествия. Он же первый опубликовал (1721) Сигейскую надпись [1], одну из древнейших (VI в.), начертанную на колонне, с бюстом Фанодика, тиранна о. Проконнеса, и содержащую посвящение вместе с угрозой: „если я в чем потерплю обиду, то берегитесь меня, сигеяне“. Членами Общества Дилеттантов были художники-архитекторы Джемс Стюарт и Реветт. Их путешествие (1751—3) в Грецию—в Афины и на Циклады—по результатам одно из самых удачных. Были измерены и зарисованы остатки многих памятников, из которых некоторые потом исчезли, напр. ионийский храм на Илиссе, памятник Фрасилла под акрополем [2]. Джемс Стюарт и Реветт в своих трудах [3] „впервые познакомили Европу с памятниками греческого искусства лучшей эпохи его развития“ [4]. Эта экспедиция еще тем замечательна, что Джемс Стюарт и Реветт, не довольствуясь находками на поверхности земли, первые приступили к раскопкам. Другая экспедиция Общества Дилеттантов (1764—6) с участием Чэндлера (Chandler), того же Реветта и живописца Парса тоже дала важные результаты между прочим первые рисунки остатков храмов в Ионии [5]—на Самосе, в Приэне, в Дидимах (ок. Милета); благодаря ей стали известны и развалины дорических храмов—на Эгине и на мысе Сунии. А из надписей, изданных Чэндлером (Inscriptiones antiquae. 1775) следует отметить счета (418/17—415/14 гг.) [6] казначеев священной казны богини Афины о произведенных выдачах, главным образом стратегам на военные нужды [7].—Общество Дилеттантов дало субсидию и для экспедиции Вуда (Wood) в Сирию—экспедиции, во время которой открыты были остатки Пальмиры и Баалбека [8].

Мы видели, как в 70-х годах XVII в. французский посол в Константинополе, Нуантель, увлекался собиранием древно-

---

[1]) Corp. Inscr. Graec., I, № 8; Michel, Recueil d'inscr. gr., 1313.

[2]) Михаэлис, Художественно-археологич. отрытия за сто лет. М. 1913, (пер. с нем.), стр. 12.

[3]) Antiquities of Athens, 1761—2; издание затянулось, и последний том вышел только в 1816 г.

[4]) С. А. Жебелев, Введение в археологию. П. 1923, I, 21.

[5]) Ionian Antiquities, 1769—97; Михаэлис, стр. 12.

[6]) В истории Афин даты большею частью приходится обозначать двумя годами потому, что афинский год не совпадает с нашим: он начинался летом (ср. прежний наш академический год).

[7]) C. I. A., I, 180—3.

[8]) См. I ч. „Открытий“, стр. 202.

стей. Через сто с лишком лет другой посол Франции в Константинополе (с 1784 г.), гр. Шуазель-Гуффье, тоже обнаруживает любовь к древностям и собирает большую коллекцию. Но злая судьба постигла ее: часть ее была уничтожена пожаром в Смирне; другая, отправленная во Францию морем, была захвачена англичанами; что̀ сталось с третьею, неизвестно. Лишь остатки этой богатой коллекции, после смерти Шуазель-Гуффье, достались Лувру. В числе находящихся в ней надписей обращают на себя внимание отчеты казначеев казны богини Афины за 410—408 гг. с точным обозначением, когда, кому, на что и сколько выдано [1]; устав амфиктионов (308 г.), „в своем роде единственный“ (Бёк), касающийся управления делами Дельф, движимого и недвижимого имущества, найденный в Афинах [2], и „календарь Персефоны“, с указанием празднований событий, связанных с мифом о ней [3].

Одновременно с Шуазель-Гуффье путешествовал по Греции (1785—8) Вильуазон (Villoison), прославившийся открытием и изданием (1788) венецианского кодекса Илиады со схолиями, значительно отличавшегося от принятого текста, что̀ послужило толчком к поднятию гомерического вопроса и опорой для выводов Фр. Авг. Вольфа в его знаменитых Prolegomena ad Homerum (1795) [4].

К концу XVIII и началу XIX ст. (1791—1802) относится путешествие по Европе, Малой Азии, Сирии и Египту профессора минералогии в Кэмбриджском университете, Кларка (Clarke), побывавшего и в Южной России, в Крыму, и интересовавшегося древностями. Обширное описание его путешествия, в 7 т. (1810—1825), содержит ценные надписи [5].

Уже в XVIII в. начаты раскопки в городах, погибших при извержении Везувия в 79 г. по Р. Х. — в Геркулануме [6] и Помпеях. Первые раскопки в Геркулануме относятся еще к 1711 г. В 1738 г., после перерыва, вызванного запрещением их, само правительство взяло это дело на себя и вело его до 1766 г. В 1753 г. открыта вилла с библиотекой (Villa dei papiri), принадлежавшей, судя по ее составу, поклоннику эпикурейской философии, и с многочисленными произведениями пластики, преимущественно бронзовыми статуями и бюстами. В Геркула-

---

[1]) C. I. A., I, 188—189 a.

[2]) Русск. пер. в „Древн. мире в памятн. его письмен.“ Жаринова, Никольского, Радцига, Стерлигова. М. 1916, II, 45.

[3]) Н. И. Новосадский, стр. 58—59.

[4]) К числу выдающихся любителей и собирателей древностей во Франции XVIII в. принадлежит и гр. Кэлюс (Caylus), о котором упомянуто в 1 ч. „Открытий“, стр. 118.

[5]) Larfeld, Griech. Epigraphik. 3-te Aufl. Münch. 1914, стр. 26; Н. И. Новосадский, стр. 153.

[6]) Такова принятая у нас форма, хотя правильнее Геркуланей или Геркуланеум. О нем Waldstein and Shoobridge, Herculaneum. Past, Present and Futur. L. 1908.

нуме был толстый слой лавы и пепла, что затрудняло раскопки. Слой менее глубокий покрывал Помпеи, и их развалины открыты были случайно в 1738 г. [1]). Раскопки сначала велись небрежно, носили пробный характер; тем не менее открыты остатки виллы, принятой за „виллу Цицерона“. С 60-х годов, после того, как раскопки в Геркулануме прекратились, Помпеи привлекают к себе больше внимания. Открыто два театра, треугольный форум, с остатками древнего храма, капеллы Исиды и „Эскулапа“ (Зевса Милихия), вторая вилла („Аррия Диомеда“). Искали преимущественно произведений искусства, вещей для музеев [2]). Но Геркуланум и Помпеи застигнуты были катастрофой внезапно; жизнь в них прервалась вдруг, как бы моментально застыла в неподвижных формах, и в таком виде сохранилась под покрывшим ее слоем лавы и пепла. И вот постепенно, по мере раскопок, должна была раскрыться картина этой жизни, быта городов, существовавших на римской почве, но проникнутых характером эллинистическим.

Около того же времени, в половине XVIII ст., сделались известны греческие древности в Южной Италии и в Сицилии, напр. храм в Пестуме, произведший сильное впечатление на Винкельмана и на Гете, когда они его посетили.

Вообще тогда переживалось на Западе, особенно в Германии, как бы новое, вторичное „Возрождение классической древности“, в соответствии с новыми зародившимися потребностями общества. Оно стоит в связи с развитием индивидуализма, „человеческой личности“. На первых порах особенно увлекались эстетикой: искали законов художественного творчества, а в Греции видели источник истинной художественности и культуры. Громадное влияние на новое „Возрождение классической древности“ оказал Винкельман [3]) своею знаменитою „Историей искусства древности“ (1764) [4]). Сын бедного сапожника, увлекшийся любовью к классической древности, из-за нее, ради возможности лучше ознакомиться с памятниками Рима, перешедший из протестантства в католичество, Винкельман явился основателем истории искусства. В основу его труда положена мысль о связи искусства с общею судьбою народа, с окружающею его природою, с его нравами, государственным строем, вообще культурой. Винкельман открыл Европе грече-

---

[1]) Главный труд о Помпеях — Mau, Pompeji in Leben und Kunst. 2-te Aufl., Leipz. 1908; небольшой популярный очерк — Duhn, Pompeji, eine hellenistische Stadt in Italien. 2-te Aufl. Leipz. 1910 (в коллекции Aus Natur und Geisteswelt).

[2]) Михаэлис, стр. 9—10, 19 сл.

[3]) О нем — Justi, Winkelmann und seine Zeitgenossen. 2-te Aufl. Leipz. 1898, 3 т.; Н. М. Благовещенский, Винкельман и поздние эпохи греч. скульптуры. Спб. 1891.

[4]) Есть русск. пер. в прилож. к журн. „Гимназия“, 1888—1890, и отдельно (Ревель. 1890).

ское искусство, отвел ему надлежащее место в области античной культуры и выяснил его культурное значение [1]).

К началу XIX в. в области собирания материала и изучения греческой древности сделано было уже немало. XIX столетию, в его первые десятилетия, оставалось продолжать работу, углубляя и расширяя ее, собирая новый материал, совершенствуя методы...

2. XIX век до конца 60-х годов.

Во время французской революции увлекались античным миром и его героями, античными республиками и их свободой, доблестями и республиканскими добродетелями их граждан, представляя их себе в идеальном свете. Вместе с тем увлекались и древностями; археологические изыскания были в моде. Время Наполеона, несмотря на почти беспрерывные войны, ознаменовано дальнейшим развитием археологии, важными открытиями и знакомством с памятниками искусства и древности. В виде контрибуции, наложенной победителем Бонапартом, из Италии в Париж свезены были многие художественные сокровища, и там, под руководством известного итальянского археолога Висконти, организован „Музей Наполеона", который должен был стать центральным, „мировым" музеем [2]). Впрочем, после падения Наполеона, эти сокровища большею частью были выданы обратно. В Италии, в Помпеях, раскопки велись с большей энергией и в большем масштабе, чем прежде. Ими интересовался французский генерал Шампионнэ, распоряжавшийся в Неаполе, где была основана Партенопейская республика; а при Иосифе Бонапарте в 1807 г. составлен был новый план раскопок и отпущены на них средства. При Мюрате, жена которого Каролина, сестра Наполеона, проявляла живой интерес к Помпеям и не раз посещала их, раскопки приняли еще более широкие размеры; число рабочих доведено до 600 и более. Раскопана улица гробниц, открыт форум, рынок, окружающие его колоннады, храмы и другие здания, в числе их замечательная базилика. После возвращения в Неаполь Бурбонов открыт храм Фортуны Августы и термы близ форума. В общем уже тогда представилась картина города в его целом [3]).

Египетская экспедиция Наполеона привела, как известно (I, 14—15), к находке Розеттского камня, греческий текст которого послужил ключем к разбору иероглифов. Один из участников этой экспедиции, по профессии врач, Пуквилль (Pouqueville) на обратном пути испытал злоключения—взят

---

[1]) С. А. Жебелев, Введение в археологию, I, 23.
[2]) О его значении—С. А. Жебелев, Введение в археологию, I, 34.
[3]) Михаэлис, стр. 19—22.

был в плен корсарами и даже заточен в Семибашенный замок в Константинополе. Около трех лет томился он в неволе, пока, наконец, получил свободу. Пуквилль описал свои приключения, и назначенный (1805) консулом в Янину, а потом в Патрас, он изъездил Грецию и в своем Voyage en Grèce (1820—2) дал точное описание страны, ее нравов и обычаев, отмечая переживания далекого прошлого и приводя попутно надписи [1]).

В то же время англичане, казалось, стремились „пересадить древнюю Грецию в Англию“. Лорд Эльджин (или Эльгин, Elgin), назначенный английским послом в Константинополь (1799), не удовольствовался рисунками и снятием гипсовых слепков со скульптур Парфенона, а решил вывезти эти скульптуры в Англию, так как памятники гибли, уносились по домам, шли на пережигание извести. Несколько художников и архитекторов—Лузиери, калмык Федор и друг.—на счет Эльджина направлены были из Италии в Афины. После долгих хлопот Эльджину удалось получить, благодаря тогдашнему влиянию Англии, не только доступ на акрополь, но и разрешение снимать слепки, делать измерения, производить раскопки, собирать надписи и даже „взять некоторые камни с надписями или фигурами“. Эльджин использовал это разрешение в широких размерах. Он взял не „несколько камней“, а 12 фронтонных статуй, 15 метоп и более 50 плит фриза. Это было частью подобрано на земле или снято, частью выломано, и над этим почти год работало от 300 до 400 рабочих. Взяты были и некоторые другие памятники—куски фриза с храма Ники, слепки с фризов „Тезейона“ (храма Гефеста); в Эрехфейоне, портик которого имел вместо колонн изваяния фигур девушек, „кор“, одна „кора“ заменена была столбом. Всех древностей, рисунков, слепков набрано до 200 ящиков, предназначенных к отправке в Англию. Но этот груз и самого Эльджина словно преследовало „Проклятие Минервы“ [2]), им оскорбленной,—богини Девы-Афины, которой посвящен был Парфенон (Парфенос—Дева): судно, на котором перевозилась часть драгоценного груза, затонуло у мыса Малеи, у южной оконечности Пелопоннеса, и только через три года водолазам удалось вытащить потонувшие ящики; другую часть захватили было французы; только благодаря преобладанию англичан на море она была спасена; сам Эльджин, на возвратном пути в Англию, после того, как отозван был из Константинополя (1803), попал в плен к французам, сидел в крепости, и прошло несколько лет, прежде чем он получил свободу и собрал свои сокровища.

По прибытии в Англию, мраморы Парфенона со стороны художественной критики вызвали строгую, низкую оценку одних и восторг других, сначала, впрочем, немногих. Живопи-

[1]) Н. И. Новосадский, стр. 60—61.
[2]) Под таким заглавием—стихотворение Байрона.

сец Гайдон говорил, что он увидал здесь „осязательно перед своими глазами соединение натуры и идеала“, что когда он обратился к фигуре Тезея и заметил, как каждая мышца изменялась соответственно покою или движению, когда его взор пал на „Илисса“ (Кефиса) и он увидал, как живот выдвинулся вперед, потому что фигура лежала на этом боку, и далее в сражающейся фигуре одной метопы он заметил, как при мгновенном движении руки обозначился мускул под одной подмышкой, между тем как под другой его не было,—одним словом, когда он увидал героический стиль соединенным со всеми существенными деталями действительной жизни, то было кончено раз навсегда! „Никогда я не забуду голов лошадей, ног в метопах! Я чувствовал, будто божественное откровение проникло в мое сердце, и я знал, что эти произведения, наконец, пробудят искусство Европы из его сна во мраке ночи“. Один из известных тогдашних французских археологов замечал, что тела в скульптурах Парфенона точно двигаются. „Я не видел ничего столь живого в своем роде, как конская голова. Это уже не изваяние; морда ржет, мрамор живет, думаешь, он движется“... Жертвенные коровы, ведомые на гекатомбу, возбуждали восторг английских скотоводов, а один учитель верховой езды советовал своим ученикам, вместо урока верховой езды, посвятить час изучению всадников фриза: так мастерски сидели они на своих неоседланных конях [1]). Престарелый Гете, когда увидел только рисунки этих скульптур, считал себя счастливым, что ему довелось дожить до этого, и он желал бы поехать в Англию, чтобы видеть оригиналы, вместо Италии, столь им любимой.

Из разных стран Эльджину делались предложения с целью приобрести его собрание, но он отклонял их, и после долгих переговоров, в 1816 г., „Эльджиновы мраморы“ (Elgin Marbles) были приобретены английским правительством для Британского музея.—Поэт Байрон, поклонник Греции, сам посетивший ее, заклеймил Эльджина в „Проклятии Минервы“ и в „Чайльд-Гарольде“ за то, что̀ сделал он с Парфеноном,—заклеймил, как злого грабителя,—этого „пикта [2]), не пощадившего того, что̀ годы сберегли, что̀ варвары и турки пощадили“. Об Эльджине говорили: „quod non fecerunt Gothi, fecerunt Scoti“, „чего̀ не сделали Готы, то̀ сделали Ско̀ты“, шотландцы. Но есть теперь и другая точка зрения. С этой точки зрения наука должна быть благодарна Эльджину за то, что он спас такие сокровища от дальнейшего разрушения, которое им грозило на месте, и сделал их доступными тогдашней Европе для изучения [3]).

---

[1]) Михаэлис, стр. 41 сл., 45.

[2]) Шотландца: Эльджин был шотландец.

[3]) Михаэлис, Б. В. Фармаковский.

Около того же времени (1811) группа путешественников, связанных дружбой, два англичанина, Кокерелль и Фостер, и два немца, Галлер и Линк, из Афин отправившись на о-в Эгину и поселившись там в пещере, исследовали развалины храма, приписываемого тогда Зевсу, и нашли знаменитые „Эгинские мраморы", фронтонные изваяния, памятники дорического искусства, которые, купленные за бесценок у местных жителей, тоже были вывезены из Греции. Приобретенные затем баварским принцем Людвигом, они составили зерно Мюнхенской Глиптотеки, открытой в 1830 г.

Путешественники с о-ва Эгины отправились в Аркадию. Там, в Фигалии, высоко в горах, откуда открывался дивный вид на юг, на Мессению, до самого моря [1]), находился храм Аполлона, построенный Иктином, строителем Парфенона, в дорическом стиле, но с примесью ионического и коринфского элемента. Случайно, благодаря лисьей норе, они нашли плиту фриза и, после немалых хлопот, добились разрешения производить раскопки и, расположившись в горах, в палатках и шалашах из древесных ветвей, приступили к раскопкам (1812). Кокерелль, впрочем, уехал в Сицилию, но его заменил барон Штакельберг. Раскопками руководил архитектор Галлер, а Штакельберг, обладавший талантом художника, срисовывал памятники. Рабочих было от 60 до 120 человек. Работа чередовалась с празднествами, весельем, музыкой, приемом гостей, хотя не безопасно было со стороны разбойников. В результате изысканий получился фриз, более 20 плит, которые были перевезены по горам, по трудным дорогам, к морю и отправлены на о-в Занте, где они были куплены англичанами для Британского музея (1814).

Кокерелль, как упомянуто, отправился из Фигалии в Сицилию, где исследовал развалины храмов в древнем Акраганте и Селинунте, а потом он и Фостер возвратились в Англию. Штакельберг попал в плен к пиратам (1813), что̀ было тогда нередкостью, и освобожден благодаря стараниям Галлера, который вскоре затем умер в Фессалии от лихорадки. Такова была судьба тех, кому наука обязана открытием Эгинских мраморов и Фигалийских древностей.

В те же приблизительно годы англичане Додуэлль (Dodwell) и Джелль (Gell) знакомятся с остатками „циклопических" построек, с древними стенами Тиринфа и Микен, с Львиными воротами и куполообразной могилой, принятой сначала за „Сокровищницу царя Атрея". На месте древней Олимпии Джелль находит (1813) одну из интереснейших архаических надписей — союзный договор между двумя общинами, Элидой и Гереей (приблизительно VI в.), на бронзовой табличке, древнейший греческий документ этого рода; союз

[1]) Михаэлис, стр. 37.

заключался на 100 лет, с обязательством быть заодно и в слове, и в деле, помогать друг другу как на войне, так и во всем прочем, а в случае нарушения этого уплатить 1 талант „Зевсу Олимпийскому“ в виде вознаграждения [1]. Лик (Leake), тоже англичанин, совершает свои путешествия по Морее, Северной Греции и по Малой Азии, тщательно изучая топографию страны. Его капитальные труды в этой области надолго служили основными. О нем иногда говорят, что для древней Греции он был своим Колумбом (Эрнст Курциус). Лик исследовал и памятники, тщательно списывал надписи.

Греция продолжает привлекать внимание и французов. То была пора пробуждения национальных стремлений, симпатии к грекам, находившимся под турецким игом, так назыв. филэллинства, центром которого на Западе был Париж. К 20-м годам относится издание многотомного описания путешествия по Греции Пуквилля, о приключениях которого мы уже упоминали. Известный ученый Фориэль публикует свои „Chants populaires de la Grèce moderne“ (1824—25), а Эдгар Кинэ сопоставляет современную Грецию с античною (De la Grèce moderne et de ses rapports avec l'antiquité. 1830).

В 1820 г. крестьянин Георгиос на о-ве Мелосе находит разбитую на куски статую Афродиты. Эту прославленную „Венеру Милосскую“ приобретают французы, и она является одною из главных приманок Лувра.

С 20-х годов XIX в. наступила новая эпоха в области греческой эпиграфики: начато издание знаменитого собрания греческих надписей, Corpus Inscriptionum Graecarum, предпринятое по поручению и на счет Берлинской Академии Наук. Дело это неразрывно связано с именем Августа Бёка (Böckh), автора капитального труда о государственном хозяйстве афинян (Die Staatshaushaltung der Athener), вышедшего в свет более 100 лет тому назад (1817) и до сих пор не совсем еще утратившего свое значение, являющегося одним из основных по этому вопросу. Труд Бёка основан преимущественно на эпиграфическом материале. В то время Бёк был профессором Берлинского университета и членом Берлинской Академии Наук. Как только кончилась война за освобождение Германии, в начале 1815 г. он внес в Академию предложение издать собрание всех античных надписей и начать издание с греческих, которых уже накопилось очень много. Предложение было принято с воодушевлением. Предприятие казалось сравнительно нетрудным: с изданием греческих надписей надеялись справиться в течение каких-нибудь 4 лет и обойтись всего 6000 талеров; предполагалось, что все издание займет один толстый

---

[1]) Corp. Inscr. Graec., I, n⁰ 11; Michel, Rec. d'inscr. gr., 1. Русск. пер.— Д. А. Жаринов, Н. М. Никольский, С. И. Радциг, В. Н. Стерлигов, Древн. мир в памятн. его письмен. Ч. II. Греция. М. 1916, стр. 38.

фолиант или два небольших. С тех пор прошло более 100 лет; издание превратилось в целую библиотеку; оно не окончено еще и теперь, да, собственно говоря, никогда и не может быть окончено, так как постоянно находится все новый и новый материал [1]).

Для осуществления предприятия избрана была комиссия, особенно деятельным членом которой, кроме Бёка, был известный филолог Иммануил Беккер, и решено вступить в сношения с иностранными учеными и учреждениями, в особенности с греческими обществами на о-ве Корфу, в Фессалии и в Афинах. Со стороны многих ученых последовал живой отклик, и в числе своих сотрудников Бёк называет не только немцев, но и французов, англичан, американцев, греков, итальянцев, швейцарцев, голландцев, датчан, русских. Предполагалось переиздать по одному общему плану надписи, уже опубликованные раньше, но рассеянные по разным изданиям, критически очистив их текст, устранив фальсификации и т. д. О систематическом списывании надписей, о точных снимках с них, проверке и сличении их на месте, о командировании для этого ученых в Грецию не было речи: до 20-х годов прошлого века Греция находилась под турецким игом, в 20-х годах происходила ожесточенная борьба за ее освобождение, и страна была малодоступна для европейцев. Душою всего дела по изданию греческих надписей являлся Бёк; на него возложена была редакция; на него легла и главная тяжесть работы. В 1823—4 г. можно было приступить к печатанию. Первый выпуск появился в 1825 г., а в 1828 г. вышел и весь I том.

Трудность предприятия при тогдашних условиях, многочисленные обязанности и работы самого Бёка, все это задерживало издание продолжения. II том вышел лишь в 1843 г. Впоследствии Бёк привлек к этому делу сотрудника в лице Франца, автора „Элементов греческой эпиграфики“ (1840), который под его наблюдением обработал собранный им материал, именно бо̀льшую часть III т. (1845—51), а после смерти Франца продолжение его работы возложено было на Эрнста Курциуса и затем на Ад. Кирхгофа. IV том под их редакцией издан в 1856—9 г., а указатели появились лишь в 1877 г., 10 лет спустя после смерти Бёка (1785—1867).

Так окончено было монументальное собрание греческих надписей, после почти полувековой работы, хотя и с большими промежутками. До того известно было до 6000 греческих надписей; они издавались вместе с латинскими и последние преобладали. В Corpus Inscriptionum Graecarum греческих надписей до 10.000. Это первое отдельное собрание греческих надписей. Бёк явился основателем современной эпиграфики. Сам он никогда не был в Греции или на остро-

[1]) Harnack, Gesch. d. Königl. Preuss. Akad. d. Wissensch. zu Berlin. 1900.

вах Архипелага, в отличие от большинства последующих эпиграфистов, не изучал и не сличал надписей на месте, не открывал новых; в его Corp. Inscript. Graec. есть не мало ошибок и недостатков, что̀ и подало повод к резкой критике и нападкам со стороны одного из тогдашних корифеев классической филологии в Германии, Готфрида Германа, и других противников Бёка. И тем не менее работа Бёка была колоссальная и результаты в общем блестящи. Бёк положил начало надлежащему собиранию, изданию и изучению надписей. Он сознал все значение последних и во всеуслышание заявил (в предисловии к „Государств. хозяйству афинян"), что только после того, как будут собраны надписи, можно будет приняться за изображение внутренней истории эллинского народа. Бёк собрал громадный эпиграфический материал, он добыл лучшие, более точные списки многих надписей и доказал подложность некоторых (напр. собранных Фурмоном); во многих случаях установил более правильный текст, причем обнаружил замечательное и всестороннее знание древности, обширную ученость, критический талант и дар дивинации; он дал образцовые объяснения надписей, определяя время каждой и ее исторический смысл. И благодаря „Собранию" Бёка открылось многое, новый свет пролился на жизнь древней Греции...

В средине 20-х годов проживавшие в Риме немецкие ученые образовали там „Гиперборейско-римское Общество", при деятельном участии и под руководством ученика Бёка, Гергарда. Гергард, занимавшийся этрусскими древностями и греческими расписными вазами, большое число которых найдено было в 1828 г. в Вульчи, и живший больше в Италии, затем организовал (1829) Археологический Институт под названием „Институт Археологической Корреспонденции", для коллективной работы, в целях оживления сношений в области археологии и скорейшего обнародования вновь открываемых памятников. Институт этот, находившийся в Риме, являлся первоначально частным обществом и носил международный характер: к нему принадлежали и в его работах принимали участие лица различных национальностей — не только немцы, но и итальянцы и французы; издания его (Annali, Bulletino, Monumenti) выходили большею частью на итальянском языке. Наибольшую поддержку ему оказывало Прусское правительство и Берлинская Академия Наук, и он впоследствии превратился в прусское учреждение, а вскоре затем в Немецкий Археологический Институт (к этому мы еще вернемся). Он оказал большое влияние на изыскание древностей и их опубликование.

Между тем в Греции в 20-х годах происходит восстание против турецкого ига. Эта геройская борьба греков за освобождение пробуждает в Европе особенное внимание и интерес к их стране, тем более, что последняя со времени освобождения становится гораздо доступнее для путешественников и для

исследований на месте. Ряд ученых отправляется туда, чтобы изучить страну и ее памятники.

Еще в Греции не кончилась война, как французы снаряжают в Морею полувоенную, полуученую экспедицию (1828—9), которой мы обязаны первыми раскопками в Олимпии [1]). Леба (Le Bas), обработавший эпиграфический материал, собранный этою экспедициею, предпринял потом „археологическое путешествие“ по Греции (1842—4). Ему поручено было собрать надписи еще неизданные, восстановить, после исследования на месте, текст испорченных и розыскать на островах, наименее исследованных, надписи не только неизданные, но и неизвестные. И Леба выполнил эту миссию с большим успехом. Он собрал до 5000 надписей, почти все греческих, из которых, по крайней мере, 2000 скопированы им в Афинах, а остальные — в других частях греческого мира. Издание материала, собранного Леба, за смертью последнего, закончено Ваддингтоном и затем Фукаром [2]). А Летроннь (Letronne), которого Ларфельд, автор руководства по „Греческой эпиграфике“, называет „французским Бёком“, скопировал греческие надписи во Флоренции, исследовал топографию Сиракуз и издал надписи, греческие и латинские, Египта (1842—8). В 1846 г. французы основывают свою „Школу“ в Афинах, Ecole française d'Athènes, о которой речь впереди.

В особенности велик был наплыв в Грецию, после ее освобождения, немецких ученых и путешественников, что̀, кроме научных интересов, объясняется еще и тем, что первым греческим королем был Оттон, бывший баварский принц. Между Греческим королевством его времени и Германией, в частности Баварией, установились тесные связи. Из филологов одним из первых посетил освобожденную Грецию Тирш (Thiersch), „praeceptor Bavariae“, как его называли, филэллин, поборник греческой свободы. При Оттоне состоял профессор Брандис, читавший ему лекции, а в семье Брандиса, в качестве домашнего учителя, жил молодой Эрнст Курциус, будущий автор известной „Греческой истории“, инициатор и руководитель раскопок в Олимпии. Курциус, отправившись в Афины в 1837 г., воочию знакомится с природою страны, с ее топографиею, с ее памятниками. Он сопутствует знаменитому географу Карлу Риттеру в его путешествии по Пелопоннесу, плодом чего явилось его описание последнего, „Peloponnesos“ (1851—2, 2 т.), обратившее на себя общее внимание: прекрасная форма, живость, художественность и точность описаний, серьезные научные достоинства, все это в нем гармони-

---

[1]) Результаты экспедиции обнародованы в 3 томах Expédition scientifique en Morée (1831—8).

[2]) Chabert, стр. 68 сл. — Раньше Леба командирован был в Малую Азию (1833—7) Тексье, о котором мы упоминали в I-ой части.

чески соединяется. Здесь отразилось влияние К. Риттера — его идеи о взаимодействии природы и человека, географии и истории. В Афины прибыл и друг детства Э. Курциуса, поэт Гейбель. Вместе они гуляли „то по тихим берегам Илисса, где Сократ искал уединения, то по оливковой роще и окраине Колона или по высотам древнего акрополя, откуда открывался вид на Эгину; вместе они вдумывались в слова аттических поэтов, стараясь уловить их внутренний смысл и подыскать немецкое выражение; а по вечерам записывали стихи и находили в этой работе неисчерпаемое наслаждение“ [1]). Вместе с Гейбелем Курциус совершает поездку на Циклады, на Парос и Наксос, и эта поездка оставляет в нем неизгладимое впечатление, о чем красноречиво свидетельствует его лекция о Наксосе, читанная им несколько лет спустя и носящая на себе следы живых, личных впечатлений и воспоминаний. Об афинском акрополе Курциус, по возвращении в Германию, читает лекцию в „Научном ферейне“, со свойственным ему художественным талантом, наглядно и живо, как очевидец, описывает акрополь, его памятники, их печальную судьбу, и производит сильное впечатление на присутствовавших, в числе которых была будущая императрица Августа, жена Вильгельма I и мать кронпринца Фридриха. Она тут же решила пригласить Курциуса в наставники своему сыну, что̀, как увидим, имело благоприятные последствия для успеха и осуществления тех научных планов, которые Курциус лелеял.

Побывал в Греции и Франц, сотрудник Бёка по продолжению издания собрания греческих надписей. Появляются многочисленные описания путешествий и исследования по топографии — австрийского посланника при греческом дворе Прокеш-Остена, путешествовавшего по Востоку и Греции и на о-ве Фере открывшего в средине 30-х годов архаические надписи, собирателя греческих монет; Форхгаммера, историка Фалльмерайера и многих других. Киперт издает свой атлас и свои знаменитые карты. Является в Грецию и Карл Отфрид Мюллер, автор многочисленных и разнообразных трудов, посвященных мифологии, археологии и искусству, литературе и истории Греции, талантливейший и любимый ученик Бёка. В нем соединялись юношеский пыл, художественные наклонности, историческое чутье, замечательные природные дарования и удивительное трудолюбие. Один из историков (Gooch) называет К. О. Мюллера „юным Аполлоном в историческом Пантеоне“. Современники говорили о счастье Мюллера, и он сам называл себя „любимым сыном счастья“. Он мечтал о том, чтобы видеть воочию Грецию. Мечта сбылась: в 1839 г. К. О. Мюллер ступил на священную для него землю Эллады, исполненный радостных надежд и широких

---

[1]) Из „Воспоминаний“ Курциуса о Гейбеле.

планов. Но его постиг трагический конец: в Дельфах он производил раскопки, открыл часть Полигональной или Пеласгической стены и на ней важные надписи, и в тот момент, когда он, несмотря на палящий зной, списывал одну из надписей, он был поражен солнечным ударом и умер в Афинах (1840), на руках своих учеников Э. Курциуса и Ад. Шёлля. Последние его слова были: „Какие колонны!..“ Ему было всего 43 года [1]).

Долее всех из немецких ученых археологов оставался в Греции Людвиг Росс (L. Ross). Он провел здесь 13 лет (1832—45), состоял хранителем или инспектором („генеральным эфором“) древностей, а затем некоторое время профессором в только-что основанном тогда (1837) Афинском университете. Росс, частью сам, частью сопровождая короля Оттона, много раз изъездил Грецию и описал, описал подчас увлекательно, свои путешествия в нескольких сочинениях. Он деятельно изучал страну, ее население и древние памятники, собирал надписи и многие из них пересылал Бёку, напр. надписи, касающиеся морского дела афинян и документально знакомящие нас с состоянием морских сил Афин. Они найдены в Пирее в 1834 г. Россу принадлежат также работы по топографии и географии Греции. Он же руководил раскопками в Афинах, в акрополе, которые начаты в 1833 г. и результаты которых обнародованы им совместно с архитекторами Шаубертом и Ганзеном (1839). Акрополь расчищен, благодаря пробным раскопкам обнаружено там несколько культурных слоев, восстановлен храм Ники и т. д.

На этом поприще работали и греческие ученые. Примером того, до чего доходило охватившее их увлечение древностями, является преемник Росса в должности хранителя древностей Кириак Питтаки или Питтакис (1806—63), страстный археолог, но не совсем добросовестный и ненадежный, не останавливавшийся перед вставками, интерполяциями и фальсификациями. С 15-летнего возраста он стал уже копировать надписи. Среди войны за освобождение Греции, между схватками с турками, с ружьем клефта за плечом, рискуя жизнью, молодой Питтаки спасал от гибели древние памятники, разбирал надписи, снимал с них копии [2]). Другой пример — Рангави или Рангавис (по-французски Rangabé), выдающийся патриот, государственный деятель, дипломат, поэт и ученый [3]), издавший собрание надписей, найденных в Греции со времени ее освобождения (Antiquités helléniques, 1842—55, 2 т.). Ими открыто или опубликовано немало важных надписей, напр. часть так назыв. списков дани

---

[1]) Собранные им надписи изданы после его смерти Э. Курциусом в 1843 г. (Anecdota Delphica).

[2]) Chabert, стр. 72; Larfeld, стр. 43.

[3]) О нем ст. А. Н. Деревицкого. Одесса. 1896 (Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древн., XIX).

союзников — списков, в которых перечисляются города, платившие в Афины форос, с обозначением его размера,—документальный, незаменимый источник для истории Первого Афинского союза, на основании которого мы можем составить себе точное понятие о числе и положении союзников, о том, сколько каждый город платил фороса, каким колебаниям этот форос подвергался, как он раскладывался и т. д. [1]); постановление об организации Второго Афинского союза, в „архонтство Навсиника“ (378/7 г.), с именами союзных городов, — тоже драгоценное документальное свидетельство, из которого узнаем, когда, на каких началах и условиях организовался Второй союз [2]); декрет об основании колонии в Брее, во Фракии, относящийся ко времени Перикла [3]); привилегия мефонцам [4]), из которой узнаем, что жителям Мефоны дозволялось вывозить из Византии ежегодно известное количество хлеба без пошлины, „десятины“, взимавшейся, как оказывается уже тогда, т. е. в начале Пелопонесской войны, с торговых судов, шедших через проливы, из Понта и в Понт; фрагменты копии конца V в. с уголовных законов Дракона [5]), и т. под. В греческом обществе пробуждается любовь к изучению родной старины и ее памятников, стремление к научным исследованиям, и по инициативе Питтаки и Рангави в 1837 г. возникает Греческое Археологическое Общество, если не на первых порах, то впоследствии развернувшее энергичную деятельность в деле раскопок и опубликования их результатов. Тогда же (1837) в Афинах основывается университет.

Тем временем в Италии, в Помпеях, продолжаются раскопки. В 1831 г. открыта большая мозаика, изображающая сражение Александра Македонского с персидским царем, по поводу которой Гете сказал: „Не хватит современников и потомков, чтобы правильно истолковать такое чудо искусства, и мы после объяснения и исследования снова будем вынуждены вернуться к простому чистому восторгу“ [6]). Открыто было нечто новое в античной культуре — помпеянские фрески, помпеянская живопись. Насколько популярны были Помпеи, показывает известный роман английского писателя Бульвера, избравшего сюжетом „Последние дни Помпеи“ (1834). Роман имел большой успех и был переведен на другие языки, между прочим и на русский.

---

[1]) C. I. A., I, 234 и сл.

[2]) Опубликовано Евстратиади и затем Рангави. См. C. I. A., II, 17; Dittenberger, I², 80.

[3]) C. I. A., I, 31; Dittenberger, I², 19.

[4]) C. I. A., I, 40; Dittenberger, I², 33.

[5]) C. I. A., I, 61; Dittenberger, I², 52; Dareste, Haussoullier, Th. Reinach, Rec. des inscr. jurid. gr., 2-me série (P. 1898), где имеется и франц. пер. и комментарий; русск. пер.—Древн. мир в пам. его письмен., II, 120.

[6]) Михаэлис, стр. 72 сл.

Мы уже упоминали о находке греческих расписных ваз. Открывалась новая страница в истории художественного ремесла в Греции. Франсуа, производивший раскопки этрусских могил, в 1844 г. в одной из гробниц близ древнего Клузия нашел замечательную расписную вазу, названную по его имени „вазой Франсуа“, — шедевр аттической керамики времен Солона, — с обозначением имен мастера, ее сделавшего, и художника, ее расписавшего. В 30-х годах найдена статуя Софокла, а в конце 40-х (1849) — статуя атлета, Апоксиомена Лисиппа.

Во время первой экспедиции Лепсиуса в Египет (1842—5) [1]) в Нубии, в Абу-Симбеле, открыт один из древнейших греческих эпиграфических памятников — надпись, начертанная греческими наемниками „царя Псамметиха“ [2]) на колоссе, стоящем перед храмом; в ней перечисляются имена воинов, принимавших участие в экспедиции Псамметиха к Элефантине. Вообще Лепсиусом собрано в Египте более 600 греческих надписей. А во второй половине 60-х годов им открыт Канопский декрет — постановление в честь Птолемея III Эвергета, — начертанный тремя письменами, в том числе и на греческом языке (см. I, 27). — Об открытии „памятника Гарпий“ в Ксанфе, в Ликии, и „Героона“ в Гёльбаши, тоже в Ликии, мы уже упоминали в I ч. (стр. 220—1).

В 50-х годах и до конца 60-х в общем наступает некоторое затишье в деле изыскания греческих древностей. Тем ярче на фоне этого затишья выделяются изыскания французов в Дельфах, о чем скажем далее, и деятельность английского ученого, эпиграфиста Чарльза Томаса Ньютона (Newton), на время променявшего место хранителя при Британском Музее на несение консульских обязанностей в Митилене, на о-ве Лесбосе, и на Родосе, чтобы иметь возможность исследовать заинтересовавший его памятник—знаменитый Мавзолей в Галикарнассе, воздвигнутый Артемисией, вдовою местного владетеля, Мавсола, своему покойному мужу в средине IV в. и причисленный к „семи чудесам света“. Фрагменты этого памятника, некоторые плиты фриза или их обломки, рассеяны были в разных местах. Они находимы были и в турецкой крепости Будруне, на месте древнего Галикарнасса, и в Генуе, где плиту открыла одна любительница искусств, в павильоне виллы, и на о-ве Родосе. В Будруне 12 плит с рельефами были вделаны в стены замка времен Иоаннитов; после долгих стараний английскому послу в Константинополе, Каннингу, тому самому, который оказал поддержку Лэйярду (см. I ч., стр. 122), удалось добиться разрешения взять эти плиты и доставить в Британский музей (1846). Ньютон проездом чрез Константинополь открыл в тамошнем музее обломок фриза Мав-

---

[1]) См. I ч., стр. 22 сл.
[2]) I или II, — вопрос спорный.

золея, а на Родосе нашел куски его замурованными в стены частных домов. На месте древнего Галикарнасса Ньютон исследовал топографию и определил положение Мавзолея. Приступить к раскопкам ему удалось лишь в самом начале 1857 г. В результате Мавзолей был открыт. Извлечено множество драгоценных мраморных памятников; среди них — обломки статуй Мавсола и Артемисии, громадный торс всадника, одетого по-персидски, скульптуры восточного фриза работы Скопаса—„одно из главных произведений греческой пластики средины IV в.“ [1]) и т. д. Кроме того, Ньютон на константинопольском ипподроме в 1855 г. находит знаменитый треножник—колонну в виде трех переплетающихся змей,—который после битвы при Платеях принесен был греками в дар в Дельфы и на котором начертаны были имена греческих государств, участвовавших в войне против персов; делает ряд других открытий; по окончании раскопок в Галикарнассе выясняет план города Книда, находит там статую Деметры — произведение времен Праксителя—и лежащего огромного мраморного льва — памятник по поводу победы Конона над спартанцами в морском сражении у Книда (394 г.); близ Милета, в Бранхидах, где был храм Аполлона, откапывает колоссальные статуи, стоявшие по дороге, ведшей к этому храму [2]). Все это Ньютоном было увезено в Англию, в Британский музей. Не говорим уже об открытии им надписей.

Древне-греческий мир охватывал и северное побережье Черного моря. Там был ряд греческих колоний, и некоторые из них являлись крупными культурными и торговыми центрами. Некогда здесь процветало Боспорское царство. С тамошними колониями Эллада поддерживала тесные торговые сношения. Из Припонтийских стран получались хлеб (особенно пшеница), соленая рыба, шкуры, рабы, а туда отправлялись глиняная посуда, масло, предметы роскоши, художественные и ремесленные изделия и проч. Греческое влияние проникало к соседним скифам и вообще варварам; происходило смешение элементов греческих со скифо-сарматскими и восточными — иранскими или, как теперь некоторые думают, хеттскими. На все это археологические данные проливают свет [3]).

---

[1]) Михаэлис, стр. 106.

[2]) Newton and Pullan, A history of discoveries at Halicarnassus, Cnidus and Branchidae. L. 1862 — 3; Newton, Travels and discoveries in the Levant. L. 1865, 2 v.

[3]) Общий обзор классич. древностей юга России — в I вып. „Русск. древн. в памятн. искусства“ И. И. Толстого и Н. П. Кондакова (П. 1889); „Изборник источников“ — „Древн. мир на юге России“ (М. 1918), под ред. Б. А. Тураева, И. Н. Бороздина и Б. В. Фармаковского; И. Н. Бороздин, Античн. культура на юге России, М. 1918 (в кол. „Культ.-бытов. оч. по миров. ист.“); Minns, Scythians and Greeks. Cambr. 1913; М. И. Ростовцев, Эллинство и иранство на юге России, П. 1918, и его же, Iranians and Greeks in South Russia. Oxf. 1922; Ebert, Südrussland im Altertum. 1921.—Более подробные библиографич. указания—в моем „Введении“, стр. 355 сл., прим.

Исследование края в археологическом отношении началось вскоре после покорения его Россией, причем в этом исследовании принимали участие не только русские, но и иностранцы [1]).

К концу XVIII ст. и к самому началу XIX относятся путешествия академика Палласа (1793), „крымского судьи" П. Сумарокова, гр. Яна Потоцкого, уже раньше упомянутого английского минералога Кларка, Кёлера. Путешественники интересуются не только природой или настоящим края, но и его прошлым, древностями, топографией, иногда списывают, приводят надписи. Так, Паллас издал херсонесскую надпись, начертанную „в вечное воспоминание" об императоре Зеноне (V в. по Р. Х.). Кёлер находит (1804) памятник боспорской царицы Комосарии. Уже в первой четверти прошлого века основываются местные музеи древностей (в Николаеве — 1806, в Феодосии — 1811, в Одессе — 1825, в Керчи — 1826). В 20-х годах появились работы Бларамберга, Рауля Рошетта, автора „Греческих древностей Босфора Киммерийского", на франц. яз. (Antiquités Grecques du Bosphore Cimmérien. Paris. 1823), Кёппена (Köppen), издавшего „Древности северного берега Понта" (Alterthümer am Nordgestade des Pontus. Wien. 1823; потом эта книга была переведена на русск. яз., М. 1828) и опубликовавшего (1823) знаменитую „Протогенову надпись", являющуюся „перлом эпиграфических документов" северного побережья Черного моря, — обширный декрет города Ольвии в честь ее гражданина, Протогена, относящийся, вероятно, к III в. до Р. Х. В нем подробно перечисляются заслуги Протогена, его щедроты и благодеяния, которые он оказал городу, причем упоминается, при каких обстоятельствах они были оказываемы. Декрет проливает яркий свет с одной стороны на богатство, благородную щедрость и патриотизм одного из ольвийских граждан, столько раз приходившего на помощь родному городу среди угрожавших ему внешних опасностей и в годину бедствий, а с другой — на то печальное положение, в каком находилась тогда уже Ольвия, на ее политическое бессилие, ее материальный упадок. Но основание классической археологии южной России положил петербургский академик Кёлер. Появились затем один за другим историко-археологические обзоры — Спасского (Боспор Киммерийский. М. 1846), Ашика (Боспорское царство. Од. 1848—9), В. В. Григорьева (Цари Боспора Киммерийского. Спб. 1851). Следует тут упомянуть также о таком издании, как „Древности Босфора Киммерийского" (Спб. 1854. 3 т.), потом много лет спустя переизданные в Париже на французском языке С. Рейнаком (Antiquités du Bosphore Cimmer. réedi-

[1]) Н. И. Новосадский, стр. 148 сл.; С. А. Жебелев, Введ. в арх., I, 104 сл.

tées. P. 1892). В конце 40-х годов и в начале 50-х гр. А. С. Уваров, которому русская археологическая наука вообще обязана многим, объезжал северное побережье Черного моря, производя изыскания и раскопки, результатом чего явились его „Исследования о древностях южной России и берегов Черного моря" (Спб. 1851—6, 2 вып., и на франц. яз.).

Разысканию и исследованию древностей Черноморья много содействовало основанное в 1839 г. Одесское Общество Истории и Древностей, с 1844 г. начавшее издавать свои „Записки". Деятельными членами этого Общества были Н. Н. Мурзакевич и В. Н. Юргевич, известные преимущественно трудами по части надписей юга России. В. Н. Юргевич напр. опубликовал в „Записках Одесск. Общества" (в XII т.) такую важную надпись, как постановление города Херсонеса о назначении почестей и наград Диофанту, полководцу Митридата Евпатора, за его победы над скифами—один из главнейших источников для истории Херсонеса, содержащий и описание этих побед. Немалая здесь заслуга принадлежит также учрежденному в Петербурге (в 1846 г.) Русскому Археологическому Обществу, Московскому Археологическому Обществу, основанному по мысли гр. А. С. Уварова (1864), и Археологической Комиссии, которая учреждена была в 1859 г. с целью разыскания и охранения предметов древности. В ее „Отчетах" (а впоследствии и в „Известиях") публиковалось о новых находках; в них помещены дневники и журналы раскопок (напр. за 1851—81 гг.), с приложением объяснения памятников, составленного акад. Л. А. Стефани, монографий и исследований. Описания археологических раскопок и находок в черноморских степях находятся и в изданных ею „Древностях Геродотовой Скифии" (Спб. 1866—72. 2 вып.).

Вели раскопки часто не ученые специалисты, а любители, лица разных профессий. Из раскопок на юге России в рассматриваемый период обращают на себя внимание прежде всего керченские, на месте древнего Пантикапея, столицы Боспора. Первые разыскания здесь были сделаны французом Дюбрюксом. С. Рейнак называет его „создателем Боспорской археологии". Это был начальник таможни в Керчи, страстно преданный делу разыскания древностей. Он отказывал себе в необходимом, чтобы скопить необходимые средства на производство раскопок, на археологические экскурсии ходил пешком, питаясь впроголодь. Раскопки в Керчи начаты в 1816 г. А в 1831 г. в кургане Куль-Оба, в нескольких верстах от Керчи, при ломке камня для построек, открыта была гробница с саркофагами, скелетами и различными вещами, в числе их—знаменитая ваза из смеси золота и серебра (электрона) с изображениями скифов; с поразительным реализмом изображены на ней выдергивание больного зуба, перевязка ноги, царь и,

повидимому, лазутчик. С большим интересом и участием к изысканиям и собиранию древностей относился и керченский градоначальник того времени И. А. Стемпковский, по побуждению которого основан в 1826 г. и Керченский музей древностей. С 1832 г. начались более или менее постоянные раскопки. Митридатова гора и керченский некрополь подверглись мало-по-малу исследованию; найдено много предметов; открыты катакомбы, многие с интересными фресками.

По богатству памятников декоративной живописи гробницы Керчи и ее окрестностей занимают одно из первых мест среди других центров греческой культуры [1]). Памятники эти идут от IV в. до Р. Х. по IV в. после Р. Х., почти непрерывно. Первый из таких склепов был открыт в 1832 г. правителем канцелярии керченского градоначальника Д. В. Карейшей; это — „Склеп пигмеев“, названный так по росписи, изображающей чрезвычайно живо битву пигмеев с журавлями. В 1841 г. директором Керченского музея А. Б. Ашиком (родом из Далмации) открыт склеп, „поражающий необычайным богатством росписи, ее пышностью и торжественностью“, массовым характером реалистических сцен, с замечательными изображениями, кроме мифологических картин, — погребальной процессии, конного боя, охоты, гладиаторов. Но первое время работы в Керчи вообще велись без строгой системы; копали, ища больше „золотых вещей“. К самым сооружениям относились без должного внимания, и открытые памятники, их местоположение забывались, затеривались. Такова была участь и замечательного склепа, открытого А. Б. Ашиком. — Последним исследован и самый крупный курган, так назыв. Змеиный, из группы курганов Юз-Оба, близ Керчи.

Во время Крымской войны раскопки не могли, конечно, вестись сколько-нибудь систематически; многие древности пострадали; часть увезена англичанами, которые настолько заинтересовались керченскими древностями, что даже производили раскопки, и Макферсон в 1857 г. опубликовал их результаты под заглавием: „Древности Керчи и изыскания в Киммерийском Босфоре“ (Antiquities of Kertch and researches in the Cimmerian-Bosphorus).

По ту сторону Керченского пролива, на Таманском полуострове, вел раскопки (1859) профессор Московского университета К. К. Герц. По дороге из Тамани в Темрюк И. Е. Забелиным (1864) и А. Е. Люценком раскопан курган, известный под названием Большая Близница, и в нем найдено много предметов. Судя по ним, это гробница жрицы Деметры или, по крайней мере, ее мисты. Раскопки в этой местности, на Кубани, продолжал потом бар. В. Г. Тизенгаузен.

[1]) Об „Античной декоративной живописи на юге России“ — капитальный труд М. И. Ростовцева. Спб. 1913—14. Т. I (текст) и атлас.

Близ Севастополя, в Херсонесе, Корсуни наших летописей, систематические раскопки начались лишь с конца 80-х годов прошлого века, а из предшествовавших изысканий следует отметить исследования гр. А. С. Уварова, о которых упоминалось выше. Им открыты в Херсонесе между прочим базилика и надписи более древнего времени. Он же производил разыскания и в Симферополе, в предместье которого, Керменчике, найдены следы древнего „Неаполя".

Среди древних греческих колоний в Черноморском крае видное место занимала Ольвия. Интересны ее надписи,— стоит вспомнить напр. о декрете в честь Протогена. Производились и в ней разыскания; делались иногда находки в роде золотой маски, хранящейся в Эрмитаже; но правильные, систематические раскопки в Ольвии начались гораздо позже, только уже в нашем столетии, а тем временем предметы древности нередко расхищались.

В отдаленном углу, в низовьях Дона (Танаиса), боспорские греки основали за несколько веков до Р. Х. обширное торжище с варварами, колонию Танаис. У нынешней Недвиговки, где оказались следы его, в 1853 г. производил изыскания П. М. Леонтьев, профессор Московского университета, впоследствии известный соредактор М. Н. Каткова по „Московским Ведомостям". Им найдены надписи, проливающие свет на отношения Танаиса к Боспору, на внутренний его строй, на существовавшие в нем религиозные общества. Некоторые надписи датированы.

В Приднепровье в 1851—5 г. Терещенком и Люценком исследован огромный Александропольский курган (или Луговая могила). А в 20 верстах от Никополя в 1862 г. И. Е. Забелиным раскопан Чертомлыцкий курган, и в нем между прочим найдена знаменитая серебряная ваза с необыкновенно живыми изображениями скифов и их лошадей, которых то спутывают, то с трудом удерживают на поводу, то эти лошади мирно пасутся... Как и большинство других находок в курганах южной России, ваза эта находится в Эрмитаже.

Так составлялась та коллекция золотых и серебряных изделий, античной торевтики — обработки металлов для художественных целей,—которая теперь признается в своем роде „единственною в мире как по количеству и разнообразию ее состава, так и по высоким художественным качествам некоторых предметов". Вопрос в том, были ли эти шедевры произведениями греческих мастеров привезенными или же местного производства? Ответ теперь дается тот, что это—произведения греческих мало-азиатских (ионийских) мастеров, работавших по заказу скифских и сарматских владетелей, и что относятся они к IV—III в. до Р. Х. [1]).

[1]) Таково мнение большинства, в том числе М. И. Ростовцева. Б. В. Фармаковский, раньше принимавший тоже эту дату, потом отдал предпочтение II ст.

3. Шлиман и его раскопки в Трое, Микенах и Тиринфе.

С 70-х годов XIX ст. наступает новая эпоха в изучении древне-греческого мира: начинается ряд поразительных открытий, раскрывающих пред нами новый для нас культурный мир или бросающих новый свет на те или другие моменты и стороны в истории древней Греции.

Здесь на первое место следует, конечно, поставить открытие Гомерической Трои и древней культуры, которая некогда существовала в течение многих веков в Европе, в области Эгейского моря, и пышно расцвела там в отдаленные времена, в третьем и во втором тысячелетии до начала нашего летосчисления [1]). Пятьдесят лет тому назад ничего еще не знали о ее существовании. Исторический период Греции начинали обыкновенно со вторжения дорян в Пелопоннес, которое относят к 1100 г. до Р. Х. О том, что̀ было раньше, знали лишь по мифам и по преданиям, поэтическим сказаниям греков, принимаемым за вымысел. Теперь пред нами открыт огромный и важный период блестящего культурного развития, открыта первая великая цивилизация в Европе, возникшая еще до появления греков на историческом поприще.

Культуру эту—хотя и не во всем ее известном нам теперь объеме—открыл Генрих Шлиман, самоучка, купец-археолог. Судьба Шлимана замечательная, и его биография полна глубокого интереса. Она похожа почти на сказку или роман. Только героиней этого романа является не женщина, а Гомерическая Троя, которою герой романа увлекается с детских лет. Тут пред нами новое доказательство того, что̀ значит энтузиазм, вера в свое дело и энергия. Сам Шлиман познакомил нас с своею сказочною судьбою, дав свою автобиографию в начале книги об Илионе (Ilios. 1881), и каждое свое открытие он сопровождал изданием подробного отчета, выходившего обыкновенно в виде объемистого тома, со множеством рисунков, с предисловием известных ученых, большею частью одновременно на трех языках — немецком, английском и французском. Биография Шлимана неразрывно связана с его делом.

Генрих Шлиман, сын бедного пастора, родился в Нейбухове, в Мекленбург-Шверине, в 1822 г. Еще под влиянием впечатлений

---

[1]) Dussaud. Les civilisations préhelléniques dans le bassin de la mer Egée. 2-me éd. P. 1914; Hall, Aegean Archaeology. L. 1915; Лихтенберг, Доисторич. Греция (Эгейская культура). Спб. 1913, пер. с нем. с предислов. Б. В. Фармаковского; популярный „Очерк Эгейского мира“ А. А. Захарова. М. 1918 (в кол. „Культ.-бытов. очерки по мировой истории“); Валерий Брюсов, Учители учителей. Древнейш. культуры человечества и их взаимоотношение (в журн. „Летопись“, 1917, май—июнь и след.); В. П. Бузескул, Древнейшая цивилиз. в Европе (Вестн. Евр., 1916, авг., и отд., Харьк. 1918).— Подробные библиографич. указания — в моем „Введении“, стр. 318—319 сл.; ср. стр. 416, 422—3 сл.

детства зарождается в нем страсть к археологии и мечта об открытии Трои. Ему было всего 8 лет, когда он пришел к непоколебимой вере, потом уже никогда его не покидавшей, что Троя существовала—и именно в таком виде, как видел он ее на картинке или как описывает ее Гомер, — что ее колоссальные стены не могли исчезнуть совершенно, а лишь скрыты под многовековым мусором, и что он впоследствии откопает эту Трою. Но, казалось, этой мечте не суждено было сбыться: семью Шлимана постигает ряд несчастий; мальчик покидает среднюю школу и поступает сидельцем в мелочную лавку, где он был занят с утра до вечера; его здоровье расстраивается, он лишается места; пешком идет в Гамбург, но не находит и там заработка. В отчаянии поступает юнгой на корабль, плывший в Америку, в Венецуэлу. У берегов Голландии корабль терпит крушение, и Шлиман едва спасается от гибели. Он очутился в чужой стране, без всяких средств к жизни, по дороге в Амстердам просит милостыню, голодает и в Амстердаме, пока из такого отчаянного положения не спасает его денежная помощь из Германии и рекомендации, благодаря которым он получает, наконец, место в одной торговой конторе. Здесь Шлиман штемпелюет векселя, сдает и получает письма на почте и т. под. Все свободное время он употребляет на свое образование, главным образом на изучение иностранных языков, тратя на это половину своего жалованья, живя на чердаке, довольствуясь самым скудным завтраком и обедом, работая неутомимо,—на посылках, при долгих ожиданиях на почте, имея при себе книгу, не теряя времени, читая или заучивая что-либо наизусть. При изучении иностранных языков Шлиман придерживался особой, чисто практической методы, и прежде всего в течение 6 месяцев выучивается писать и говорить по-английски, затем усваивает языки французский, голландский, испанский, итальянский и португальский, принимается даже за изучение языка р у с с к о г о, без учителя, имея под рукой только грамматику, словарь и плохой русский перевод „Похождений Телемака“ Фенелона, и через полгода в состоянии был уже написать письмо по-русски.

В 1846 г. Шлиман переезжает в Петербург, сначала в качестве агента торгового дома, а вскоре потом ведет самостоятельную торговлю колониальными товарами, преимущественно индиго; благодаря необыкновенной удаче, энергии и предприимчивости, практическому уму, который у него соединялся с энтузиазмом и верой в существование Трои, богатеет. В 60-х годах он был уже миллионером. К тому времени он выучился греческому и латинскому языку (которому учился еще в детстве, но успел позабыть). Еще в конце 50-х годов Шлиман путешествовал по Европе, Египту и Сирии, посетил Циклады и Афины. Теперь он решает ликвидировать окончательно свои торговые дела и приняться за осуществление еще с детства

лелеемой мечты—за открытие Гомерической Трои. Но прежде он хочет, по собственному выражению, „повидать свет“ и в 1864 г. посещает северный берег Африки, развалины Карфагена, отправляется затем в Индию, к берегам Китая и Японии, на пути в Америку, куда его призывали личные дела. Дорогой пишет первую свою книгу: „Китай и Япония“ (на франц. яз.). В 1866 г. Шлиман возвращается в Европу, поселяется в Париже и принимается за изучение археологии; он готовился осуществить, наконец, мечту всей своей жизни.

В 1868 г. Шлиман посетил Ионические острова, в том числе Итаку, как родину Одиссея. Уже тут сказались его увлечение Гомером, непоколебимая вера в действительность того, что описывает „божественный поэт“. Шлиман говорит об открытых им „циклопических стенах“ города на вершине горы Аэт и при этом замечает: „В целом свете нет столицы, подобной этому циклопическому городу... Каждый почитатель Гомера должен был бы посетить Итаку. Ибо нигде в греческом мире воспоминание о героической эпохе не сохранилось так живо и чисто, как здесь. Тут каждый залив, каждый источник, каждая скала, каждый холм, каждая оливковая роща напоминает о божественном поэте и его бессмертной Одиссее“. И Шлиман говорит о сталактитовом гроте у гавани Дексии, отождествляя его с пещерою, в которой Одиссей при содействии богини Афины спрятал свои сокровища; о следах сельских построек, принимая их за жилища Евмея, и т. д. Между тем еще вопрос, есть ли тот остров, который мы теперь называем Итакой,—древняя, Гомерическая Итака. Сотрудник и продолжатель дела Шлимана, Дёрпфельд, выставил гипотезу, по которой Гомерическая Итака—это нынешняя Левкадия, и эта гипотеза вызвала целую литературу. Шлиман посетил затем Пелопоннес и Афины, а отсюда уж отправился в Троаду для предварительных раскопок на месте Трои.

Дело в том, что вопрос о местонахождении Гомерической Трои был тогда еще спорным. Относительно этого существовало несколько мнений. В древности господствовало убеждение, что Гомерическая Троя находилась там, где впоследствии был Новый Илион. По словам Геродота, Ксеркс, во время своего похода на Грецию, посетил это место и принес 1000 быков в жертву Афине, а маги совершили возлияние павшим некогда здесь героям. Александр Македонский, предпринимая завоевание Персии, посетил, подобно Ксерксу, Илион и тоже совершил тут жертвоприношение. Римляне, особенно Юлий Цезарь и Август, покровительствовали Новому Илиону, как родине Энея, от которого выводили они свой род. Но против мнения, что Новый Илион стоит на месте древней Трои, во II стол. до Р. Х. выступил Димитрий из Скепсиса и доказывал, что Гомерическая Троя находилась на месте так называемой „Деревни Илийцев“ (теперь Ганаи-Тепе, против Бунарбаши). На-

конец, в исходе XVIII ст. французский путешественник Лешевалье в своем „Voyage de la Troade“ (1790) выступил с новой гипотезой, а именно, что Гомерическую Трою следует искать в южной части Троянской равнины, далее от морского берега, там, где теперь деревня Бунарбаши, у возвышенности Бали-Даг. Мнение Лешевалье было многими принято и, можно сказать, господствовало, когда Шлиман приступил к предварительным разысканиям в Троаде.

Шлиман вскоре убедился, что Бунарбаши не может считаться местонахождением Гомерической Трои, так как, во-первых, самая местность очень мало соответствует описанию Гомера; во-вторых, тут нет сколько-нибудь значительного слоя мусора, так что Шлиман почти тотчас же дошел до материка, и, в-третьих, остатки существовавшего здесь укрепления никоим образом не принадлежат глубокой древности. Шлиман пришел к убеждению, что Гомерическую Трою следует искать на месте Нового Илиона, на холме, который теперь по-турецки называется Гиссарлык, и он решил именно тут предпринять свои грандиозные раскопки [1]). Гиссарлык (собственно Асарлык), „Место развалин“,—небольшой холм, высотой в 50 метров над уровнем моря, в северо-западном углу Малой Азии, в нескольких верстах от Геллеспонта. Местность совершенно соответствует описаниям Гомера [2]). На юго-восток от Гиссарлыка возвышается величественная Ида, на вершине которой, как говорится в VIII песни Илиады (ст. 51 сл.), Зевс воссел, „град созерцая Троян и суда меднобронных Данаев“, и с которой он бросал перуны в „ахейские рати“. На запад пред Гиссарлыком расстилается долина древнего Скамандра (теперь р. Мендере), на север—долина Симоиса (теперешнего Думбрека), далее виднеются Геллеспонт и море, острова Тенедос, Имброс и горная вершина Самофраки „лесистой“, с которой „мощный земли колебатель“, Посейдон, взирал на кровавую битву:

„ . . . оттоле великая виделась Ида,
Виделась Троя Приама и стан корабельный Ахеян“.

(Ил., XIII, 10 сл.).

За свои раскопки на Гиссарлыке Шлиман принялся окончательно осенью 1871 г., по получении разрешения от турецкого правительства, и производил их в течение многих лет, с некоторыми перерывами, исключительно на свои собственные средства, содержа многочисленный штат рабочих. Энергичною помощницею Шлимана в деле раскопок является его вторая

---

[1]) См. его Ilios. Leipz. 1881; о Трое главный, сводный или подводящий итог труд—Dörpfeld, Troja und Ilion. Athen. 1902. Дальнейшая библиография в моем „Введении“.

[2]) Leaf, Troy. A Study in Homeric Geogaphy. L. 1912.

жена [1]), Софья, родом гречанка, такая же восторженная почитательница Гомера, как и он сам. Нельзя не удивляться тому увлечению, тому терпению и энергии, которые обнаружили Шлиман и его жена в своих поисках за Гомерическою Троей. Имея возможность жить среди роскоши и полного комфорта, они добровольно обрекли себя на великий труд, мирились с тяжелыми условиями бивуачной жизни, переносили всевозможные неудобства, терпели и зной, и стужу. Особенно тяжело было для Шлимана и его жены начало 1873 г., когда работы, на зиму обыкновенно прекращавшиеся, возобновлены были очень рано, в первых числах февраля. Сквозь деревянные стены дома, построенного Шлиманом, дул резкий северный ветер, нельзя было зажечь лампы, холод в комнатах достигал до — 4° по Р., вода замерзала. Днем, на воздухе, при постоянном движении, все это было еще сносно, но вечером, — говорит Шлиман в своей автобиографии, — „кроме нашего одушевления к великому делу открытия Трои, мы не имели ничего, что̀ согревало бы нас“. Зато именно в 1873 г. раскопки Шлимана шли особенно успешно: тогда открыт был им большой клад, отрытый им собственноручно. Произошло это так. Рабочие натолкнулись во время раскопок на золотой предмет. Шлиман тотчас догадался, что тут скрывается важная находка, но он опасался, как бы рабочие не похитили вещей. И вот, чтобы сохранить находку, он дает раньше обычного времени сигнал для завтрака; рабочие удаляются; Шлиман сам собственноручно принимается копать, можно сказать, с опасностью для жизни — так как стена, под которой приходилось рыть, ежеминутно грозила обрушиться; а жена его прятала найденные вещи под мантилию и уносила в дом. Так открыт был и спасен для науки большой клад, который Шлиман сначала назвал „кладом Приама“, а потом, выражаясь осторожнее, „кладом владетеля“ или „царя города“.

В 1874 г. Шлиман на время приостановил свои раскопки на Гиссарлыке и обнародовал результаты своих изысканий в книге под заглавием „Троянские Древности“ (Trojanische Alterthümer), вскоре же вышедшей во французском и английском переводе. Тут ярче всего обнаружился энтузиазм Шлимана, его слепая вера в Гомера. Для него гомерические поэмы — подлинный исторический источник, более того — священная книга, свидетельство которой непреложно. По Шлиману, все до мельчайших подробностей должно быть и в действительности так, как говорит Гомер. Впоследствии, впрочем, он стал осторожнее в своих выводах и гипотезах.

---

[1]) Первая жена Шлимана была русская. Вообще связи Шлимана с Россией довольно тесные. Сын его от первого брака одно время служил судебным следователем в Западном крае и женат был на уроженке г. Харькова, А. Г. Денченко. Дочь Шлимана от того же брака вышла замуж за проф. Н. И. Андрусова, впоследствии академика.

Следующие затем годы Шлиман проводит в изысканиях на месте древних Микен, в Пелопоннесе, изысканиях, давших, как увидим, еще более поразительные результаты, в раскопках на Итаке, в хлопотах о новом фирмане для дальнейших раскопок на Гиссарлыке. Сюда он возвратился лишь осенью 1878 г. В следующем году в Троаду на раскопки Шлимана прибыли известные ученые Рудольф Вирхов, прославившийся своими исследованиями в области медицины и в то же время знакомый прекрасно с первобытной археологией, и Эмиль Бюрнуф. Оба они оказали не мало содействия Шлиману. В 1881 г. Шлиман издал большой труд на английском языке, тотчас же явившийся и в немецком переводе, о своих открытиях и находках в Илионе (Ilios). После того он произвел изыскания в Орхомене (в Беотии), с его знаменитой, так называемой, „Сокровищницей царя Миния". В 1882 г. он опять возобновляет раскопки на Гиссарлыке, при содействии архитектора и археолога Дёрпфельда. Результаты новых своих открытий он публикует в книге „Troja" (1884).

Каковы же общие результаты и выводы, к которым привели Шлимана его раскопки на Гиссарлыке?

Шлиман насчитывал на Гиссарлыке 7 слоев,—7 поселений или городов, последовательно возникавших один на месте другого в течение многих веков, начиная с древнейших времен и кончая греко-римской эпохой, Новым Илионом, в котором он нашел, между прочим, прекрасную метопу с изображением Гелия, управляющего конями. Последующие изыскания обнаружили, что таких слоев или городов было больше: Дёрпфельд насчитывает их 9. Тут пред нами длинная смена разных культурных периодов. Мы остановимся здесь лишь на первом и втором городе (считая снизу, от материка), как наиболее важных из тех, которые были исследованы Шлиманом.

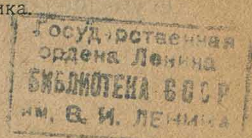
От первого города, древнейшего, остался ряд параллельных стен; внешние стены толще, внутренние тоньше. В средине, между стенами, попадаются остатки жилищ, довольно жалких. Параллельные стены, как это выяснилось при раскопках 1890 г., связаны были поперечною стеною. Орудия — топоры, ножи и проч. — каменные, из нефрита, диорита, а также из порфира. Металлические вещи — большая редкость. О железе нет и помину. Сосуды — преимущественно черные, из глины, сделанные большею частью от руки; вместо ручек у них приделаны с боков вертикальные отверстия, чрез которые можно было продеть веревку или шнур. Украшения на сосудах, если и встречаются, то чрезвычайно просты, примитивны; это — зигзагообразные линии и точки, нацарапанные на глине и наполненные мелом. Изредка встречаются слабые и неумелые попытки изобразить человеческое лицо. Попадаются раковины, рыбьи кости и кости животных — быка, барана, козы, кабана. Все это указывает на еще низкую степень культуры

обитателей этого „города“, занимавшихся, очевидно, скотоводством и рыбною ловлею. Это поселение относят к неолитической эпохе, приблизительно за 3000 лет до Р. Х. [1]).

Гораздо замечательнее во всех отношениях, богаче и сильнее, несравненно выше по культуре — второй город, или, собственно говоря, акрополь, который Шлиман и принял за Гомерическую Трою [2]). Вокруг этого акрополя Шлиман открыл крепкую стену, представлявшую многоугольник, с башнями или сильными выступами на известном расстоянии и с несколькими воротами. Стена эта особенно хорошо сохранилась в южной своей части. Состоит она, во-первых, из каменного фундамента, внешняя сторона которого сложена из больших камней и представляет покатость в 45°, а внутренняя, из более мелкого камня, подымается совершенно отвесно; уровень этого фундамента везде одинаков, а высота различна: она меняется сообразно поверхности, на которой возведен фундамент. Затем уже на таком фундаменте возведена стена в $3^1/_2$—4 метра толщины. Глиняные кирпичи, из коих она сложена, высушены на солнце и смешаны с соломой, черепками, раковинами и т. д. Для скрепы в стену вделаны были толстые деревянные балки. Стена эта носит на себе следы штукатурки. Из ворот самые большие — средние или южные: они представляют выступающую вперед большую башню, с проходом посередине. К меньшим, юго-западным воротам вела отлично вымощенная дорога. Позже устроены были еще ворота с юго-восточной стороны, а главные, южные, загорожены стеной. При раскопках 1890 г. открыты еще ворота на западной стороне. Внутри стен, посреди акрополя, кроме остатков других построек, найдены развалины здания, открытого в 1882 г. и принятого сначала за храм; но когда отрыт был дворец в Тиринфе, о чем речь далее, то убедились, что и это не храм, а подобный же дворец. Он открыт на юг и представляет уже в зародыше тот тип дворцов, который развился в более позднюю, микенскую эпоху. Мы видим тут остатки ворот, дворцовый двор и две главных половины здания. Одна из них, бóльшая, состоит из портика и прилегающей к нему залы; посреди залы — остатки большого круглого очага, в 4 метра в поперечнике. Стены залы имеют около $1^1/_2$ метра в толщину, и кладка их такая же, как и стен вокруг акрополя, т. е. на каменном фундаменте возведена стена из глиняных кирпичей; для скрепы в нее тоже вделаны деревянные бревна. Рядом с этой находилась другая половина здания, меньшей вели-

[1]) Таково обычное мнение. Основываясь на Reisinger, Kretische Vasenmalerei vom Kamares-is zum Palast-Stil. Leipz. 1912, Б. В. Фармаковский, в предисловии к русск. перев. книжки Лихтенберга, стр. XXI, прим., относит I Трою не к каменному веку, а к одному периоду с I и II средне-минойским (об этих терминах—далее); II Трою—не к III тысячелетию, а ко II.

[2]) Сначала он полагал, что Троя—третий город от материка.



чины и с более тонкими стенами. Это, вероятно, женская половина.

Из находок, сделанных Шлиманом во втором городе, больше всего обращает на себя внимание так назыв. „большой клад“. Тут было 6 серебряных слитков приблизительно равного веса, от 171 до 174 граммов, так как те из них, которые были длиннее, были тоньше, и наоборот, из чего Шлиман заключил, что это, вероятно, своего рода „таланты“; медные, серебряные и золотые сосуды разнообразной формы и величины, причем в самой большой серебряной вазе оказались спрятанными 2 великолепных диадемы, золотая головная повязка, до 60 золотых серег и 8700 разных мелких золотых вещиц, как-то: колец, пуговиц, продыравленных призм и т. под., 6 золотых браслетов и 2 кубка, один из них — золотой, другой — из электрона (т. е. из смеси золота и серебра). Кроме того, в состав клада входили кинжалы, наконечники копий и секиры, все бронзовые или, лучше сказать, почти из чистой меди. Замечательно, что ни здесь, ни в других доисторических поселениях на Гиссарлыке мечей Шлиман не нашел. Весь этот клад представлял собою четыреугольную кучу, и Шлиман, убежденный, что второй город есть Гомерическая Троя, взятая неприятелем и погибшая в пламени, сначала объяснял это тем, что в момент приступа драгоценности были брошены в деревянный ящик, который пытались вытащить и спасти, но лица, его несшие, у городской стены погибли от руки врага или от огня; а потом Шлиман высказал предположение, что при пожаре клад мог упасть из верхних этажей дома. Дёрпфельд полагал, что и в Трое, подобно тому, как в Тиринфе, в стенах могли быть целые галлереи или казематы, своего рода кладовые, служившие для хранения сокровищ, и большой клад мог храниться именно в подобном помещении. Клад этот свидетельствует о богатстве владетелей города, о их сношениях с другими странами. Кроме большого клада, Шлиманом потом открыто было еще несколько меньших. При раскопках 1890 г. найдено 2 куска железа, следов которого в древнейших поселениях на Гиссарлыке до тех пор не оказывалось: очевидно, оно было тогда большою редкостью и ценилось дороже золота.

Интересны и глиняные сосуды, найденные во втором городе. Шлиман особенное внимание обратил на те из них, которые представляют изображение головы или лица (так назыв. „лицевые вазы“). Ему казалось, что это — изображение головы совы, и в связь с этим он приводил известный эпитет богини Афины у Гомера — „совоокая“, γλαυκῶπις, культ ее в Трое, хранимый там Палладиум и проч. Но Вирхов, побывавший на месте раскопок Шлимана, дал иное объяснение, проще и правдоподобнее, — что это не что иное, как не совсем удачное, еще неумелое, примитивное изображение человеческого лица; по

крайней мере, верхняя часть головы, уши, рот — чисто человеческие. Подобные, но еще более грубые изображения попадаются и из камня, причем на лбу изображены даже волосы, правда, крайне неискусно [1]). Имеются также глиняные сосуды, изображающие животных — свинью, бегемота и проч. В большом числе встречаются кубки с двумя ручками, нечто в роде „двойных" или „биноклеобразных" сосудов, соответствующие, по мнению Шлимана, будто бы δέπας ἀμφικύπελλον у Гомера: такие кубки, наполненные вином, служили круговою чашею, переходившею из рук в руки во время пира.

Не останавливаясь на разного рода оружии — медных и даже серебряных кинжалах, ножах, остриях копий, — на предметах из слоновой кости и из камня, отметим еще экземпляр небольшого идола (из свинца), изображающего нагую женскую фигуру, с локоном волос в виде рога около уха, с скрещенными на груди руками и с резко обозначенными половыми органами, и золотые предметы — бляхи, браслеты, головные булавки — с украшениями в виде спиралей или розеток, похожие на те, которые в таком обилии встречаются в Микенах. На предметах второго города нередко встречаются крестообразные знаки, так назыв. „свастика".

Судя по всему, второй город существовал долго; в его существовании можно отметить три периода. Погиб он, повидимому, среди пожара, вследствие какой-то катастрофы. Шлиман отождествил этот город с Гомерическою Троей. Ему всюду чудилось здесь сходство с описаниями у Гомера. Но он ошибся, приняв второй город за Гомерическую Трою; он, всю жизнь мечтавший об ее открытии, не дожил до того момента, когда его сотрудником Дёрпфельдом открыты были на том же Гиссарлыке древности города, который можно отождествить с Троей Гомера; это — так назыв. шестой город, относящийся к микенской эпохе, о которой сейчас скажем. Шлиман умер в заблуждении, будто им открыта Гомерическая Троя. Он коснулся слоя шестого города, но и не подозревал, что тут именно та Троя, которую он так страстно искал. Он не обратил внимания на этот шестой город, а копал все глубже и глубже, засыпая землей и мусором, до некоторой степени портя остатки Гомерической Трои. Открытая Шлиманом культура, в слоях первого и второго города на Гиссарлыке, гораздо древнее гомерической, древнее даже микенской, расцвет которой относится к 1500—1200 г. до Р. Х. В отличие от культуры гомерической и микенской ее называют троянской и относят приблизительно к III тысячелетию до Р. Х. На ряду с чертами своеобразными, в ней имеются точки соприкосновения с другими культурами древнего мира, в том числе и с микенской.

[1]) Есть мнение, что это — идолы.

Итак, Шлиман вместо Гомерической Трои открыл на Гиссарлыке дотоле неведомую культуру — троянскую. Еще важнее по своим результатам его открытия в Микенах [1]), в Пелопоннесе, в области древней Арголиды.

В легендарной истории Греции Микены занимают очень видное место. Предание говорит, что их воздвиг герой Персей, причем их строителями были циклопы; здесь царствовал его род, затем Пелопиды и Атриды. Микены — отчизна родителей Геракла. В числе их царей сказания называют того Еврисфея, на службе которому Геракл совершил свои знаменитые двенадцать подвигов, и вождя греков под Троей, Агамемнона. У греческих поэтов Микены являются местом действия ужасных драм: в отсутствие Агамемнона ему изменяет его жена Клитемнестра, и когда Агамемнон из-под Трои возвращается радостный домой, его, вместе с его спутниками, коварно умерщвляет Клитемнестра и ее возлюбленный Эгист. Греческие трагики ярко изображают, как горевала из-за смерти отца дочь Агамемнона Электра, как пылала она местью и как его сын Орест, выросший на чужбине, возвратился на родину и отмстил за смерть отца, убив Эгиста и вероломную мать свою. Поэтические сказания греков говорят нам о былой славе, богатстве и могуществе Микен, а Гомер прямо называет их „златообильными". В предании Микены являются центром сильного и богатого царства, резиденцией могущественных властителей.

Микены находились в некотором отдалении от морского берега [2]) — верстах в 15, — на пути из Аргоса в Коринф, и расположены были между двумя высокими горами на плато̀, возвышающемся на 278 метров над уровнем моря. Их акрополь имеет форму треугольника и окружен стенами. Развалины этих стен, поражающих своею колоссальностью и известных под именем „циклопических", сохранились — не в недрах, а на поверхности земли — до наших дней. Толщина их от 3 до 7 метров, а кое-где и до 14. В своей кладке они обнаруживают троякую технику: в одном месте — почти неотделанные каменные глыбы, в другом — большие четыреугольные камни, положенные правильными горизонтальными слоями, и, наконец, в третьем — отесанные, тщательно подогнанные один к другому многоугольники правильной формы. Очевидно, стены эти принадлежат разному времени: первые, сложенные из неотделанных каменных глыб, древнее, последние, из многоугольных камней, — новее. Но главною достопримечательностью Микен считались знаменитые Львиные ворота, образуемые двумя колоссальными камнями, прикрытыми толстою плитою, на которой стоит колонна, несколько расширяющаяся кверху, а по бокам ее две

---

[1]) Schliemann, Mykenae. Leipz. 1878.

[2]) Тут подтверждается наблюдение Фукидида, по которому в древности города строились не на самом берегу, в видах безопасности от пиратов (I, 7).

львицы, а вне акрополя — куполообразный памятник, слывший под именем Сокровищницы царя Атрея, на самом деле оказавшийся могилой.

Эти развалины и памятники, остатки былого величия Микен, известны были уже с давних пор, еще до Шлимана. Их описывал еще Павсаний, писатель II в. по Р. Х. Что касается Шлимана, то он во время своего пребывания в Микенах подробнее исследовал эти памятники; открыто было самое основание Львиных ворот, вход очищен от мусора и камней. Затем за пределами акрополя открыто было еще 5 имевших форму купола могил, подобно Сокровищнице царя Атрея; одна из них открыта женою Шлимана и названа по ее имени. Но среди них самая величественная — Сокровищница царя Атрея, дающая понятие о роскоши и богатстве тогдашних погребальных сооружений. К куполообразному помещению вел длинный ход или корридор, дромос; у входа — два столба, книзу суживающиеся, из темносерого алебастра, украшенные зигзагами и спиралями; над дверями, замыкая углубление, в виде треугольника,—плита из красного порфира, тоже с украшениями; остальная часть фасада облицована плитами из красного, зеленого и белого мрамора, со скульптурными украшениями. Повидимому, внутри купол украшен был золотыми розетками, дававшими при свете факелов большой эффект. К куполообразному помещению примыкала небольшая собственно погребальная камера.

Но главное свое внимание Шлиман сосредоточил на акрополе. Еще в конце 60-х годов он пришел к убеждению, что упоминаемые у Павсания могилы Агамемнона и его спутников в Микенах должны находиться не вне, а внутри акрополя. И вот теперь он задается мыслью отыскать эти могилы. 7 августа 1876 г. Шлиман начал свои раскопки внутри акрополя, недалеко от Львиных ворот, а через несколько уже недель пред его глазами открылся мир новой, раньше неизвестной культуры.

Прежде всего Шлиман натолкнулся на круг, $26^1/_2$ метров в диаметре, состоящий из двойного ряда или кольца каменных плит, поставленных в землю вертикально и прикрытых сверху горизонтально положенными плитами. Расстояние между этими рядами или кольцами равняется 1 м., а высота плит—от 1 до $1^1/_2$ м. Со стороны Львиных ворот имеется вход в круг. Шлиман полагал, что это огороженное место есть городская площадь, агорà, а плиты—каменные скамьи, на которых „в священном кругу“ восседали старцы, призванные для совета и суда. Но ограда из плит слишком высока для сидения, для скамьи, и притом микенский акрополь заключал в себе лишь царский дворец с его необходимыми принадлежностями и, как увидим, погребениями; агорà же, если и была, то, по всей вероятности, находилась вне его, подобно тому, как у Гомера Алкиной, чтобы собрать народ, спускается к рынку феаков,

который устроен был у самого берега. Открытый Шлиманом каменный круг, несомненно, имеет отношение к погребению, к культу умерших. Это доказывают дальнейшие находки Шлимана же. Так, несколько ниже круга, который в древности находился на поверхности земли, им найден овальный алтарь, циклопической постройки, из больших камней, с круглым посредине отверстием в виде колодца, и 9 могильных плит или стэл, из ноздреватого известняка, величиною в 1—1$^1/_2$ метра. Из этих стэл 4 украшены барельефами, представляющими сцены из военной и охотничьей жизни. Напр., изображена колесница, на ней — воин, правящий лошадью, с боку у него—меч, а впереди лошади — человек с поднятым мечом. На другой стэле, кроме колесницы, возницы и коня, изображено еще животное — собака или, по другому объяснению, лев. Кроме того, на стэлах имеется орнамент в виде спиралей, характеризующий вообще памятники микенской культуры. Наконец, еще ниже, в недрах земли, Шлиман открыл 5 шахтообразных могил, а немного позже, уже по его следам, Стаматаки, комиссаром греческого правительства, открыта еще шестая подобная же могила недалеко от входа в каменный круг.

Могилы эти четыреугольные, внутри обложены камнями. В них найдено 17 тел, в том числе несколько женских и даже детских. В меньшей из могил один покойник, в. других по три, а в самой большой — пять, из которых двое лежат головою к северу; все же остальные тела, как в этой, так и в других могилах, обращены головой к востоку. Покойники лежат на слое голышей. В некоторых местах стенки могил закопчены дымом, заметны и следы пепла. Шлиман предполагал, что тела покойников подвергались легкому действию огня. Было и другое предположение, высказанное Гельбигом, что это — следы жертвоприношений и остатки жертвенных животных. Тела покойников сохранились очень хорошо: уцелели не только скелеты, но и зубы, а на лице одного из покойников имеются даже засохшие мясо и кожа, как будто трупы слегка подвергались своего рода бальзамированию.

Обилие, богатство и разнообразие предметов, найденных Шлиманом в могилах, изумительны. Тела покойников, можно сказать, завалены разного рода драгоценностями, оружием, утварью. В одной из могил одних бронзовых мечей оказалось 80, в другой—одних небольших золотых блях, служивших украшением одежды, найдено более 700 штук. На лицах некоторых покойников найдены золотые маски, воспроизводившие черты умершего. Найдено несколько золотых диадем, из которых одна, напр., более 2 футов длиною, перевязи, нагрудники, на руках—браслеты; одежды унизаны разного рода золотыми украшениями крестообразной формы, бляхами, листочками с изображением спиралей, медуз, полипов и т. п.; масса золотых серег,

колец, перстней, на которых имеются прекрасные, необыкновенно живые, изображения охоты и сражения; множество золотых пуговок, головных булавок, шариков из янтаря, предметов из алебастра, горного хрусталя и т. д.; найдены даже маленькие золотые весы!

Из оружия особенно замечательны, с точки зрения техники и по сходству с находками в Египте, бронзовые мечи или, точнее, большие кинжалы — ими можно было колоть, а не рубить,—обоюдоострые, довольно узкие, но длинные. На их клинках имеются накладные изображения, инкрустации. На одном, напр., чрезвычайно живо представлена борьба со львами. Львы и обнаженные части тела людей—золотые, одежда (в роде узких и коротких штанов) и щиты—серебряные, а мелкие украшения на одежде и щитах — из какой-то черной массы; фон покрыт темною эмалью. На другой стороне этого меча изображение льва и 5 животных, похожих на газель. На другом клинке изображено три бегущих друг за другом льва. На третьем видим берег реки, растения в роде папируса, хищных животных (кошек?), бросающихся на птиц, похожих на уток. Рукоятки мечей обтянуты большею частью тонкими золотыми пластинками с различными украшениями. Ножны — деревянные, тоже украшенные золотом. Найдено множество бронзовых наконечников копий и наконечников стрел из обсидиана; в одной могиле последних оказалось 35 штук.

Сосуды в микенских могилах — глиняные, медные, серебряные, золотые, разной формы: кувшины, вазы, котлы, чаны, кубки. Металлические сосуды нередко массивные, напр. есть золотая чаша, весящая до 4 фунтов. Обращает на себя внимание золотой кубок с двумя ручками, сверху которых изображено по голубю. Шлиман сравнивает его с тем кубком Нестора, о котором говорится у Гомера, что был он

Дивно прекрасный, гвоздями усеянный весь золотыми.
Ручки имел он четыре, и около каждой паслися
Горлицы две золотые“...

(Ил., XI, 632 сл., пер. Н. М. Минского).

Есть обломок серебряной вазы, дающий, в виде рельефа, очень живое изображение сражения у городской стены: сделана, повидимому, вылазка; впереди идут пращники, подняв высоко над головой пращи, за ними стрелки из лука, немного припав на колена, и, наконец, прикрытые большими щитами воины с копьями. Большинство сражающихся представлены нагими. На холме возвышается городская стена; на ней—жители, женщины; их позы и жесты выражают сильное волнение; за ними видны здания; на фоне — деревья. Сосуды из глины сделаны большею частью при помощи гончарного колеса, отличаются замечательною легкостью, темножелтого цвета и мо-

гут быть подразделены на два рода: одни лакированные, с изображением морских растений и низших морских животных, другие — матовые, с линейным орнаментом, преимущественно со спиралями и т. под. Большая ваза позднейшего времени микенской культуры знакомит нас с костюмом и вооружением воинов: воины изображены здесь в шлемах, с небольшим круглым щитом, копьем, в короткой одежде, заменяющей панцырь.

В одной могиле найдена прекрасно сделанная большая серебряная голова быка с золотыми рогами и с розеткой на лбу (вероятно, ритон). Небольших бычачьих голов из золота с двойной секирой между рогами в той же могиле оказалось более 50. Вообще же в большом числе встречаются изображения грифонов, сфинксов, львов, орлов, рыб, бабочек и т. д. Найдено даже натуральное страусовое яйцо.

Из идолов, кроме грубых глиняных, обращают на себя внимание женские золотые фигурки с голубями около плеч и на голове, в роде Астарты. Маленькая, тоже золотая, фигурка в сидячем положении и со скрещенными на груди руками напомнила изображение Кибелы или Реи. Найдена и небольшая модель храма, как полагали сначала, дворца или трона, как думают теперь, сделанная из золота, с двумя голубями на углах.

Кроме описанных могил, Шлиманом открыта еще одна вне каменного круга, непосредственно к югу от него. Здесь интересен большой золотой перстень с изображением дерева, под которым сидит женская фигура; около нее еще 4 фигуры, тоже женские, из которых две маленькие; одна из них сзади рвет плоды с дерева, остальные изображены с цветами в руках. Между ними — двойная секира, вверху — волнообразная линия, серповидный месяц и солнце; кроме того, с боку изображена какая-то странная фигура с мечом. Полагали, что на этом перстне—изображение божества в роде „великой матери“ Реи или вавилонской Истар и ее спутниц; по другому мнению, это просто сцена из обыденной жизни идиллического характера и т. д.

Таковы были открытия Шлимана в Микенах. Успех был поразительный и превзошел самые смелые его ожидания. То, что раньше признавалось лишь поэтическим вымыслом, оказалось действительностью. Есть вещи и черты в Микенах, чрезвычайно напоминающие описываемые Гомером, ибо эпос хранит память о микенской культуре; микенская эпоха находит в нем отражение на ряду с собственно гомерической. Сказания о богатстве и могуществе Микен нашли себе полное подтверждение: Микены оказались на самом деле „златообильными“, как называл их Гомер. Можно сказать, что в данном случае поэтическая фантазия во многих отношениях оказалась даже ниже действительности. Шлиман предпринял свои раскопки в Микенах в твердой надежде найти упоминаемые Пав-

санием могилы Агамемнона и его спутников, и действительно им были найдены могилы, несомненно царские. Поэтому нам понятны восторг Шлимана, его увлечение, его уверенность, что им открыты могилы и тела не каких-либо иных царей и их семейств, а именно Агамемнона, Кассандры, Евримедонта и прочих, коварно убитых Клитемнестрою и Эгистом, хотя мы можем и не разделять этой уверенности.

О своем открытии Шлиман поспешил известить греческого короля телеграммой, в конце которой говорил, что открытые им сокровища „сами по себе достаточны для того, чтобы наполнить собой большой музей, который будет са́мым чудесным в мире и который в течение следующих столетий будет привлекать в Грецию тысячи иностранцев со всех концов света“. Дело в том, что Шлиман, согласно существующему в Греции закону, по которому все найденное в пределах королевства должно оставаться собственностью последнего и не может быть вывезено, свои драгоценные находки предоставил в распоряжение греческого правительства, и микенские древности теперь хранятся в Афинах, в Национальном Музее. Что касается троянских находок, то большую часть их Шлиман, несмотря на выгодные предложения Англии, принес в дар немецкому народу „в вечное владение и нераздельное хранение в столице империи“, и эти древности, в том числе „большой клад“, хранятся в Берлине, в Музее Народоведения.

В начале 80-х годо́в Шлиман исследует древности Орхомена [1]), в Беотии, которые, по словам Павсания, не менее достойны удивления, чем египетские пирамиды,—исследует знаменитую Сокровищницу царя Миния, купольную могилу, на подобие микенских; скульптурный орнамент в виде спиралей и розеток на ее потолке совершенно напоминает украшения тиринфского дворца, открытого Шлиманом.

Раскопки Шлимана на месте древнего Тиринфа [2]), неподалеку от Микен, ведшиеся главным образом в 1884 г. в сотрудничестве с Дёрпфельдом, чрезвычайно важны. В результате их явилось пролитие нового света на систему тиринфских укреплений и открытие остатков большого дворца, напоминающего дворцы, описываемые Гомером [3]),—памятников тоже микенской культуры.

Тиринф лежал ближе к морю, нежели Микены, верстах в двух от берега, на скалистой возвышенности, подымавшейся из окружающей болотистой низменности. Развалины его до начала раскопок Шлимана и Дёрпфельда представляли собой груды каменных глыб, еще более колоссальных, чем те, какие

---

[1]) Schliemann, Orchomenos. Leipz. 1881 (на рус. яз.—отрывок в Журн. Мин. Нар. Пр., 1881, июнь).

[2]) Schliemann, Tiryns. Leipz. 1886.

[3]) Noack, Homerische Paläste. Leipz. 1903, однако, указывает на отличия „микенских“ дворцов от гомерических.

находятся в Микенах. Это остаток древних стен Тиринфа, о которых Павсаний говорит, что они, наравне с „Сокровищницею царя Миния“ в Орхомене, заслуживают не меньшего удивления, чем египетские пирамиды. Подобно Микенам, и Тиринф считался у греков сооружением „циклопов“. По преданиям, он древнее Микен, которые, возвысившись, затмили его славу и даже впоследствии подчинили его себе.

Тиринфский акрополь венчал собой возвышенность в 300 м. длины и 100 ширины. Возвышенность эта, понижаясь к северу, состоит как бы из трех террас. На самой высокой террасе, на юге, находился царский дворец, на средней—помещение для слуг и воинов, а ниже тянулись кладовые, конюшни и прочие службы. Все это было окружено высокими толстыми стенами, сложенными из слегка лишь отесанных—да и то не всегда—каменных глыб громадных размеров и тяжести, весом от 200 до 800 пудов. В промежутках между этими колоссальными глыбами насыпан более мелкий камень. Стены толщиной в нижней части акрополя 7—8 м., а в верхней—от 5 до 15 и даже до 17$^1/_2$ м. В толще их существовала целая сеть ходов и корридоров, камер со стрельчатым сводом. Эти своего рода казематы служили магазинами или кладовыми.

В акрополь вело два входа. Один—на западной стороне, узкий, доступный только для пешеходов; тут лестница вела ко дворцу. Другой, главный вход или, лучше сказать, въезд находился на восточной стороне. Здесь дорога, постепенно подымаясь, шла сначала по направлению с севера на юг у подножия окружной стены акрополя, под прикрытием ее выступов и башен. Дойдя до самой вершины возвышенности, она чрез проход, оставленный в окружной стене, вступала в узкий промежуток, образуемый слева только-что названною стеною, а справа дворцовыми стенами, и таким образом шла до ворот, имевших крепкие запоры. Миновав ворота, дорога приводила, наконец, к обширной эспланаде, в юго-восточном углу акрополя, где находились большие пропилеи, служившие уже входом в дворцовые помещения.

Таковы были тиринфские укрепления. Тут виден строго обдуманный план, целая сложная система. Имелось в виду, чтобы в случае вторжения неприятеля правая сторона нападающих, не прикрытая щитом, находилась под ударами защитников акрополя. А чтобы выполнить подобный план, чтобы возвести стену из огромных камней, весом в несколько сот пудов, конечно, нужны были опытные и искусные архитекторы, целые отряды рабочих и громадные средства.

Примыкавший ко дворцу двор был окружен портиками и вымощен мелким камнем. Вспомним, что и у Гомера, при описании дворца Одиссея (Од., XVII, 264 сл.), упоминается „широкий и чисто мощеный двор“. Основной план главной части дворца—прототип греческого храма (Dussaud[2], стр. 196).

Мы видим большую залу, мегарон, и посреди нее домашний очаг, окруженный четырьмя колоннами, что̀ опять соответствует описанию Гомера: Навсикая говорит Одиссею (Од., VI, 305), что, войдя во дворец Алкиноя, он найдет царицу „там перед ярко блестящим очагом“,

„С чудным искусством прядущую тонкопурпурные нити
Подле колонны высокой, в кругу приближенных служанок.
Там же и кресла царевы стоят у огня, и на них он
Сидя вином утешается, светлому богу подобный“.

Слева главного строения были многочисленные корридоры и небольшие комнаты, в числе которых обращает на себя внимание баня или ванная. Ее пол состоял весь из одного колоссального камня весом, по крайней мере, в 20.000 килограммов, т. е. более 1200 пудов; посреди находилась ванна и устроен был канал для стока воды: в Тиринфе, очевидно, существовали водопровод и канализация. Известно, какую роль играет омовение в гомерическом эпосе: первое, что̀ предлагают путнику или гостю,—это принять ванну... Направо от главной половины дворца находилась другая, вероятно, женская половина, не имевшая прямого, непосредственного сообщения с мегароном, отделенная от него целым рядом дверей и узких переходов. В этой же части дворца, наиболее удаленной, были спальня, оружейная, казнохранилище и т. д.

Под этим дворцом, открытым Шлиманом, был дворец более древний, открытый Дёрпфельдом; под ним—во дворе—несколько небольших могил (в одной из них труп в сгорбленном положении), а ниже слоя могил—два древнейших поселения...

Владетели „микенских“ дворцов заботились не только об их укреплении и об удобствах, но и об их украшении. До известной степени подтверждаются слова Телемака, при виде дворца Менелая (Од., IV, 71 сл.):

„Видишь, как много здесь меди, сияющей в звонких покоях;
Блещет все златом, сребром, янтарем, слоновою костью;
. . . .
Что̀ за богатство, как много всего“.

Или вспомним известное описание Алкиноева дворца (Од., VIII, 81 сл.). В Тиринфе, напр., алебастровый фриз украшен был лапис-лазурью, с изображением, между прочим, розеток и спиралей, столь часто встречаемых в Микенах. И в „Одиссее“ стены дворца Алкиноя „были сверху увенчаны светлым карнизом лазури“. По поводу описания дворца Алкиноя у Гомера английский ученый Burrows [1]) замечает, что первые греческие поэмы распевались людьми, слышавшими об этих двор-

[1]) The Discoveries in Crete and their bearing on the history of ancient civilisation. L. 1908, стр. 209.

цах, как живых реальностях, даже если они сами и не видели их; распевались людьми, быть может, разгуливавшими по дворцам, если не как их строители, то, по крайней мере, как наемники или как пираты.

Пол в тиринфском мегароне представляет своего рода мозаику или узорчатый ковер из красных и голубых полос. Но особенно замечательна стенная живопись. На стенах были фрески, не только изображающие спирали и розетки, но и с довольно сложными сюжетами, освещающие нам тогдашний быт. Части этих фресок сохранились. Так, в упомянутой уже ванной комнате, на стене изображен был мчащийся бык, а на нем человек; одной ногой он касается спины быка, а другая высоко приподнята в воздухе; левою рукою он держит быка за рога. Фон картины голубой; бык желтоватый с красными пятнами. Сюжет фрески—очень распространенный в ту эпоху и, быть может, имеет отношение к культу. В 1889 г. в Лаконии, близ Амикл, в дер. Вафио найдена золотая чаша с рельефными изображениями, необыкновенно живыми, сцен ловли и укрощения быков. Упомянутая фреска в Тиринфе открыта во время раскопок Шлимана, а в начале XX в. там же открыты еще более интересные фрески. Но о них мы скажем далее.

Что касается предметов, то Шлиманом в Тиринфе найдены глиняные идолы, сосуды—вазы с рисунками, изображающими довольно примитивно людей и животных, и т. д. Вазы эти имеют некоторое сходство с так назыв. „вазами Дипилона“ [1]), геометрического стиля, т. е. с древнейшею стадиею в развитии собственно эллинского искусства.

Весть об открытии Шлиманом в Тиринфе большого „доисторического“ дворца была встречена сначала с недоверием, особенно в Англии. Некоторые, напр. архитектор Penrose, утверждали, что дворец этот не что иное, как византийское здание X или XI в. по Р. Х. Против Шлимана выступила и газета Times. По поводу тиринфского дворца в Лондоне состоялся даже торжественный диспут между Шлиманом и Дёрпфельдом, с одной стороны, и их противниками—с другой. Шлиман и Дёрпфельд одержали полную победу, и, в довершение их торжества, в том же 1886 г. Греческим Археологическим Обществом открыты были и в Микенах развалины дворца, подобного тиринфскому, только меньших размеров, и тоже со стенною живописью.

Микенская культура, т. е. культура, представленная памятниками Микен и Тиринфа и им подобными,—бронзового века; время ее—второе тысячелетие, время ее расцвета—1500—1200 гг. до Р. Х. В ее истории замечается несколько стадий или периодов. В Тиринфе был древнейший и более

---

[1]) Местность „Двойные ворота“ в предместье Афин, где такие вазы впервые были найдены в большом количестве.

новый дворец; кладка стен в микенском акрополе по своей технике изобличает разные периоды. Начало Тиринфа и его стен относится к древнейшему времени; шахтообразные могилы в акрополе в Микенах древнее купольных, находившихся за акрополем, и т. д.

По имени Микен, где впервые она была открыта Шлиманом, культура эта названа было микенскою. Но потом, уже в начале XX в., благодаря замечательным открытиям на о-ве Крите англичанина Эванса и итальянских ученых, оказалось, что микенская культура это только часть, поздний период культуры, охватывавшей гораздо более обширный район и гораздо более продолжительное время, и что главным центром последней были не Микены, а Крит. Культуру эту теперь называют критско-микенскою или эгейскою (см. далее).

В последние годы своей жизни время, свободное от раскопок и путешествий, Шлиман проводил обыкновенно в Афинах. Там он построил для себя обширный дом или дворец, в котором все напоминало Гомера. Увлечение Шлимана Гомером и вообще греческими мифами доходило до того, что он прислугу называл именами греческих героев и героинь, а своему сыну и дочери от второго брака дал имена Агамемнона и Андромахи. Но не подолгу проживал Шлиман в своем афинском дворце. И последние годы он немало путешествовал и совершал раскопки, по своим результатам, конечно, далеко уступающие его открытиям на Гиссарлыке, в Микенах и в Тиринфе. Шлиман предполагал произвести раскопки около Батума, в области древней Колхиды [1]), и на Крите, значение которого не укрылось от его внимания; но здесь он не мог сговориться с владельцем участка, на котором намеревался вести раскопки; кроме того, он отвлечен был спором из-за Трои.

Надо заметить, что первые сообщения Шлимана об его открытиях в Трое, Микенах и Тиринфе были встречены с некоторым недоверием, особенно в кругу специалистов. Выше мы видели уже пример этого. Авторитетные ученые нередко с презрительной улыбкой отзывались об открытиях этого „дилеттанта", „самоучки", „фантазера", или проявляли, по меньшей мере, скептицизм. Академик Л. А. Стефани, напр., относил микенские древности к III в. по Р. Х. и доказывал принадлежность их герулам. Были даже такие скептики, которые готовы были отвергать не только гипотезы и объяснения Шлимана, действительно часто увлекавшегося, но и самый факт открытий, и которые полагали, что сделанные находки—мнимые, что это фальсификация самого Шлимана. Но такое недоверие и презрительное отношение к Шлиману мало-по-малу стало рассеиваться в виду очевидных блистательных результатов, добытых им, тем более, что, напр., в Микенах он производил

[1]) Основываюсь на устном сообщении невестки Шлимана А. Г. Шлиман.

раскопки в присутствии комиссаров греческого правительства, а последующие затем разыскания в Трое и Тиринфе он вел при участии таких ученых, как Вирхов, Бюрнуф, Дёрпфельд. Нашелся однако противник непримиримый. Это был капитан артиллерии, Эрнст Бёттихер, утверждавший, что открытый Шлиманом на Гиссарлыке „второй город" есть не что иное, как некрополь, и не останавливавшийся даже пред обвинением Шлимана и Дёрпфельда в недобросовестности и обмане. Тогда Шлиман и Дёрпфельд предложили Бёттихеру или взять назад свои утверждения или же вместе с ними отправиться на Гиссарлык, чтобы лично убедиться, кто из них прав, причем все расходы по такому путешествию Шлиман брал на себя. Бёттихер избрал последнее, и в начале декабря 1889 г. противники съехались на Гиссарлыке. В качестве свидетелей присутствовали по одному представителю от Берлинской и от Венской Академии Наук. Был составлен протокол осмотра Гиссарлыка и переговоров Шлимана с Бёттихером, подписан свидетелями и обнародован (под заглавием: Hissarlik-Ilion. 1890). Весною 1890 г. собралась международная конференция из 8 членов, приглашенная для осмотра раскопок на Гиссарлыке Шлиманом и Дёрпфельдом, и эта конференция после исследования на месте вполне согласилась с упомянутым протоколом. Шлиман и Дёрпфельд вышли, таким образом, победителями из этого спора.

Спор этот послужил поводом к новым изысканиям Шлимана и Дёрпфельда на Гиссарлыке. Раскопки продолжались до августа 1890 г. Стены „второго города" открыты были на всем их протяжении, за исключением лишь северной части; кроме прежних, открыты еще ворота на западной стороне; найдены куски железа, обнаружено три периода в существовании второго города и проч. Затем в северо-восточном углу акрополя открыты памятники греко-римской эпохи: небольшой театр, мраморные статуи в естественную величину, несколько греческих надписей, водопроводные сооружения и т. под.

В письме к Бисмарку от 22 июля 1890 г. Шлиман, сообщая о результатах своих последних раскопок на Гиссарлыке, говорит о своем утомлении, о том, что он пока прекращает работы, но надеется с 1 марта 1891 г. с прежнею энергиею опять приняться за них. То же намерение высказывает он и в своем отчете о раскопках на Гиссарлыке, отчете, изданном уже после его смерти [1]. Шлиману не было суждено возвратиться в Трою: в декабре 1890 г. он скончался в Неаполе от болезни уха, осложненной мозговыми страданиями. Похоронен Шлиман в Афинах.

Шлиман был самоучка, дилеттант, без надлежащей научной подготовки; производил он раскопки, не соблюдая строго пра-

---

[1]) Bericht über die Ausgrabungen in Troja im J. 1890.

вил, не методически, копая, иногда портил, сметая следы древности, причиняя вред ее остаткам, впадал в заблуждения и увлечения. Но в своем предисловии к книге Шлимана: „Ilios“, Вирхов делает верное замечание, что в том увлечении и фантазии, которые составляют слабую сторону Шлимана, заключается вместе с тем и тайна его успеха. И действительно, без воодушевленной веры в действительность своих грез, в действительность того, что̀ описывает Гомер, Шлиман не мог бы совершить того, что̀ он совершил. Мы можем отвергать его выводы и толкования, как не выдерживающие критики, как подчас фантастические; но от этого не умалится значение сделанных им открытий и находок; они останутся неоценимым сокровищем в смысле научного материала: Шлиман приподнял ту завесу, которая скрывала от нас древнейший период греческой истории; он открыл пред нами новый горизонт и поставил ряд проблем, над разрешением которых придется потрудиться, быть может, еще не одному поколению ученых...

4. Олимпия, Пергам и прочие открытия 70-х и 80-х годов.

В то время, когда Шлиман открывал троянские и микенские древности, происходили и другие чрезвычайно важные открытия: велись раскопки в Олимпии и в Пергаме.

Олимпия, священное в глазах эллинов место, где происходили их национальные игры, представляла собой своего рода музей: тут были собраны священные дары и приношения с разных концов греческого мира, от государств и отдельных лиц; тут были алтари и храмы, множество статуй богов, героев и атлетов (в римскую эпоху таких статуй насчитывали более 3000), произведения знаменитых художников и проч.

При императоре Феодосии I олимпийские игры прекратились, — они были запрещены, — и многие памятники искусства из Олимпии перевезены в Константинополь, в том числе знаменитая статуя Зевса работы Фидия, впоследствии там, в Константинополе, и погибшая во время пожара. Затем многое подверглось грабежу и разрушению при нашествии готов, предводимых Аларихом. Олимпия опустела. Феодосий II приказал сжечь ее здания. Землетрясения и наводнения довершили дело разрушения. Развалины зданий, памятники, самое место, где происходили состязания, — все это мало-по-малу занесено было илом реки Алфея и толстым слоем песку, на 5 или 6 метров в глубину.

Понятен интерес к Олимпии. Ее подробно описал еще Павсаний. Но только раскопки могли раскрыть те сокровища древности, которые там таились. О раскопках в Олимпии едва ли не первый заговорил бенедиктинец Монфокон в XVIII в. „Несомненно, олимпийская почва насыщена бес-

численными памятниками... и никто еще не копал эту местность“, говорил он в одном из своих писем (1723). О раскопках на месте Олимпии мечтал Винкельман и горячо пропагандировал свою мысль. Англичанин Чэндлер в 1766 г. посетил место, где находилась некогда Олимпия, и нашел там развалины храма, признанного вслед затем Фовелем за храм Зевса. Пользуясь Плутархом, аббат Бартелеми дает подробное описание Олимпии. В начале 20-х годов прошлого века, при сочувствии Бёка и К. О. Мюллера, возникает проект собрать путем подписки средства, чтобы раскопать всю Олимпию, а памятники ее перевезти в Германию и основать музей имени Винкельмана; один аристократ хотел даже приобрести участок, на котором находилась Олимпия, откопать ее, реставрировать и устроить себе виллу-музей.

Первые раскопки в Олимпии были произведены французскою экспедициею 1829 г., о которой мы упоминали; найдены были остатки скульптурных памятников, метоп, напр. метопа с изображением Геракла, усмиряющего критского быка, и т. под.; но эти раскопки вскоре были прерваны. Настоящие раскопки, по широкому плану, начались в Олимпии в 70-х годах и были делом, главным образом, Эрнста Курциуса.

Еще в январе 1852 г. Э. Курциус читает лекцию об Олимпии, полную воодушевления, которую он закончил восторженным призывом извлечь на свет сокровища, таящиеся в священной почве, под илом Алфея, — произвести раскопки в Олимпии, ибо „то, что̀ лежит там, в темной глубине, есть жизнь от нашей жизни“ („ist Leben von unserem Leben“). Но как ни было сильно впечатление, произведенное этою лекциею, прошло после того более 20 лет, прежде чем призыв Курциуса нашел себе надлежащий отклик и прежде чем его давние мечты могли, наконец, осуществиться [1]). Да и политические условия — начавшаяся Крымская война, борьба за объединение Германии — были неблагоприятны. Благоприятный момент наступил лишь после франко-прусской войны 1870—1 г. После этой кровавой войны у немцев, как говорит сам Курциус, явилось благородное желание совершить мирное дело, в интересах науки, и германское правительство решило произвести на государственный счет раскопки в Олимпии (1874). Кронпринц Фридрих, воспитанник Курциуса, взял на себя инициативу и посредничество в этом деле. Курциусу поручено было заключить договор с греческим правительством относительно раскопок, и германский рейхстаг единогласно вотировал сотни тысяч на эти раскопки, несмотря на то, что все найденное должно было

[1]) Почти одновременно, в 1853 г., Л. Росс в свою очередь призывал немецких исследователей античных древностей собрать посредством подписки сумму, необходимую для раскопок в Олимпии. В результате было собрано 262 талера!

остаться в Греции, а на долю Германии доставались лишь честь и слава.

В октябре 1875 г. приступлено было к раскопкам; работы производились в течение 6 лет ежегодно, с октября по март, и весною 1881 г. были закончены [1]). Велись раскопки с замечательною осторожностью и систематичностью по образцовому методу, с тщательным сохранением памятников, с обращением внимания на все детали. Во главе стояли Э. Курциус, Адлер и член от министерства иностранных дел. На месте находилась комиссия из археологов (напр. Г. Гиршфельд, Фуртвенглер, Пургольд) и архитекторов (Бёттихер, Дёрпфельд). В их распоряжении было до 300 рабочих, и раскопки стоили Германии 800.000 марок. Раскопан был не только священный округ Альтис, но и окрестные здания, служившие помещением для лиц, заведывавших играми, и для гостей. Теперь пред глазами зрителя открывается весь план Олимпии. О богатстве находок могут дать понятие следующие цифры: в общем открыто 130 статуй или барельефов мраморных, 13.000 бронзовых предметов, 6000 монет, до 1000 надписей на бронзовых табличках, на мраморе и другом материале, 1000 предметов из терракотты, 40 памятников, и в числе находок такие произведения, как метопы и фронтоны храма, статуя Ники Пэония и Гермес Праксителя, найденный как раз на том месте, где он, по словам Павсания, стоял! Среди надписей — договоры, декреты, особенно относительно проксении и почетные, напр. в честь знаменитого софиста Горгия; списки служебного персонала; надписи посвятительные, на базах статуй победителей, в том числе Киниски, дочери спартанского царя Архидама, которая, „одна из всех женщин Эллады“, победила на конных состязаниях в Олимпии. На месте раскопок воздвигнут был музей на средства грека Сингроса, и в нем помещены найденные древности.

Курциус тщательно наблюдал за ходом раскопок, посещал Олимпию, принимал деятельное участие в разработке и решении тех вопросов, которые возникали по поводу открытий, и в публикациях, касавшихся Олимпии [2]). Его заслуги в деле раскопок получили общее признание. Когда праздновалось его 80-летие, то решено было на самом месте раскопок, в Олимпии, у входа в воздвигнутый там музей поставить мраморный бюст Курциуса. При открытии этого бюста (1895) представители различных стран, не только Германии, но и Греции, Англии, Америки, даже Франции, в лице директора Французской Школы в Афинах Омолля, наперерыв воздавали заслуженную хвалу Курциусу.

---

[1]) Библиография—в моем „Введении“ [3], стр. 332, прим. 1.

[2]) Die Ausgrabungen von Olympia. Berl. 1876—81, 5 т. (ежегодные отчеты); Die Funde von Olympia. Berl. 1882; Olympia und Umgegend. 1882; E. Curtius und Adler, Olympia. Die Ergebnisse der... Ausgrabungen. Berl. 1890 сл. 5 т.

Раскопки в Пергаме [1]), производившиеся при содействии и на средства Пруссии Карлом Гуманом в течение 1878—1886 гг., с незначительными перерывами, открыли дивные и грандиозные произведения искусства и показали, как процветало оно в ту пору, которая считалась эпохой упадка, и до какой степени реализма доходили греческие художники.

Пергам — древний город в Малой Азии, в Мизии, в долине Каика, расположенный на возвышенности, некогда столица Пергамского царства и центр эллинизма в Азии, теперь — довольно значительный город Бергама (с 18.000 жителей), который находится у подножия древнего акрополя. Самостоятельная политическая жизнь Пергама продолжалась недолго, каких-нибудь 150 лет, но он одно время был важным культурным центром. При дворе его владетелей оказывалось покровительство литературе, науке и искусству; в Пергаме работали замечательные художники; он славился своею медицинскою школою; в нем основана была знаменитая библиотека, в которой хранилось до 200.000 свитков и которая уступала одной только Александрийской библиотеке; в Пергаме же впервые стал употребляться новый писчий материал взамен папируса — пергамент.

Расцвет Пергама и его культуры начинается со второй половины III в. до Р. Х., со времени Аттала I, которого Моммзен называет Лаврентием Великолепным древности и победы которого над галлами или галатами послужили одной из любимых тем для тогдашней скульптуры. В 129 г. Пергам превращен уже в римскую провинцию, а со времен византийского господства начинается полный упадок его. Памятники его подверглись разрушению; великолепные мраморы, статуи и горельефы пошли на устройство крепостной стены, что̀, впрочем, для них оказалось спасением: замурованные в этой стене, под толстым слоем извести, они сохранились от дальнейшего разрушения.

В 1864 г. Пергам посетил молодой (род. в 1839 г.) немецкий инженер Карл Гуман, находившийся в Малой Азии на турецкой службе, строивший там мосты и проводивший дороги. Со скорбию видел он, как гибнут сокровища древности, как пергамский акрополь превращен в каменоломню, его памятники идут на постройки и на обжигание извести, не говоря уже о мелких расхищениях. Гуман прежде всего употребил все старания, чтобы положить конец дальнейшему разрушению. Он убедил знакомого ему грека, врача Ралли, тоже любителя древностей, отправить в Константинополь приобретенный им мраморный горельеф, изображавший льва, нападающего на человека. Там на этот горельеф, пожертвованный греческому

---

[1]) Altertümer von Pergamon (1885 сл.). Дальнейшие библиограф. указания — в моем „Введении“ [3], стр. 335, прим.

„силлогу“, „собранию“, и впоследствии переданный в Берлинский музей, обратил внимание великий визирь, и турецкое правительство запретило расхищать пергамские древности и употреблять их на постройки. Через два года Гуман снова посетил Бергаму, а в 1868 г. поселился в ней, занятый, по поручению турецкого правительства, проведением дороги из Константинополя в Смирну. Время от времени ему удавалось открывать древние горельефы, но он мечтал о раскопках в широком масштабе, об открытии древнего Пергама со всеми уцелевшими его памятниками.

В 1871 г. Бергаму посетили Э. Курциус и Адлер. Гуман обратил их внимание на византийскую стену, в которую вделаны были античные скульптуры, и в доказательство того, как их много и как легко открыть их, тут же на глазах извлечено было два прекрасных горельефа, которые и были отправлены в Берлин. Несмотря на все сочувствие Курциуса, настояния и старания Гумана, убеждавшего прусское правительство предпринять раскопки в Пергаме, долго оставались без результата: внимание и средства обращены были в то время на раскопки в Олимпии. Только в 1878 г. эти старания, наконец, увенчались успехом, благодаря поддержке известного археолога Конце, перед тем назначенного директором Берлинского музея, и тому интересу, который проявил и к этому делу кронпринц (впоследствии император Фридрих III). Конце первый пришел к заключению, что находимые в Пергаме горельефы принадлежат к изображению „гигантомахии“, борьбы богов с гигантами, на колоссальном жертвеннике или алтаре, о котором упоминает один из позднейших писателей древности, некий Ампелий, в числе чудес света и который построен был при Аттале II. По побуждению Конце, прусское правительство решило дать средства на пергамские раскопки, руководство которыми поручалось Гуману, и выхлопотало разрешение турецкого султана.

В сентябре 1878 г. Гуман с увлечением и энергией приступил к раскопкам, которые сопровождались блестящим успехом. Вскоре ему удалось открыть то место, где стоял упомянутый выше алтарь [1]), его фундамент и большое число плит с изображением сцен из гигантомахии. Уже в начале раскопок Гуман сообщал в Берлин: „Мы открыли целую художественную эпоху, в наших руках величайшее из уцелевших от древности произведений искусства“. Но с особенным нетерпением Гуман ждал находки тех плит, на которых должно было находиться изображение Зевса, как главной фигуры в борьбе с гигантами. И вот однажды, — это было в июле 1879 г., — он отправился на акрополь осматривать отрытые, но еще не очищенные плиты, лежавшие на мусоре. Очистили первые 4 плиты,

[1]) v. Salis, Der Altar von Pergamon (Götting. gel. Anzeig., 1914, Juni).

и оказалось, что на них изображен бог и три гиганта. Гуман догадался, что это и есть изображение Зевса. „Я чувствую твое приближение, Зевс!“ — воскликнул он. И действительно, плиты подходили одна к другой и изображали главную сцену горельефа — Зевса, поражающего трех гигантов. Для полной уверенности в этом недоставало лишь изображения обычных аттрибутов царя богов; но когда перевернули еще одну плиту, то Гуман, полный нетерпения и ожидания, наскоро ногтями отцарапал целые слои извести, покрывавшие плиту, и увидел эгиду. „Глубоко потрясенный“, рассказывает он в своем дневнике, „я приник к Зевсу и залился обильными слезами радости“ [1]). Мы поймем увлечение Гумана, если вспомним, как восторженно описывал пергамские древности И. С. Тургенев в своем известном письме; он видел их в 1880 г. в Берлинском музее, где они были разложены еще на полу. „Выходя из музеума“, говорит Тургенев в конце письма, „я подумал: как я счастлив, что я не умер, не дожив до последних впечатлений, что я видел все это!..“.

В помощь Гуману прусским министерством командирован был архитектор Бон (Bohn) для реконструкции алтаря; вскоре место раскопок посетил и Конце. За первою кампаниею (1878—9) последовала вторая (1880—1), а за нею и третья (1883—6). В общем, кроме упомянутых горельефов гигантомахии и мелких находок, открыты были надписи, статуи, остатки храмов, дворца и пр. Раскопки и исследования на месте древнего Пергама продолжались, как увидим, и впоследствии.

В силу первоначального договора и турецких законов из пергамских древностей Пруссии должна была достаться лишь $^{1}/_{3}$, а $^{2}/_{3}$—Турции; но потом и эти две трети были уступлены Пруссии частью в дар, частью за денежное вознаграждение.

Таким образом, все найденные пергамские скульптуры перешли в Берлин. Доставка их из Пергама к морскому берегу и затем на суда сопряжена была с большими трудностями; но Гуман преодолел все. Бо̀льшая часть древностей из Смирны была отправляема на пароходе в Триест, а оттуда по железной дороге в Берлин. Здесь целая комиссия археологов, с помощью итальянских мастеров, работала над приведением их в порядок. К счастью, плиты снабжены были буквами или знаками, так что для каждой из них можно было определить место и надлежащим образом сопоставить их. Для пергамских древностей был устроен особый музей, и в нем горельефы расположены так, как они были некогда в действительности — получался алтарь в реставрированном виде. Гуман не дожил до открытия этого музея: он умер в 1896 г. „Пергамский музей“

---

[1]) Н. М. Благовещенский, Винкельман и поздн. эпохи греч. скульпт., стр. 66—67. Дневник Гумана напечатан в Die Ergebnisse der Ausgrabungen von Pergamon (Jahrbuch d. k. preuss. Kunstsammlungen. I. 1880).

просуществовал, однако, всего несколько лет и в 1908 г. был снесен в виду предпринятой новой грандиозной постройки музеев.

Успеху изысканий на почве Греции много способствовали те иностранные учреждения — Школы или Институты, которые основаны были там [1]).

По времени первым таким учреждением является Французская Школа в Афинах (Ecole française d'Athènes) [2]), основанная в 1846 г. „для изучения языка, истории и древностей греческих", а скорее по политическим, нежели научным мотивам, — с целью поддержать престиж и влияние Франции, в противовес Англии. Сначала она преследовала больше литературные и общеобразовательные, учебные цели, чем специальные, ученые разыскания, и долгое время, до 70-х годов прошлого века, мало проявляла свою деятельность. За этот период можно отметить лишь открытия Бёлэ (Beulé) на афинском акрополе (1852—3), исследовавшего лестницу, ведшую к пропилеям, — открытия, в свое время произведшие большое впечатление и вызвавшие оживленную полемику; затем — разыскания Фукара и Вешера в Дельфах (1860—2), путешествия Гёзе (Heuzey) по северной Греции и Македонии (во второй половине 50-х и в начале 60-х годов), Перро (Perrot) — по Малой Азии.

Древности Дельф [3]), этого общенационального греческого святилища, „общего очага Эллады", должны были, естественно, возбуждать к себе особый интерес. Между тем от древностей этих, до начала изысканий, казалось, почти не осталось следа, и один французский ученый говорил в 20-х годах прошлого века: „Тщетно искать в Дельфах следов славного храма Аполлона, местоположение которого совершенно неизвестно". Начало разысканиям в Дельфах положил, как мы видели, К. О. Мюллер исследованием так называемой Полигональной или Пеласгической стены и собранием дельфийских надписей. Надписи эти изданы его учеником Э. Курциусом (Anecdota Delphica. 1843). Другим пионером в этой области явился Поль Фукар (P. Foucart). Он разрешил проблему относительно местоположения храма и направления Полигональной стены, восточный край которой открыт К. О. Мюллером. Стена эта поддерживала террасу храма и была исписана надписями. Фукар, частью сам, и притом по собственной ини-

---

[1]) О них — в ст. Е. Е. Кагарова, Из заграничн. впечатл. (Гермес, 1911, № 8).

[2]) Radet, L'histoire et l'oeuvre de l'Ecole franç. d'Athènes. P. 1901.

[3]) P. Foucart, Mémoire sur les ruines et l'histoire de Delphes (напис. в 1861, напеч. в 1865 г. в Archives des Missions scientif. et litt.); Bourguet, Les ruines de Delphes. P. 1914, и ст. Seure в Journ. des Sav., 1914, août; А. В. Никитский, Дельф. Эпиграфич. этюды. Од. 1894—5. Дальнейшие библ. указ. — впереди и в моем „Введ."[3], стр. 418, прим. 2.

циативе (1860), частью вместе с Вешером (Wescher) (1861), отрыл западную ее часть на пространстве 38 метров и списал 460 текстов [1]). Вешер продолжал его изыскания (1862) и исследовал так называемую „двуязычную надпись“, monument bilingue [2]), на греческом и латинском языке, относящуюся к 117 г. по Р. Х. и касающуюся пограничных или межевых споров дельфийцев с соседями. Чрезвычайно выразительна в ней клятва амфиктионов, призывающих, в случае нарушения ее, проклятия на себя: „Пусть Фемида и Аполлон Пифийский и Латона и Артемида и Гестия и Огонь бессмертный и все боги и богини, наказав злейшею бедою, отымут у меня счастие и не допустят ни меня самого, ни род мой насладиться ни детьми, ни урожаем, ни плодами, ни состоянием, и меня при жизни лишать наличного имущества, если я преступлю клятву“. После сравнительно долгого перерыва в Дельфах, по поручению Французской Школы, производил раскопки (1880—2) Haussoullier, открыл новые части Полигональной стены, портик афинян и священную дорогу. Из найденных им надписей обращает на себя внимание благодарственный декрет в честь пергамского царя Аттала II, который пожертвовал Дельфам 18.000 александрийских драхм „на обучение мальчиков“, чтобы жалованье учителям уплачивалось аккуратно, и, кроме того, еще 3000 на жертвоприношения; капитал помещен был в храме из 7%, и жалованье уплачивалось ежемесячно.—В 1868 г. Фукар совершил путешествие по Греции, целью которого было закончить дело Леба (см. выше), и произвел изыскания, главным образом по части надписей, в области Мегары и в Пелопоннесе, в средней Греции, в Фивах и на островах Архипелага.

Гёзе исследовал гору Олимп (1855) и Акарнанию (1856—7), обращая внимание на природу и древности, на язык, предания и проч. Его „археологическая миссия в Македонию“ (1861), в сопровождении Домэ (Daumet), исполненная по поручению Наполеона III, связана с предпринятой последним „Историей Юлия Цезаря“. Дело шло об изучении полей сражения при Фарсале и при Филиппах; но Гёзе этим не ограничился и вместе со своим спутником исследовал всю Македонию и соседние области. Историк Французской Школы в Афинах, Радэ, сравнивает эту миссию с состоявшеюся одновременно миссиею Ренана в Финикию [3]).

Перро производил исследования во Фракии, на Крите и т. д. На Крите им открыт первый отрывок из Гортинских законов. О его путешествии по Малой Азии мы уже говорили

---

1) Wescher et Foucart, Inscript. recueillies à Delphes. P. 1863; Chabert, стр. 87.

2) Wescher, Etude sur le monument bilingue de Delphes. P. 1868. Текст надписи — в Corp. Inscr. Gr., 1711 и Corp. Inscr. Lat., III, 567.

3) См. и Chabert, стр. 85. О миссии Ренана см. „Открытия...“, I. 200—201.

в I части. Здесь добавим, что в Ангоре Перро снял более полную копию знаменитой надписи, Monumentum Ancyranum.

Новая эра в деятельности Французской Школы в Афинах начинается с середины 70-х годов прошлого века, когда во главе ее стал Альб. Дюмон (A. Dumont, 1875—8), и она преобразована была в ученое учреждение, в своего рода Institut de correspondance hellénique. С 1877 г. Школа начала издавать и свой орган, Bulletin de correspondance hellénique, где сосредоточиваются сообщения о новейших открытиях и где на ряду со статьями на французском языке—иногда ученых разных национальностей, в том числе и русских—отведено было место и статьям на языке новогреческом. Дальнейшего развития и процветания Французская Школа достигла при преемниках Дюмона — Фукаре (с 1878 по 1890), известном знатоке надписей, при котором и преобладало эпиграфическое направление, и Омолле (Homolle) (с 1890 по 1904 и с 1912 по 1913) [1]), прославившемся своими раскопками на Делосе и в Дельфах. Раскопки эти были самым выдающимся делом Французской Школы.

Древности Делоса [2]), родины Аполлона в глазах греков священного острова и одно время центра Афинского союза, испытали обычную, печальную участь: еще в I в. до Р. Х., во времена Митридата, остров подвергся разорению, а в средние и новые века служил каменоломней. Госпиталиты (Иоанниты) и жители соседних островов брали отсюда материал для построек; церковь на Тиносе, напр., вся построена из античного мрамора. В XV в. известный любитель археологии Кириак из Анконы обратил внимание на Делос. В XIX ст. здесь производил изыскания Л. Росс. В 1873 г. Лебег (Lebègue), один из членов Французской Школы, начал раскопки на горе Кинфе и между прочим нашел пещеру, служившую древнейшим храмом. Его изыскания продолжал, по поручению Греческого Археологического Общества, Стаматаки и открыл святилище иноземных, египетских богов — Сераписа, Исиды и Анубиса. Но только с 1877 г. Французскою Школою начаты на Делосе систематические, в широких размерах, раскопки, давшие богатые результаты. Руководство ими поручено было Омоллю, который повел их по новому плану (1877—80). В 1885 и 1888 г. Омолль снова возвращался на Делос для продолжения своих раскопок. В промежуток и другие члены Французской Школы—Оветт, С. Рейнак, Фужер и проч.— с своей стороны исследовали разные части острова и дополнили таким образом разыскания Омолля.

---

[1]) С 1904 по 1912 г. директором состоял Олло (Holleaux), с 1913— Фужер (Fougères).

[2]) О раскопках на Делосе — отчеты в Bulletin de corresp. hell.; Diehl, Excursions archéol. en Grèce. P. 1894, 2-е изд. (рус. пер. „По Греции". М. 1913).

В результате открыты были остатки священного города, храма и различных зданий — пропилей, театра, гимназии, святилищ, помещений, принадлежавших разным коллегиям или корпорациям, и т. под. — в общем до 60, гавани, любопытные архаические статуи и в особенности надписи, числом более 1500 (теперь их известно более 3000). Таким образом пролит свет на историю храма, его управление, хозяйство, на развитие греческой скульптуры, особенно в более древний период, и т. д. Мы поймем все значение сделанных находок, преимущественно надписей, если вспомним, что храм делосский служил своего рода архивом, казнохранилищем, банком и музеем, что здесь хранились различные акты, копии с договоров и других документов, и что остров Делос был одним из центров не только религиозной жизни, но и торгового движения. Как пример того, какие интересные документы хранились на Делосе, в храме Аполлона, можно привести надпись, изданную Омоллем в 1879 г.[1]). Это — договор, который заключили между собою в самом конце II стол. до Р. Х. два критских города, Лато или Латос и Олунт, по побуждению города Кносса, избранного ими в третейские судьи во всех спорах, „какие могут возникнуть между ними, безусловно и относительно всех дел“. Приговор, произнесенный Кноссом, должен иметь силу „навсегда“: отныне оба города отказывались от всяких распрей по какому бы то ни было поводу. Характерно, что в этом договоре устанавливается и гарантия его исполнения: та и другая сторона обязывается внести сумму в 10 александрийских талантов серебра в обеспечение соблюдения договора и подчинения приговору.

Систематические, сопровождавшиеся замечательными открытиями раскопки в Дельфах, под руководством Омолля, относятся уже к 90-м годам прошлого столетия, а потому о них мы скажем далее.

К открытиям на Делосе и отчасти в Дельфах близко стоят по своему характеру открытия на месте святилища Аполлона Птойского, в Беотии. Раскопки здесь вел Олло (Holleaux) в 1884—9 гг. Им найдены развалины храма, священные дары, в том числе интересные статуи, бросающие свет на историю греческого архаического искусства, и надписи почти за 1000-летний период, начиная со второй половины VI в. до Р. Х.

Членами Французской Школы производились раскопки также и в других местностях Греции — в Элатее, Феспиях, в Пелопоннесе. В Элатее найдены квитанции об уплате фокидцами с 343 по 330 г. штрафа в 420 тал., наложенного

[1]) В Bull. de corr. hell.; Dittenberger, Sylloge. II², 514. Французский пер. — у Raeder, L'arbitrage international chez les Hellènes. Kristiania. 1912 (Publications de l'Institut Nobel Norvegien. T. I), стр. 124 сл. Содержание надписи — в моей ст. „Международн. трет. суд в др.-греч. мире“ (В. Евр., 1917 апр.—июнь, стр. 150).

на них за разграбление дельфийского храма. В Пелопоннесе следует отметить исследования Фужера в Мантинее [1]). На острове Санторине, древней Фере, Gorceix, вслед за геологом Фукэ, открыл (1869—71) следы древнейших поселений и архаической культуры. П. Жирар (P. Girard) исследовал Самос и приобрел для Лувра знаменитую статую Геры Самосской. В Малой Азии, в Мирине, близ Смирны, под руководством Поттье (Pottier) и С. Рейнака, раскопан некрополь [2]) со множеством терракоттовых статуэток, подобных тем, которые найдены в Танагре (см. дальше). Член Французской Школы Райэ (Rayet) на средства Ротшильдов произвел в 1872—3 г. раскопки в Милете и его окрестностях, на месте оракула Аполлона Бранхидского в Дидимах, в Магнесии, Приэне и т. д. [3]). Во Фригии, Ликии производили исследования Радэ (Radet), Кузен (Cousin), Диль (Diehl) и друг.; найдены были между прочим интересные эпиграфические памятники, напр. письмо Дария Гистаспа, рескрипт Антиоха II относительно культа царицы Лаодики и даже целый философский трактат.

Членам Французской Школы в Афинах, кроме того, принадлежит ряд более или менее крупных монографий и исследований по греческой истории, государственным и частным древностям и искусству. Большинство выдающихся специалистов Франции второй половины XIX в. в этих научных областях вышли из Французской Школы в Афинах.

Говоря об участии французских ученых в изысканиях в области греческой истории, можно отметить еще, что во Франции в 1867 г. возникло Общество для поощрения изучения Греции (Association pour l'encouragement des études grecques), органом которого является Revue des études grecques.

В 1874 г. и немцы основали в Афинах учреждение, подобное Французской Школе, в виде отделения Немецкого Археологического Института.

Мы видели, что в Риме, по инициативе Гергарда, еще в 1829 г. основан был Археологический Институт, первоначально международного характера. В 1871 г. Институт этот превращен в прусское учреждение, а в 1874 г.—в имперское, под именем Немецкого Археологического Института [4]). Почти одновременно, в том же 1874 г., по проекту Э. Курциуса, в Афинах основано его отделение. Каждым из двух отделений, Афинским и Римским, заведуют по два секретаря, а центральная дирекция находится в Берлине. В числе секретарей Афин-

---

1) Mantinée et l'Arcadie orientale. P. 1898; здесь и о предшествущих его изысканиях.

2) Pottier et S. Reinach, La Nécropole de Myrina. P. 1887, 2 т.

3) Rayet et Thomas, Milet et le golfe Latmique. P. 1877--82, 3 т.

4) Michaelis, Gesch. d. Deutsch. Archäolog. Instit. Berl. 1879, и его же ст. в Preuss. Jahrb., 1889.

ского отделения мы видим таких выдающихся ученых, как У. Келер, которому очень много обязана эпиграфика, Дёрпфельд и друг. Институт имеет свой орган — Mittheilungen, из которых один отдел выходит в Афинах — в нем есть статьи и русских ученых, — а другой в Риме. Кроме того, в Берлине имеется центральный орган — сначала таковым было Archäologische Zeitung, потом — Antike Denkmäler и Jahrbuch (с 1886 г.), с приложением (Archäol. Anzeiger, с 1889 г.). Ежегодные отчеты о деятельности Немецкого Археологического Института печатаются в Sitzungsberichte d. Berliner Akademie der Wissensch.

Немецкий Археологический Институт в Афинах очень много способствовал дальнейшему изучению истории, археологии и топографии Греции. „Институт исследовал почти все области древне-греческого мира и во многих из них произвел раскопки" (Дёрпфельд). Между прочим впервые им открыты следы микенской культуры на почве Аттики — в деревне Мениди. При его содействии и при участии Курциуса предпринята была громадная работа — топографическая съемка Аттики офицерами германского генерального штаба и т. д.

Немцы же, при содействии Берлинской Академии Наук, исследовали ту роскошную гробницу Антиоха I Коммагенского на вершиие Немруд-Даг, в горах Тавра, о которой говорилось в I части (на стр. 211). Впервые открыл ее инженер Зестер, которому ее показал один туземец. Она является памятником эллинистической эпохи, средины I в. до Р. Х., и ясно обнаруживает черты синкретизма, смесь начал восточных и греческих, что̀ сказывается и в обширной находящейся на ней надписи [1]). В этой надписи царь Антиох, „друг римлян и друг греков" („Филоромей и Филэллин"), „начертал неприкосновенными письменами на вечные времена деяния своей благости". Подчиненное его трону царство он сделал „общей обителью" и „престолом всех богов": „изображения их облика украсил всевозможными средствами искусства, согласно с тем, как представляют их в древнем предании персы и греки — его рода благодатнейший корень"; воздвиг статуи богов „Зевса Оромасда, Аполлона-Мифры-Гелия-Гермеса, Артагна-Геракла-Арея и своей родины, всекормилицы Коммагены"; назначил достаточный участок земли и доходы с него для великолепных жертвоприношений; установил служение, жрецов „с одеяниями, подобающими персидскому роду", священнодействия и новые празднества и издал священный закон касательно этого, который и приводится в надписи; а в заключение призывает, в случае его исполнения, милость „всех родных богов из Персидской и Макетидской земли и Коммагенского очага".

---

[1]) Dittenberger, Orientis gr. inscr. sel., I, 383; рус. пер. — в хрестоматии: „Древн. мир в пам. его письм.", II, 511.

Древностями Греции заинтересовались и американцы. В 1881 г. на счет Американского Археологического Института начаты раскопки в Ассосе [1]) (в Малой Азии), а в следующем году в Афинах учреждена Американская Школа—American School of Classical Studies. Она производила раскопки в Аттике (в Форике), Сикионе, Платеях и т. д. [2]). Для исследования Малой Азии в Америке образовалось особое Общество—Asia Minor Exploration Fund. Мы уже упоминали в I части (стр. 218 сл.) об экспедиции, предпринятой в 1883 г. по поручению этого Общества английским ученым Рамзеем и американским эпиграфистом Стереттом в Карию и Фригию, и о других подобных, равно как и об австрийских. Австрия не имела в Афинах учреждения в роде названных выше Школ или Немецкого Института; но Малая Азия служила предметом тщательного изучения со стороны австрийских ученых, особенно Бенндорфа.

Позже Американской, в 1886 г. возникла Британская Школа в Афинах (British School at Athens) [3]), по побуждению известного английского классика Джебба (Jebb). Основана она на частные взносы, без субсидии со стороны правительства, но все-таки выдает стипендии (из фонда в честь эпиграфиста Ньютона), издает журнал The Annual of the British School at Athens и ведет раскопки. Так, она принимала деятельное участие в раскопках на о. Кипре (доставшемся Англии в 1878 г.), где еще в 70-х годах с большим успехом производил изыскания северо-американский консул граф Чеснола, не совсем, впрочем, надежный свидетель, а затем немецкий ученый Онефальш-Рихтер (Ohnefalsch-Richter), издававший даже специальный орган—The Journal of Cyprian Studies. При поддержке Британской Школы, Британского музея, некоторых ученых обществ и университетов, образовался особый „Фонд“, Cyprus Exploration Fund (1887), благодаря которому раскопки продолжались далее, а в Никосии основан Музей кипрских древностей.

В том же направлении действовали ученые английские общества—Society for the Promotion of Hellenic Studies, издающее Journal of Hellenic Studies, и в особенности уже известный нам (см. I ч., стр. 77 сл.) Egypt Exploration Fund, основанный мисс Амелией Эдвардс в 1882—3 г. „Фондом“ этим, под руководством Флиндерса Петри, Гарднера и Гриффиза, предприняты были в средине 80-х годов раскопки на месте греческой колонии Навкратис [4]) в Египте—раскопки, которых мы уже касались (I, 79) и которые привели к богатым и неожиданным результатам: открыт

---

[1]) Clarke, Bacon and Koldewey, Investigation at Assos... P. I. 1902.
[2]) Отчеты—в American Journ. of Archaeology.
[3]) Gardner, The Brit. School at Athens. Oxf.-Cambr. 1907.
[4]) Fl. Petrie, Gardner and Griffith, Naucratis. 1886—8. 2 т.

городской округ со святилищами, много утвари, особенно ваз, надписей на них, по древности не уступающих надписи в Абу-Симбеле. Бо̀льшая часть найденных вещей перевезена в Англию.

Изысканием греческих древностей занимались и отдельные лица. Не говоря уже о Феллоусе, который еще в конце 30-х и в начале 40-х годов изъездил Ликию и открыл между прочим „памятник гарпий“ и „памятник Нѐреид“ (см. „Открытия“, I, 220), и о Ньютоне, об открытиях которого уже упоминалось, — из англичан следует здесь назвать архитектора Вуда (Wood). Его многолетние раскопки в Эфесе, с 1869 по 1874 г., увенчались открытием остатков знаменитого храма Артемиды [1].

Кроме иноземных Школ и Институтов, основанных в Афинах, и местное греческое Археологическое Общество с своей стороны не мало сделало по части раскопок и открытий [2]. Основанное впервые еще в 1837 г., потом на время прекратившее-было свое существование, оно в 1858 г. вновь возникло, но лишь с конца 60-х и особенно с 80-х годов прошлого века обнаружило энергичную деятельность. Оно издает ряд публикаций, из которых главная — „Археологическая Эфемерида“, Ἐφημερὶς ἀρχαιολογική (с 1883 г.), и вело удачные раскопки в Афинах, Элевсине, Оропе, Эпидавре, Микенах, Танагре и т. д.

Первое место среди этих раскопок занимают открытия на афинском акрополе [3]. Уже раньше здесь производили изыскания Л. Росс, Питтаки, Бёлэ; в 1862 г. в Афины снаряжена была прусская экспедиция при участии Э. Курциуса; тогда же Бёттихер вел раскопки на акрополе. Дальнейшие, большею частью случайные, находки указывали на то, что здесь под мусором и грудой развалин скрываются интересные памятники древности. Между прочим найдена была статуя, известная под названием Мосхофора. В 1876—7 г. Греческое Археологическое Общество очистило южный склон акрополя, а в 1882 г. оно, под руководством эфора Каввадия (Kavvadias), предприняло систематические раскопки, которые и привели в 1885—9 гг. к замечательным открытиям. Исходя из убеждения, что среди мусора, послужившего для уравнения площади акрополя и заполнившего все неровности его поверхности во время строительной деятельности Периклова века, должно находиться немало памятников, погибших при нашествии

[1]) Wood, Discoveries at Ephesos, including the site and remains of the great temple of Diana. L. 1876.

[2]) Историю этого Археологического Общества написал Каввадий (на новогреч. яз., 1900).

[3]) Kavvadias und Kawerau, Die Ausgrabung d. Akropolis (1885—1890). 1909 (на нем. и новогреч. яз.); Collignon, Le Parthénon, l'histoire, l'architecture et la sculpture. P. 1914; А. А. Павловский, Скульптура в Аттике до греко-перс. войн. Спб. 1896. Дальнейшие указ. — в моем „Введении“ [3], стр. 350, прим. 1.

персов, Греческое Археологическое Общество задалось целью дойти до самой скалы. Ожидания оправдались: из этого насыпного слоя извлечена масса памятников, наполняющих теперь несколько зал Акропольского музея (не говоря уже об отдельных экземплярах и фрагментах в различных других музеях) и, несомненно, относящихся ко времени до Греко-Персидских войн. Среди них особенно любопытны статуи; многие из них раскрашены. В шутку их назвали „тетками". Эти находки осветили многое в истории греческого искусства, особенно начального периода, и в истории самого акрополя, тем более, что Археологическим Обществом, кроме того, открыты на акрополе остатки „Пеласгической стены" и древнего дворца микенской эпохи.

В славившемся некогда своими мистериями Элевсине еще в 1815 г. производились изыскания экспедицией Джелля, снаряженной в Малую Азию и Аттику английским Обществом Дилеттантов. К 1860—1 г. относятся раскопки в Элевсине Ленормана. Но систематические раскопки начаты только в 1882 г. Греческим Археологическим Обществом. Правительство экспроприировало дома, построенные на месте развалин, что̀, конечно, стоило больших сумм, но зато дало возможность надлежащим образом исследовать священный округ. Раскопки под руководством Филия [1]) производились деятельно и дали немаловажные результаты в виде произведений искусства и многочисленных надписей; выяснен и план, и расположение зданий. — В средине 80-х годов Обществом велись раскопки и в другом некогда священном месте Аттики, в Оропе, где было святилище Амфиарая, героя-целителя. Из найденных надписей обращает на себя внимание устав, касающийся службы оропских жрецов.

Но религиозное врачевание в Греции особенно практиковалось при святилищах Асклепия (Эскулапа). Главное из таких святилищ находилось в Эпидавре, близ моря, в гористой местности, окруженной хвойным лесом, от суровых северных ветров защищенной высоким кряжем и снабженной прекрасною водою. Сюда стекались больные, жаждущие исцеления. Это был своего рода древний Лурд и вместе с тем санаторий древности. Помощи бога — чтобы он явился больному во сне и исцелил его или указал средство для исцеления — старались достичь посредством особых обрядов и церемоний, так называемой инкубации. В Эпидавре раскопки производились под наблюдением Каввадия (1881—7) и привели к открытию святилища и разного рода памятников [2]). Особенно характерны

---

[1]) Philios, Eleusis, ses mystères, ses ruines et son musée. Athènes. 1896.

[2]) Cavvadias, Fouilles d'Epidaure. Athènes. 1893; его же более новый труд на новогреч. яз.: „Святилище Асклепия в Эпидавре..." (1900); Defrasse et Lechat, Epidaure. P. 1895; С. А. Жебелев, Религиозн. врачев. в др. Греции. Спб. 1893 (из „Зап. Русск. Археол. Общ.", VI).

надписи, рассказывающие об исцелениях или „чудесах“ Асклепия. Напр. больному раком желудка было видение: Асклепий, раскрыв ему живот, вырезал рак и потом зашил живот. Одному больному бог вынул из груди пьявки, которые тому из мести дала в вине теща. Евфану, мальчику из Эпидавра, искавшему исцеления, во сне явился бог. „Что ты мне дашь, если я тебя исцелю?“ спросил бог. „Десять бабок“, ответил мальчик. Бог рассмеялся и сказал, что исцелит его. С наступлением дня мальчик вышел исцеленным. Амвросия из Афин, кривая на один глаз, придя в святилище, смеялась над „чудесами“, не веря им. Во сне бог ее исцелил с тем однако, чтобы она пожертвовала в святилище серебряную свинью на память о своем невежестве. Некто Апелл или Апеллес страдал плохим пищеварением; ему предписаны были разнообразные средства, в том числе физические упражнения и нечто в роде грязевых ванн— натирать тело грязью. Вообще физические упражнения, моцион, массаж, ванны, а особенно покой и диэта занимали видное место в религиозном врачевании в древности. Больному, у которого был кашель с кровью, указано было есть между прочим яйца и принимать внутрь сырую смолу (ср. современный скипидар и дегтярные пилюли). В другом подобном случае предписывается пить бычачью кровь, больному чахоткой—есть ослиное мясо, страдающему желудком — есть финики... Но в надписях из Эпидавра речь идет не об одних только исцелениях или „чудесах“. Имеется напр. постановление третейского суда по делу между Коринфом и Эпидавром во времена Ахейского союза (в III в.) о спорных границах [1]). Третейский трибунал из 151 судей - мегарян присудил спорную землею Эпидавру. Против этого коринфяне ничего не имели, но они возражали против проведенных границ. Тогда мегаряне послали разграничительную комиссию из 31 члена из числа судей. Комиссия, прибыв на место, провела границу, направление которой самым точным образом, со всеми ее поворотами и извилинами, обозначается в дошедшем до нас третейском приговоре: „От вершины Кордилейя до вершины Галиея, от Галиея до вершины Керавния, от Керавния до вершины Корниата. От вершины Корниата до дороги, идущей через хребет Корниата“, и т. д. Надпись эта издана впервые Стаисом в 1887 г.

Исследования и раскопки Греческого Археологического Общества в Микенах в 1887—8 г., уже после Шлимана, пролили новый свет на некоторые стороны микенской культуры и на отношение ее к чисто эллинской. Оказывается, судя по следам домов и многочисленным могилам, небольшим, высеченным в скале, гораздо более простым, чем те, какие были в акрополе, у стен последнего ютился небольшой город. Най-

---

[1]) Dittenberger, Sylloge, II², 452; Dareste, Haussoullier et Th. Reinach, Rec. des inscript. jurid. gr., II, 342 сл., где имеется и франц. пер.

дены бритвы, круглые металлические зеркала в оправе из слоновой кости, фрагмент стеклянной вазы, несколько железных колец и бронзовых фибул,—интересные находки, ибо до тех пор именно в отсутствии железа и фибул видели одну из характерных особенностей микенской культуры и одно из главных ее отличий от культуры гомерической. В Микенах открыты также развалины дворца, подобного тиринфскому. В нем между прочим найден скарабей чисто египетской работы, с иероглифами, обозначающими имя Тии, жены Аменхотепа III.

Иного рода были находки в Танагре (в Беотии). Здесь давно уже местные жители, при обработке земли, наталкивались на древние могилы, содержавшие множество статуэток. Около 1870 г. начались более деятельные разыскания: некий Георгий Анифантис, родом из Корфу, более известный под именем „Старого Георгия", принялся за тайные раскопки некрополя в Феспиях, а потом перенес свою деятельность в Танагру, где его ожидали еще более обильные находки, которые он выгодно сбывал. Так мало-по-малу развился здесь целый промысел, и танагрские могилы подверглись массовому расхищению, бо̀льшая же часть находок ушла заграницу. Наконец, греческое правительство и Археологическое Общество приняли меры. В 1873 г. послан был агент Общества, даже с военным отрядом, чтобы остановить тайные раскопки. В 1873—6 гг. Общество вело раскопки, причем разрыто было несколько тысяч могил. В 1888 г. раскопки возобновились. Находимы были преимущественно мелкие предметы, статуэтки. Самая богатая коллекция их собрана в Лувре; немалое количество их имеется в Британском музее и в собрании П. А. Сабурова, одно время бывшего русским посланником в Афинах, любителя древностей. Собрание П. А. Сабурова приобретено Берлинским музеем, но часть его попала и в Эрмитаж.

„Танагрские фигуры" [1]) (названные так по месту нахождения; изготовлялись же они большею частью в Авлиде) открыли нам новую сферу или сторону греческого искусства и ремесла. Они вводят нас в повседневную жизнь греков, знакомят нас с их занятиями, забавами, нарядами. Они изображают то женщин, занятых своим туалетом или своим хозяйством, печением хлеба и т. под.; то цирульника, стригущего своего клиента; то повара, готовящего обед; то торговца, выкрикивающего свой товар; то детей, играющих или пишущих, и т. д.

---

[1]) Kekulé, Thonfiguren aus Tanagra. Stuttg. 1878; Pottier, Les statuettes de terre-cuite en Grèce; Diehl, Excurs. arch. en Grèce („По Греции"); ст. К. К. Герца в „Русск. Вестн.", 1878, № 5 (Сочин., V); Н. П. Кондаков в „Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древн.", XI, 1879.

Открытием развалин Додоны [1]), где был древнейший оракул, очень почитавшийся греками, наука обязана не какому-либо обществу, а отдельному лицу или лицам. Открытие это связано с именем богатого грека Карапана, хотя заслуги его в этом деле подвергаются сомнению: говорят, что он обязан трудам других—польского инженера Сигизмунда Минейко, произведшего раскопки на месте Додоны в 1875 г.; Карапан же, ведший раскопки чрез уполномоченного не совсем успешно, скупил большую часть найденных Минейко предметов и издал свою публикацию (Михаэлис, стр. 143).

Долгое время в точности не было известно даже местоположение Додоны. Следы некогда знаменитого оракула, казалось, исчезли навсегда, и еще Байрон, посетивший эту местность, говорил в Чайльд-Гарольде (II песнь, 53 строфа, пер. Минаева):

„Додона! где ж твоя дубрава?
Ручей пророческий был там.
Где твой оракул вещий, слава?
Где громовержца вечный храм?
Их нет кругом...“

Только в средине 70-х годов прошлого века окончательно определено местоположение Додоны, открыты ее развалины и остатки святилища, причем найдено много мелких предметов, служивших обетными приношениями,—бронзовых треножников, ваз, а также свинцовых табличек, на которых писались обращенные к оракулу вопросы, самые разнообразные и, так сказать, житейские. Напр. [2]): Будут ли дети от жены?—Какому богу приносить жертвы, чтобы иметь выгоду и благополучие и избавиться от болезни?—„Будет ли мне лучше и полезнее иметь самому дом в городе и поместье?“—„Клеот спрашивает Зевса и Диону, выгодно ли и полезно ли ему заниматься скотоводством?“—Будет ли удача, если отправиться по торговым делам?... Или относительно пропавших вещей—подстилок и подушек—Агис спрашивает, сам ли он их потерял или, может быть, кто-нибудь из чужих их украл?

Интерес к древностям пробудился и в среде турок. В Константинополе, благодаря стараниям образованного турецкого археолога Гамди-бея, в начале 80-х годов организован был Оттоманский музей, ставший на ряду с выдающимися учреждениями подобного рода. Главною достопримечательностью его явились, как мы видели (I, 201), „Сидонские саркофаги“, открытые в 1887 г., в том числе и так назыв. „Саркофаг Александра Великого“ с изображениями на одной стороне сраже-

---

[1]) Karapanos, Dodone et ses ruines. P. 1878; Pomtow, Die Orakelschriften von Dodon (N. Jahrb., 1883).

[2]) Примеры — Dittenberger, Sylloge², 793 сл.; в русск. пер. — Д. А Жаринов, Н. М. Никольский, С. И. Радциг и В. Н. Стерлигов Древн. мир в памятн. его письм., II, 59—60.

ния при Иссе, а на другой охотничьих сцен,—памятники эллинистической эпохи.

В России в рассматриваемый период продолжались изыскания по северному побережью Черного моря на месте греческих колоний. В Керчи в 1872 г. В. В. Стасовым исследована одна из важнейших катакомб с фресками, изображающими зверей, деревья, битву и сцену, быть может, пожалования власти, чему параллель дают памятники Сассанидской Персии. Открытый в 1877 г. склеп Анфестерия тоже представляет интересную роспись: мы видим здесь палатку, сбоку ее сидит женщина, тут же дети, подъезжает всадник, другой всадник держит лошадь на поводу, за ним бежит еще лошадь [1]). На Тамани раскопки производил В. Г. Тизенгаузен. В одном из больших курганов, в могиле, близ городища у станицы Сенной, на месте, повидимому, древней Фанагории, им найдены в числе других предметов три раскрашенные (полихромные) вазы в форме статуэток—Афродиты, сфинкса и сирены [2]),—„замечательные по сохранности, красоте форм и эффектной раскраске", представляющие „редкие, исключительной ценности памятники художественной промышленности Афин эпохи высшего процветания аттического искусства". Вообще содержимое могилы важно в культурно-историческом отношении. В Фанагории, очевидно, были любители тонких произведений аттической художественной промышленности, существовало в V—IV в. „тонко, по-аттически, образованное общество. Но оно было, видимо, немногочисленно", и аттические предметы искусства представляют вообще среди находок на юге России редкость; преобладают не аттические предметы, а предметы ионийского стиля. „Северное побережье Понта не сделалось вполне аттическим, хотя и подверглось влиянию Афин. Аттический вкус и образование были, видимо, уделом избранных" (Б. В. Фармаковский). На Васюриной горе В. Г. Тизенгаузеном открыто (1868—72) погребение с конем, саркофагом, остатками колесницы. Он же исследовал Артюховский курган, в котором между прочим найдена золотая диадема весом в 36 зол., и в 1875 г.—„Семь братьев" (Темрюк. у., Кубанск. обл.). По р. Кубани, близ ст. Крымской, в 1888 г. Е. Д. Фелицыным раскопан курган Карагодеуашх, древности которого исследованы А. С. Лаппо-Данилевским и В. К. Мальмбергом; они являются одною из замечательнейших находок на юге России—царское погребение с несколькими сотнями различных предметов золотых, серебряных, бронзовых и проч.,

---

[1]) Со многих открываемых памятников делал рисунки художник Гросс; рисунки эти служат важным материалом, особенно в тех случаях, когда памятник утрачен или сильно попорчен.

[2]) Находятся в Эрмитаже, впервые изданы Л. А. Стефани, недавно вновь изданы и исследованы Б. В. Фармаковским (Записки Росс. Акад. Ист. Матер. Культ., вып. I, 1921).

из которых особенного внимания заслуживают по находящимся на них изображениям золотая пластинка головного убора и серебряный ритон. С 1888 г. начались систематические раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича в Херсонесе, но результаты их относятся к следующему периоду, и мы скажем о них потом.

На Западе, в Италии, в Помпеях, этом типичнейшем городе эллинистическо-римской эпохи, раскопки приняли более систематический характер, правильное, методическое направление. Начало такому направлению положено в 60-х годах, со времени падения Бурбонов в Неаполе и объединения Италии. Дело раскопок было поручено итальянскому ученому Фиорелли, который и раньше уже работал над исследованием помпеянских древностей, но встречал препятствия при осуществлении своих стремлений. Производить изыскания разрешено и иностранцам. На этом поприще выдвинулись немцы Гельбиг, Шёне, Ниссен в 70-х годах, Мау—в 80-х. В результате работ того времени явилось раскрытие улиц, переулков и домов с верхними этажами, пролитие света на помпеянскую архитектуру и живопись, установление нескольких определенных периодов в них.

70-е и 80-е годы прошлого столетия характеризуются также развитием эпиграфики.

Современной эпиграфике, как мы видели, положил начало Бёк. После того и до конца 60-х годов по изучению надписей, говоря вообще, сделано сравнительно немного и на них не обращали такого внимания, какого они заслуживали. В конце 60-х и в начале 70-х годов начинается новый период. Ад. Кирхгоф издает исследование о греческом алфавите [1]), Ульрих Кёлер (U. Köhler)—свои „Документы и исследования по истории Делосско-Аттического союза" [2]),—первостепенный труд, основанный на надписях, подвергнутых образцовому анализу; греческий эпиграфист Куманудис собирает и публикует „Аттические надгробные надписи" (1871), числом до 4000, наполовину дотоле неизданные, „своею неутомимою энергиею" „по отысканию, чтению и первоизданию эпиграфических документов" отчасти обусловливая последующие успехи эпиграфики (А. Н. Щукарев); а главное—Берлинская Академия Наук приступает к изданию нового монументального собрания „аттических надписей", Corpus Inscriptionum Atticarum, в 4 томах,—которое начало выходить с 1873 г. Дело в том, что новый материал в области аттических надписей так разросся, что его невозможно было далее издавать в виде „Добавлений" (Supple-

---

[1]) Ad. Kirchhoff, Studien zur Gesch. d. griech. Alphabets в Abhandl. d. Berl. Akad. d. Wissensch. за 1863, потом, в 1867 г.,—отдельно; 4 изд. 1887 г.

[2]) U. Köhler, Urkunden und Untersuchungen zur Gesch. d. delisch-attischen Bundes, там же за 1869 г.

menta) к собранию Бёка, как некогда предполагалось; достаточно сказать, что у Бёка, в I томе, всех аттических надписей менее 1000, а в новом собрании, т. е. в Corp. Inscr. Atticarum, их около 10.000. Притом текст у Бёка не совсем уже соответствовал новым научным требованиям, оказывался не вполне удовлетворительным; желательно было дать более исправный, точный текст уже изданных надписей, по лучшим копиям. И действительно, в этом отношении Corpus Inscr. Attic. стоит гораздо выше собрания Бёка: в нем текст проверен по оригиналам. Инициатором нового собрания был упомянутый выше Ад. Кирхгоф; он же обработал I том, содержащий в себе надписи до архонтства Евклида, т. е. до 403 г., и часть IV т., содержавшего дополнения (Supplementa). Но главный труд взял на себя У. Кёлер, в то время стоявший во главе только-что основанного тогда Отделения Немецкого Археологического Института в Афинах, в качестве секретаря (с 1875 г. по 1886 г.): бóльшую часть надписей, входящих в С. I. А., он собственноручно скопировал или сличил на месте и обработал огромный II т. (1877—88) этого собрания,—надписи от архонтства Евклида до Августа, и Supplementa к нему в IV т. III т. (1878—82), содержащий аттические надписи времен Римской империи, обработан Диттенбергером, который известен также своим сборником избранных надписей, наиболее интересных и важных (Sylloge insriptionum graecarum. 1883, 2 т.) [1]. Издание собрания аттических надписей послужило могучим толчком в деле разыскания, опубликования и исследования эпиграфического материала.

В 1882 г. Берлинская Академия Наук издает сборник древнейших греческих надписей [2]). Вообще издание Corp. Inscr. Attic. было лишь началом целой серии собраний, которые большею частью принадлежат уже последующему периоду и которые поэтому мы назовем потом.

Почти одновременно с берлинским Corpus Inscr. Atticarum в Англии появилась своя коллекция надписей: известные знатоки эпиграфики Ньютон, о котором приходилось уже не раз упоминать, и Hicks, которому принадлежит руководство по греческим историческим надписям (A manuel of Greek historical inscriptions, 1882), в 1874 г. начали выпускать, при участии Г. Гиршфельда, собрание надписей, имеющихся в Британском музее (Collection of ancient greek inscriptions in the British Museum). Из французских ученых в области эпиграфики в рассматриваемый период особенно выдавался П. Фукар, завершивший дело Лебà (см. выше) и открывший в Дельфах, вместе

---

[1]) 2-е изд. 1898—1901, в 3 т. Теперь есть и 3-е изд. Продолжением этого сборника служат „Надписи греч. Востока“, Orientis graeci inscriptiones selectae (1903) того же Диттенбергера.

[2]) Inscriptiones graecae antiquissimae, в обработке Röhl'я (новое изд.—1901).

с Вешером, много надписей. Из итальянских ученых успехам эпиграфики немало способствовал Компаретти. При его посредничестве командирован был на о. Крит Frederico Halbherr (по итальянскому произношению Альбэр), который в 1884—5 г., вместе с немецким ученым Фабрициусом, открыл на месте древней Гортины, на стене развалившегося античного здания, оказавшегося по недавним исследованиям одеоном, надпись чрезвычайной важности: эта огромная надпись, дальнейшие отрывки которой не раз потом еще открывались, содержит в себе целый кодекс права г. Гортины, восходящий в своих основных частях к V, а, по мнению некоторых, даже к VI в. до Р. Х.; она имеет громадное значение для знакомства с юридическими и социальными отношениями того времени, с правом гражданским и семейным, порядком владения, раздела и наследования имущества, положением женщины, рабов и проч. Эта знаменитая „Гортинская надпись“ впервые опубликована Фабрициусом и Компаретти [1]).

В деле собирания и изучения эпиграфических памятников приняли видное участие и русские ученые. Из более ранних известны труды Н. Н. Мурзакевича и В. Н. Юргевича по части надписей юга России. В. Н. Юргевич, напр., как мы видели, опубликовал и исследовал очень важную надпись из Херсонеса—постановление в честь Диофанта, полководца Митридата. Но занятия эпиграфикой у нас развились преимущественно с конца 70-х и начала 80-х годов прошлого столетия. В России первый крупный сборник надписей принадлежит проф. И. В. Помяловскому: в 1881 г., к V Археологическому Съезду в Тифлисе, он опубликовал „Сборник греческих и латинских надписей Кавказа“. В 1882 г. П. В. Никитин напечатал исследование по истории афинских драматических состязаний на основании эпиграфических данных, в котором он уже предвосхитил многое из того, что̀ потом, почти через 25 лет, высказал один из лучших современных эпиграфистов, Ад. Вильгельм [2]). Большое влияние на развитие эпиграфики в России оказал проф. Петербургского университета Ф. Ф. Соколов (ум. в 1909 г.) своими исследо-

---

[1]) Фабрициусом—в Mitt. d. Deutsch. Arch. Instit., IX, 1884, и Компаретти—в Museo ital. di antichità class., I, 1885; затем — Bücheler und Zitelmann, Das Recht von Gortyn, в Rhein. Mus., XL, 1885 (Ergänzungsheft). Вообще имеется целый ряд изданий этой знаменитой надписи. См. в особенности Recueil des inscr. jurid. gr. par Dareste, Haussoullier et Th. Reinach, 3-me fasc. (1893), где помещен текст, франц. перев. и комментарий, и Kohler und Ziebarth, Das Stadtrecht von Gortyn... Götting. 1912. На русск. яз. гортинская надпись переведена С. В. Мирошниковым (в „Зап. Русск. Археолог. Общ.“, III, 1888); отрывки из нее в рус. пер. имеются в сборнике: „Древн. мир в пам. его письм.“, ч. II, стр. 76 сл.

[2]) С. А. Жебелев в некрологе П. В. Никитина (Журн. Мин. Нар. Пр. 1916, авг.).

ваниями [1]) и еще более—практическими занятиями со своими ближайшими учениками. Можно сказать, что он создал школу русских эпиграфистов. По инициативе Ф. Ф. Соколова и при содействии тогдашнего русского посланника в Афинах, П. А. Сабурова, мин. нар. просв., начиная с 1880 г. в течение нескольких лет, посылало в Грецию для изучения на месте главным образом эпиграфических памятников, обыкновенно на два года, молодых ученых. Сначала командированы были В. К. Ернштедт и В. В. Латышев; затем последовал ряд других командировок—Д. Н. Королькова, А. В. Никитского, Н. И. Новосадского, А. Н. Щукарева, Р. Х. Лёпера, С. А. Селиванова. Все это ученики Ф. Ф. Соколова. Немало надписей было ими открыто, собрано и опубликовано, частью в русских изданиях (главн. обр. в Ж. Мин. Нар. Пр.), частью в иностранных—в Mittheilungen d. Deutsch. Archäolog. Instit. in Athen, Bulletin de correspondance hellénique, в новогреческой „Эфемериде Археологической“. Россия не имела какой-либо своей Школы или Института в Греции (Русский Археологический Институт возник позже и не в Афинах, а в Константинополе), и командированным в Грецию молодым ученым, за неимением русского учреждения, приходилось так или иначе пользоваться содействием Французской Школы или Немецкого Института и в их органах помещать свои работы.

В. В. Латышев (1855—1921) вскоре занял одно из первых мест среди эпиграфистов не только русских, но и западных. В Греции в течение 1880—2 гг. он работал в Афинах, занимаясь эпиграфикой; совершил поездки в Пелопоннес, Беотию, Фокиду, Фессалию, на острова и открыл несколько более или менее важных надписей, в числе их, напр., решение римского сената по поводу спора между Мелитеей и Нарфакием. Между тем в Русском Археологическом Обществе еще с 1876 г. возникла мысль об издании древних надписей, имеющихся в пределах России. Мысль эта, наконец, осуществилась. Когда В. В. Латышев возвратился на родину, то Русским Археологическим Обществом, по предложению Ф. Ф. Соколова, поручено было ему собрать и издать античные надписи, находимые на юге России. В. В. Латышев исполнил это поручение с удивительной энергией и успехом. Он списал надписи в петербургских музеях и коллекциях, объездил различные города и местности южной России, разыскивая и исследуя эпиграфические

---

[1]) Труды Ф. Ф. Соколова. Спб. 1910. Из исследований его важнейшее—ст. об „Афинск. постановлении в честь Аристомаха Аргосского“ (Ж. М. Н. Пр., 1879), в которой он доказал, что упоминаемый в надписи Александр—не Александр Вел., как полагал Дройзен и У. Кёлер, а сын Кратера, племянник Антигона Гоната; Аристомах—тиранн Аргосский III в.; упоминаемая война—война Антигона против племянника, и что афиняне и аргосцы участвовали в войне против Александра потому, что были под властью или покровительством Антигона. Последующие находки подтвердили выводы Ф. Ф. Соколова.

памятники, и уже в 1885 г. появился I т. собрания греческих и латинских надписей северного побережья Черного моря— Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae, содержащий надписи Тиры, Ольвии, Херсонеса Таврического и других местностей от Дуная до Боспорского царства, а через 5 лет последовал и II т. с надписями Боспорского царства. Нечего и говорить о важности подобного собрания. В нем мы имеем свой „Corpus“, не уступающий лучшим, капитальным изданиям подобного рода на Западе. К этому главному труду примыкают и другие многочисленные работы В. В. Латышева. В последующие годы В. В. Латышев продолжал публиковать и исследовать греческие и латинские надписи, тем временем находимые в южной России, печатать „Дополнения и поправки“ к своему собранию.

Другой не менее выдающийся русский эпиграфист А. В. Никитский (1859—1921) еще во время первого своего пребывания в Греции (потом он там не раз бывал, большею частью в Дельфах) издал найденную немцами, но дотоле неразобранную, надпись из Олимпии, оказавшуюся благодарственным декретом одного мало-азиатского города в честь Августа [1]), открыл храм Асклепия близ Навпакта [2]) и ряд новых надписей. Предметом его изучения были преимущественно надписи дельфийские и локридские. А. В. Никитским собран был большой эпиграфический материал, обработанный им позже, в конце XIX и в начале XX в., да и то лишь частью (см. далее).

Д. Н. Корольков по просьбе У. Кёлера снял копии с элевсинских надписей для Corp. Inscr. Attic. Н. И. Новосадский, будучи в Греции, занимался не только эпиграфикой, но также религиозными и государственными древностями, и совершил ряд экскурсий по Элладе — в Элевсин, Фивы, Дельфы, Мегару, Коринф — и на о. Крит. Последующие главные его работы относятся к области греческой религии, а области эпиграфики, кроме статей, из которых некоторые печатались в Mittheilungen и в „Эфемериде Археологической“, касается последующий превосходный курс — „Греческая эпиграфика“ (ч. I. М. 1909, 2-е изд. — 1915). Безвременно скончавшийся (1900) 39 лет от роду А. Н. Щукарев впервые правильно объяснил некоторые надписи и, помимо статей, на основании главным образом эпиграфических источников, дал „Исследования в области каталога афинских архонтов III в. до Р. Х.“ (1889). Труды Р. Х. Лёпера и С. А. Селиванова относятся уже к 90-м годам, о которых речь впереди.

В общем, стараниями различных учреждений и трудами отдельных лиц, представителей разных национальностей, в 70-х и 80-х годах открыта масса эпиграфического материала. К на-

---

1) Журн. Мин. Нар. Пр., 1884, сент.

2) Там же, дек.

чалу 90-х годов всех известных греческих надписей насчитывалось уже до 50.000. Не проходило, можно сказать, дня, чтобы не открывалась новая надпись.

Многие из этих надписей важные и интересные. Содержания некоторых из них приходилось уже касаться выше. Приведем еще несколько примеров.

Фукидид в VI кн., гл. 54, ссылается на надпись, которую начертал Писистрат, сын тиранна Гиппия и внук знаменитого Писистрата, в бытность свою архонтом, на алтаре, посвященном Аполлону Пифийскому. Эту надпись в 1877 г. случайно нашел Куманудис на мраморе в одном из дворов близ Илисса. Фукидид (I, 114) говорит, что после подавления Периклом восстания на Евбее (446/5 г.) с большею частью ее городов заключены были договоры. Один из таких договоров найден в 1876 г. на плите, вделанной в южную стену акрополя. Он опубликован впервые Куманудисом [1]. Это договор с гор. Халкидой. По постановлению совета и народного собрания, афинский совет и дикасты (присяжные судьи) дают клятву от имени афинского народа — не изгонять халкидян из Халкиды и не разрушать их города; никого не подвергать ни атимии (лишению гражданских прав), ни изгнанию, ни заточению, ни казни, ни отобранию имущества без суда и без особого постановления афинского народа; не пускать решения на голоса без предварительного вызова, будет ли дело идти о целой общине или о частном лице; в случае прибытия халкидского посольства, ввести его в совет и в народное собрание по возможности в течение 10 дней. С своей стороны халкидяне клянутся в верности афинскому народу (приводится самый текст клятвы). В надписи говорится также о том, как приводить к присяге; упоминается о заложниках, о чужеземцах, живущих в Халкиде, о лежащих на них платежах, и, наконец, о процессах, причем по всем важнейшим делам допускалась аппелляция в Афины в „гелиэю фесмофетов“. Таким образом, надпись эта освещает нам не только взаимные отношения афинян и союзников того времени, но и роль афинской гелиэи и совета.

В Элевсине, у церкви св. Захария, в 1880 г. найдена надпись, касающаяся культа элевсинских богинь — Деметры и Персефоны [2]. Постановление это, выработанное комиссиею „синграфеев“ и принятое народным собранием, гласило, что афиняне и союзники должны приносить элевсинским богиням „начатки плодов земных“ (при этом указывался минимум приношения); во время мистерий иерофант и дадух должны были

---

[1]) Переиздан в Corp. Inscr. Attic., IV, 27a; Dittenberger, Sylloge, I², 17. Франц. пер.—в ст. Foucart, Rev. archéol., XXXVIII, 1877; русск. пер.—в сборнике „Древн. мир в пам. его письм.“, II, 173—5.

[2]) Впервые опубликовал в 1880 г. Eustratiadis; переизд. в C. I. A., IV, 27b; Dittenberger, I², 20.

побуждать к этому присутствующих эллинов, а совет должен был объявить о состоявшемся решении и „всем остальным греческим городам, каким сочтет возможным, но не приказывая, а только предлагая им посвящать богиням, если хотят, начатки жатвы, согласно обычаю и изречению из Дельф“...

Для знакомства с афинскими фратриями весьма важно постановление членов фратрии Демотионидов, найденное в Татое, где была древняя Декелея; речь идет главным образом о проверке прав членов этой фратрии „по уставу Демотионидов“ [1]). Надпись эта вызвала значительную литературу.

В I части „Открытий“, на стр. 202—203, мы упоминали уже об экспедиции кн. С. С. Абамелек-Лазарева в 1882 г. в Пальмиру и о найденной им там большой надписи на греческом и арамейском языке, содержащей постановление о таможенном тарифе [2]). Здесь мы должны добавить некоторые подробности, так как это касается города, хотя и находившегося на Востоке, но носящего на себе черты эллинизма. Декрет совета от 137 г. по Р. Х. гласит, что так как существующие законы относительно пошлин оказываются недостаточными и многое приходится облагать, держась обычая, что вызывает жалобы, то в виду этого решено внести дополнения в таможенный закон и начертать вместе с прежним законом на каменной стэле. Из дальнейшего следует, что пошлина взималась при ввозе и вывозе. Груз разделялся на три категории: повозочный, верблюжий и ослиный. Дело в том, что Пальмира расположена была на скрещении путей, у края пустыни, и дальше нее на восток сообщение на повозках не шло: в ней происходила перегрузка товаров с повозок на верблюдов или ослов и наоборот — с последних на повозки, если товары шли с востока. Перечисляются самые разнообразные предметы, с которых полагается пошлина: тут и рабы, и пурпуровые ткани, и масло ароматическое в алебастровых сосудах и в козьих мехах (в первом случае пошлина больше), и масло оливковое, и кожи, старье, съестные припасы, солома или отруби и проч. Плата взимается и с верблюда без груза, за пользование водными источниками, за пастбища, при совершении контрактов и письменных актов и т. д. Облагаются товары, мастерские, лавки, рынки, — купцы, мелкие торговцы и торговки, старьевщики, продавцы лекарственных растений; облагаются промыслы, не исключая гетер... Пред нами раскрывается фискальная система, торговая жизнь города на окраине греко-римского мира в первой половине II в. по Р. Х. Над-

[1]) Corp. Inscr. Att., II, 841^{b}; Dittenberger, II^{2}, 439; русск. пер.—в сборн. „Древн. мир в пам. его письм.“, II, 344 сл.

[2]) Кн. С. С. Абамелек-Лазарев, Пальмира. Спб. 1884. В приложении—„Неизданные пальмирск. надписи“ Вогюэ (Vogüé), из Journal asiatique за 1883 г. Дальнейшие библиогр. указания — „Открытия...“, ч. I, стр. 202—3, прим.

пись „дает нам возможность присутствовать при этом громадном движении людей, животных и товаров, при прохождении вереницы ослов и верблюдов, при стечении продавцов, сборщиков податей, старьевщиков, ходатаев, магистратов, этой пестрой и деловой толпы, теснящейся под длинной колоннадой, развалины которой и теперь приводят в изумление путешественника" (Вогюэ). Из этой надписи узнаем и о некоторых чертах тогдашнего строя и управления Пальмиры — о существовании там архонтов, которых было 2, комиссии „десяти первых" и синдиков. Плита, на которой вырезана надпись, очень велика — 1 м. 60 сантим. высоты и 6 м. 36 сантим. ширины, считая до нижнего конца надписи. С. С. Абамелек-Лазарев не успел всю ее откопать; он снял с нее копию, при помощи А. В. Прахова, и эстампаж, поверхность которого = 20 кв. арш. Впоследствии (1901) экспедицией Русского Археологического Института в Константинополе плита была вывезена и доставлена в Петербург, в Эрмитаж, как дар султана [1]).

5. Находки греческих папирусов.

90-е годы XIX и начало XX в. ознаменованы замечательными открытиями по части греческих папирусов [2]), и с этого момента папирология становится рядом с эпиграфикой.

Отдельные находки греческих папирусов делались уже давно. Первый такой папирус был найден в Египте еще в 1778 г. и издан в 1788 г. (так назыв. Charta Borgiana); а в 40-х годах прошлого столетия англичанином Гаррисом (Harris) были вывезены из Египта отрывки речей Гиперида. Но массовые открытия начинаются с 1877/8 г., когда в Фаюме, преимущественно в Крокодилополе или Арсиное, туземцами найдено было, среди разных отбросов, множество папирусов: они валялись здесь на месте развалин и представляли, повидимому, остатки многочисленных архивов и библиотек. Папирусы эти, благодаря германскому консулу Travels'у и австрийскому Graf'у, перешли частью в Берлин, частью в Вену, где они составили известную коллекцию

[1]) Ф. И. Успенский, О перевозке из Пальмиры в С.-Петербург плиты с надписью (Изв. Русск. Археол. Инстит. в Константинополе, XIII, 1908).

[2]) Wilcken, Griech. Papyri. Die griech. Papyrusurkunden. Berl. 1897; его же, Der heutige Stand der Papyruskunde (N. Jahrb. f. d. klass. Altert., VII, 1901), и его введение к I т. Grundzüge und Chrestomathie der Papyruskunde, составлен. им и Mitteis'ом (Leipz.-Berl. 1912); Gradenwitz, Einführung in die Papyruskunde. Leipz. 1900; Partsch, Papyrusforschung (Vortrag). Leipz. 1914; Wessely, Aus der Welt der Papyri. Leipz. 1915; Hohlwein, La papyrologie grecque. Louvain. 1905; А. М. Придик, Греч. папирусы. Варш. 1907; в особенности же Schubart, Einführung in die Papyruskunde. Berl. 1918. Дальнейшие указания — в моем „Введении".

эрцгерцога Райнера. Самые же поразительные открытия в этом роде относятся к последнему десятилетию прошлого века. Можно сказать, что со времени гуманизма и Возрождения не было таких находок по части древних рукописей, какими ознаменовалось начало 90-х годов XIX ст. [1]).

Уже известный нам исследователь Египта, англичанин Флиндерс Петри (см. I ч., стр. 79 сл.) в том же Фаюме, в Гуробе и Хаваре, сделал интересную находку в картоннажах, в которые положены были мумии: картоннажи эти делались из папирусов, служивших, очевидно, макулатурой; папирусы удалось отделить, и среди них оказались очень древние рукописи III в. до Р. Х., в том числе рукопись Платонова „Федона", на 1100 слишком лет древнее самой старинной из известных нам раньше; фрагменты из X песни „Илиады", из утраченной пьесы Еврипида — „Антиопы"; текст, касающийся Третьей Сирийской войны времени Птолемея Эвергета (247/6 г.): отрывок из так назыв. nomima barbarika, приписываемых Аристотелю; фрагменты описания Аттики, составленного каким-то периэгетом-путешественником III в. до Р. Х., с интересными подробностями относительно Пирея, Мунихии и в особенности стен Конона [2]), и разного рода документы — завещания, контракты, счета, расписки, судебные решения, письма и т. под. Сообщение об этой находке появилось еще в конце 1890 г., а в 1891 г. дублинский профессор Магаффи опубликовал I-ю часть „Папирусов Флиндерса Петри" [3]); в 1893 г. издана им II-я часть и в 1894 — приложение к ним (Appendix).

В самом начале 1891 г. разнеслась весть об еще более важной и неожиданной находке: на столбцах газеты Times от 19 янв. (н. ст.) вдруг появилось сообщение, что Британским музеем незадолго перед тем приобретена в Египте — „из источника, который по некоторым причинам неудобно называть" [4]), — коллекция папирусов, содержание коих при покупке не было известно, и что при ближайшем исследовании среди них оказался трактат об афинской конституции, приписываемый Аристотелю, — трактат, составлявший часть знаменитых его „Политий", которые, казалось, утрачены были навсегда и об утрате которых так скорбели историки и государствоведы. Тут же давалось краткое описание рукописи, приводилось ее содержание и заявлялось, что Facsimile папируса вскоре будет в распоряжении ученого мира и что самый текст уже напечатан и через несколько дней будет опубликован.

---

[1]) Blass, Die Entdeckungen auf dem Gebiete d. klassisch. Philologie im J. 1891. Kiel. 1892 (речь).

[2]) Текст этих фрагментов разобран и восстановлен Wilcken'ом в Geneathliakon für C. Robert.

[3]) Mahaffy, On the Flinders Petrie Papyri. Dublin.

[4]) Так этот источник и остался тайной. Повидимому, приобретение упомянутых папирусов — один из результатов „английского хозяйничанья" в Египте.

Известие Times о находке утраченного трактата Аристотеля, тотчас переданное телеграфом во все концы культурного мира, взволновало специалистов и возбудило внимание образованного общества. С нетерпением и некоторым сомнением ожидали исполнения обещания — опубликования драгоценной находки. До тех пор „Политии“ Аристотеля, представлявшие историю и описание строя 158 государств, известны были лишь по ссылкам и отрывкам. В древности и в первые века нашей эры их не раз цитировали, особенно лексикографы, но затем — как есть основание думать, между VI и IX в. — „Политии“ были утрачены, и хотя цитаты и ссылки на них встречаются и позже, вплоть до конца XII ст., но едва ли они были результатом непосредственного знакомства с этим произведением Аристотеля.

Главным деятелем в деле собрания и издания отрывков из утраченных сочинений Аристотеля явился Валентин Розе, которому и принадлежат лучшие издания их [1], — тот самый Розе, который явился и инициатором скептического отношения к „Политиям“, доказывая, что они — произведение не великого философа, а какого-нибудь перипатетика, больше историка и филолога, чем философа. В издании 1886 г. число всех отрывков из „Политий“ доходило до 223, из них „Афинской Политии“ принадлежало 91. Но фрагменты, разумеется, не могли заменить целого сочинения, об утрате которого оставалось, казалось, только сожалеть. По временам, правда, появлялись слухи, что драгоценное произведение найдено, что оно имеется будто бы в арабском переводе; возникали надежды, что оно хранится где-нибудь скрытым; но все такие надежды долго оказывались тщетными, и Гейтц, автор исследования о потерянных сочинениях Аристотеля (1865), считал прямо безрассудным (thöricht) хотя бы на миг предаваться им.

Но в 1880 г. в 3-й книжке журнала Hermes появляется статья Бласса, в которой опубликованы были фрагменты папируса, незадолго перед тем приобретенного в Фаюме Берлинским музеем. Фрагменты — исторического содержания: один представлял отрывок из известного уже и раньше Солонова стихотворения, имевшего отношение к сисахфии; другой касался архонтства Дамасия, смут и борьбы партий после Солоновой реформы, третий—остракизма и открытия рудников в Маронее и, наконец, четвертый — реформы Клисфена. Бласс предполагал, что это отрывки из Феопомпа. Но Бергк (Rhein. Mus., XXXVI, 1881) вскоре затем пришел к заключению, что тут пред нами остатки Аристотелевой „Политии афинян“. Вывод Бергка подтвердили и последующие исследователи бер-

---

[1]) Aristotelis Pseudepigraphus. Leipz. 1863; Aristotelis Opera, изд. Берлинской Академией Наук, т. V (Berl. 1870); Aristotelis qui ferebantur librorum fragmenta. Leipz. 1886 (в Bibl. Teubneriana).

линского папируса (№ 163) Гуго Ландвер и Дильс (Diels), которому принадлежит лучшее из изданий и анализов этих фрагментов [1]). Для большинства было вне сомнения, что открыты новые отрывки „Афинской Политии", приписываемой Аристотелю, и вопрос был только в том, в каком порядке следовали фрагменты в берлинской рукописи и представляет ли эта рукопись остатки полной копии „Политии" или же только эксцерпты, куда на ряду с Аристотелевыми фрагментами могли попасть и посторонние отрывки.

В таком положении находился вопрос об Аристотелевых „Политиях", когда в Times появилось упомянутое сенсационное сообщение и обещание, что через несколько дней трактат Аристотеля будет опубликован. И действительно, 30 янв. 1891 г. текст новообретенного произведения Аристотеля появился в виде изящной книги, в издании Кениона (Kenyon), ассистента в отделении рукописей в Британском музее [2]). Таким образом, между первою вестью о находке и опубликованием трактата прошло всего 11 дней; очевидно, издание подготовлялось уже в течение некоторого времени, но дело держалось в тайне [3]). В своем издании Кенион дал более или менее связный текст, восстановив его во многих местах, снабдил его комментарием, касающимся преимущественно содержания трактата, и обширным введением, в котором описал рукопись, доказал тождество изданного текста с „Афинской Политией" Аристотеля и изложил в общих чертах историю государственного строя Афин, как она представляется на основании нового источника. Публикация Кениона встречена была с необычайным интересом. Ее требовали на-расхват, и уже через несколько дней понадобилось второе издание [4]), а еще через месяц появилось и Facsimile папируса (n⁰ 131), которое окончательно должно было рассеять всякие подозрения в фальсификации, если таковые и существовали.

Текст трактата написан на оборотной стороне папируса, состоящего из 4 кусков или свитков, неодиниковой величины, длиною от 3 ф. до 7 с лишним и шириною от 10 до 11 дюймов, в общей сложности 37 столбцов различной ширины. Сохранился папирус довольно удовлетворительно, за исключением четвертого свитка, очень попорченного. Текст написан 4 почерками, из коих второй, судя по грубым ошибкам и опискам, принадлежит человеку необразованному, по всей вероятности рабу или наемному переписчику. Ни заглавия, ни на-

---

[1]) В Abhandl. d. Berl. Akad. 1885.

[2]) Aristotle on the Constitution of Athens.—1891.

[3]) По сообщению американских газет, незадолго до окончания работы по подготовке издания слухи о находке стали проникать в публику, и это будто бы и заставило особенно торопиться с первым изданием.

Злые языки говорили, будто экземпляры 1-го издания были изъяты из обращения в виду многочисленных ошибок, вкравшихся в это издание.

чала трактата в нашем манускрипте нет и, повидимому, не было; по крайней мере, в начале первого столбца оставлено пустое место. В середине 10-го столбца, в 25 главе [1]), текст прерывают hypothesis и объяснительные примечания к речи Демосфена против Мидия, занимающие полтора столбца и написанные в обратном направлении, очевидно, раньше трактата, а затем опять идет текст последнего. На **лицевой** стороне папируса находится счет прихода и расхода какого-то управляющего, помеченный „одиннадцатым годом царствования императора Веспасиана“, что соответствует 78—79 г. нашей эры. Текст трактата, как находящийся на обороте, был написан, надо думать, позже счета, тогда, когда надобность в последнем уже миновала; с другой стороны, как в рукописи трактата, так и в счете встречаются одни и те же характерные формы букв и сокращения; следовательно, промежуток между написанием того и другого не может быть значительным. Поэтому нашу рукопись относят к концу I или к началу II в. после Р. Х. Все показывает, что она едва ли была изготовлена профессиональными переписчиками, предназначалась она не для продажи, а для частного употребления; что список был сделан для лица, повидимому, не обладавшего средствами или очень экономного. Этим объясняются некоторые особенности дошедшего до нас трактата и это следует иметь в виду при критической оценке его. В нынешнем своем виде трактат начинается фразой, касающейся подавления восстания Килона; он содержит в себе историю афинской политии, т. е. государственного строя, до конца V в., кончая низложением Тридцати и восстановлением демократии в 403 г. (гл. 1—41), и затем — описание самого строя, каким он был во времена автора, в IV ст. Таким образом, по содержанию трактат распадается на две части — историческую и систематическую, подобно тому, как это принято и в нынешних руководствах по греческим древностям. А что это — „Афинская Полития“, Athênaion politeia, приписываемая в древности Аристотелю, явствовало из совпадения большей части уже известных фрагментов этой „Политии“ с опубликованным Кенионом текстом. Написана она между 329/8 и 325/4 или 324/3 г., на что имеются косвенные указания в самом трактате [2]).

Вслед за изданием Кениона появился ряд изданий „Афинской Политии“ и в других странах [3]); многочисленные переводы

[1]) Разделения на главы в рукописи нет: оно принадлежит Кениону.

[2]) По мнению некоторых, напр. В. А. **Шеффера**, основа трактата написана около середины IV в., а впоследствии самим Аристотелем сделаны добавления и вставки. О несостоятельности такого мнения — в моей книге „Афинская Полития Аристотеля...“ Х. 1895, стр. 127 сл.

[3]) Напр. **Кайбеля** и **Виламовица** (совместное), **Бласса**, оба без комментария. В Англии в 1893 г. появилось издание **Sandys**'а, с подробнейшим комментарием и введением (2-е изд.—1912); в 1892—3-е изд. Кениона; им же „Афинск. Полития“ издана в собрании сочинений Аристотеля, изд. Берлинской Академией Наук (Supplementum Aristotelicum, v. III, p. 2. Berl. 1903).

ее быстро следовали один за другим [1]. Специальные ученые органы, популярные журналы и газеты, все спешили наперерыв ознакомить своих читателей с замечательною находкой и выяснить значение ее. Новооткрытая „Полития“ Аристотеля вызвала огромную, почти необозримую литературу и оживленную борьбу мнений [2].

Под первым впечатлением находки лучшие знатоки Аристотеля — Дильс, Бартелеми С.-Илер — приветствовали опубликованный Кенионом трактат, как несомненно Аристотелево произведение, и восторженно отзывались о нем. „Свет, теперь сразу проливаемый на афинскую историю“, говорил Дильс [3], „сначала так ослепляет, что трудно отметить, что̀ в новооткрытом трактате является особенно новым и важным, и отделить то, что̀ среди этого нового может оказаться не выдерживающим критики... Где восходит такое солнце, там исчезают тысячи исторических гипотез, словно стая летучих мышей. Работа историков и филологов на этом поле начнется сызнова и на целые десятки лет хватит тут жатвы!“ Известный переводчик Аристотеля Barthélemy Saint-Hilaire восклицал [4]: „Афины, Аристотель! Великое произведение, найденное вновь через 15 веков после того, как считалось утраченным! Конституционная история города Минервы, написанная философом! Какое открытие, какая неожиданность, какое сокровище! Афины, Аристотель! В летописях человеческого духа нет ничего выше этих двух имен, окруженных таким удивлением, уважением и благодарностью!“ и т. д.

Но вскоре неожиданно найденный памятник подвергся беспощадному критическому разбору и вызвал крайне скептическое отношение к себе, — и прежде всего в Англии, среди соотечественников Кениона, его издавшего, а затем уже на континенте. Скептические взгляды не остались без ответа. Скептики не молчали и в свою очередь выступили с возражениями в защиту своих мнений,—любопытная страница из истории нашей науки. Разнообразие и противоречие взглядов на новооткрытый трактат по вопросу о его принадлежности самому Аристотелю или какому-либо бездарному его ученику-перипатетику и о его значении, достоверности, было чрезвычайно велико. „Не мало и усердно работают ученые, особенно немецкие, над интересною находкою“, писал П. Г. Виноградов в 1892 г.[5]).

---

1) Нем., напр.,— Poland'a (1891), Erdmann'a (1892); франц.— Th. Reinach'a (1891), Haussoullier (1891); русск.— Н. Я. Шубина (Ж. М. Н. Пр., 1891, май—авг., и отдельно) и в особенности А. М. Ловягина, с греч. текстом en regard (Спб. 1895); болгарский— Г. И. Кацарова (София. 1904).

2) Подробный обзор — до начала 1895 г. — в моей книге: „Афинская Полития Аристотеля, как источник для истории госуд. строя Афин...“ Х. 1895, гл. I.

3) Deutsche Litter.-Zeitung, 1891, № 7.

4) Rev. Bleue, t. 47, № 12—13, и в Séances et travaux de l'Acad. des Sciences mor. et polit., 1891, août, стр. 145 сл.

5) „Русск. Мысль“, 1892, ноябрь.

„Приступают к ней со всеми предписанными наукой предосторожностями, сплошь и рядом начинают с правильных и ценных наблюдений. Но затем всеми овладевает какое-то загадочное безумие, которое прямо уносит исследователей в область нелепого. Одни поражены фанатическим увлечением и непрерывно славословят; другие проникаются берсеркерскою яростью; третьи думают разгадать все тайны автора с помощью простой подстановки политических понятий современной Германии; четвертые во имя критики пытаются стяжать славу Герострата и Колумба, разрушить и создать новую историю Афин V века. Кто знает“, замечает П. Г. Виноградов иронически, „может быть, старый папирус, пролежавший восемнадцать веков в египетской гробнице и непочтительно вынесенный на свет божий англичанами, заколдован и приносит несчастие всем, кто им занимается?“

Среди этой полемики и борьбы противоположных воззрений крайности однако стали сглаживаться, и в результате возобладала более умеренная и вместе более верная оценка открытого трактата. К этому направлению принадлежат и работы русских ученых, вообще занимающие видное место в литературе об „Афинской Политии“. Умеренностью и трезвым отношением к новооткрытому трактату отличаются и наиболее крупные труды, ему посвященные, — Бруно Кейля [1]), Виламовица [2]), Кайбеля [3]) и издание „Афинской Политии“, принадлежащее Сандису (Sandys) (1893, 2-е изд.— 1912). Во всех отношениях это самые важные из трудов об открытом трактате, не считая, разумеется, изданий Кениона. С 1895 г. число работ, посвященных новооткрытой „Политии“, сразу и значительно уменьшается; интерес к ней заметно ослабевает [4]). Впрочем, уже в нынешнем столетии „Полития“ вновь привлекла было внимание к себе и обнаружились вновь отзвуки отрицательного отношения к ней [5]).

Новооткрытый источник афинской истории имеет, конечно, значительные недостатки; в нем есть свидетельства недостоверные. В особенности это надо сказать о тех его сообщениях, которые на первых порах больше всего поразили своею новостью и неожиданностью, — о Драконовой конституции и об участии Фемистокла в Эфиальтовой реформе ареопага. Но есть основание думать, что то и другое — посторонняя вставка, ин-

---

[1]) Br. Keil, Die solonische Verfassung in Aristoteles Verfassungsgesch. Berl. 1892.

[2]) Wilamowitz-Moellendorff, Aristoteles und Athen. Berl. 1893. 2 т.

[3]) Kaibel, Stil u. Text der П. A. des Aristoteles. Berl. 1893.

[4]) Итог тому, что̀ сделано было до 1895 г., можно найти в моей книге: „Афинск. Полития Аристотеля“. (X. 1895).

[5]) В ст. O. Seeck, Klio, VI, 1904; Mess, Rh. Mus., LXVI, 1911; разбор этих взглядов—в моей ст. в Сборн. в честь Э. Р. Штерна (Зап. Од. Общ. Ист. и Древн., XXX, 1912).

терполяция [1]). Несмотря на свои недостатки, „Афинская Полития“ — чрезвычайно важная находка. До ее открытия мы не имели особого, так сказать, специального источника, который давал бы нам историю афинской демократии в связном виде. Приходилось довольствоваться имеющимися у разных авторов и в надписях данными, иногда, правда, очень важными и интересными, но разбросанными и мимоходом лишь сделанными, случайными указаниями. Теперь мы располагаем произведением, представляющим более или менее связную историю и связное описание афинского государственного строя. „Полития“ дала ряд новых фактов и пролила новый свет на многие вопросы. Таковы ее сообщения относительно перехода от монархии к архонтату, о смутах после Солона, о жребии, роли совета, ее обильные хронологические даты и пр.; она решает спор о Солоновой сисахфии, выясняет сущность Клисфенова деления на филы, триттии и демы и т. д. Многие моменты и подробности в истории афинской демократии представляются нам теперь в ином виде, нежели прежде. Одни гипотезы, иногда казавшиеся наиболее правдоподобными и достаточно обоснованными, рушились, и то, что считалось общепризнанным и несомненным, опровергается или подвергается сомнению. Наоборот, некоторые из прежних свидетельств наших источников, повидимому сомнительные и непонятные, приобрели теперь иное значение и иной смысл в наших глазах. Важно и то, что развитие государственного строя Афин в изложении „Политии“ представляется постепенным, чрезвычайно последовательным, чисто органическим, без резких скачков. Таким образом, с полным основанием можно сказать, что с открытием Аристотелева трактата изучение внутренней истории Афин вступило в новый фазис. Историю афинской демократии пришлось во многом переделывать, и прежние труды, касавшиеся Афин и вышедшие до 1891 г., сразу устарели.

В том же 1891 г. Кенион опубликовал „Классические тексты“ и других папирусов Британского музея (Classical texts from Papyri in the British Museum), между которыми оказались большой отрывок одной из утраченных речей Гиперида [2]) и комические бытовые сценки или мимиамбы Герода (Геронда) [3]), — литературные произведения, о которых раньше мы не имели никакого понятия. Далее, Кенион же издал первые три тома Greek Papyri in the British Museum. Catalogue with

---

[1]) См. в моей книге. Ср. и Wilcken, в Apophoreton der 47 Philolog.-Versamml. Berl. 1903.

[2]) Ст. А. Н. Шварца в „Филол. Обозр.“, III, 1893.

[3]) Новые отрывки из Герода опубликованы Кенионом в Archiv f. Papyrusforsch., I, 1901. На русск. яз. о мимиамбах Герода — Ф. Ф. Зелинский (в „Филол. Обозр.“, II, 1892, и в его сборнике „Из жизни идей“, т. I), Л. Ф. Воеводский (Од. 1894), Г. Ф. Церетели (Юрьев, 1906, из „Зап. Юрьевск. Унив.“). Новейшее издание—Herondae mimiambi, ed. O. Crusius. Leipz. 1914.

texts (1893—7) [1]), —описание с текстами папирусов, преимущественно счетов и иных документов, имеющих значение главным образом для хозяйственной истории Египта в эллинистическую и римскую эпоху. А в 1897 г. Кенионом открыто и издано около 20 од или баллад Бакхилида [2]), в лирике—соперника Пиндара. Наконец, ему же принадлежит „Палеография греческих папирусов" (1899), с каталогом литературных текстов, и изданный в честь голландского ученого Herwerden'a трактат, в котором опубликован между прочим отрывок из эпоса о Дионисе (1902).

В 1896 г. Гренфеллем и Магаффи опубликован любопытный папирус, приобретенный Флиндерсом Петри и содержащий Податной устав Птолемея II Филадельфа 259/8 г. до Р. Х. [3]). Нечего и говорить, как важен этот документ для хозяйственной истории Египта той эпохи. В том же году вышло другое издание Гренфелля, заключающее в себе отрывок одной александрийской поэмы эротического содержания и некоторые иные папирусы эпохи Птолемеев, большею частью документы, касающиеся займов, купли-продажи и т. п. [4]). Продолжением этого издания была „вторая серия", изданная (1897) Гренфеллем совместно с Хёнтом (Hunt) [5]). Здесь находятся между прочим фрагмент из Гомера (рукопись III в. до Р. Х.), неизвестный дотоле отрывок из произведения Ферекида Сирского и тоже многочисленные документы эллинистической, римской и византийской эпохи.

Открытию и публикации новых папирусов много содействовало уже известное нам Общество Egypt Exploration Fund, учредившее даже особую секцию со специальною целью—открывать и изучать остатки греко-римской культуры в стране фараонов. С 1892 г. Общество начало издавать, под редакцией Гриффиза и при участии Кениона, ежегодные отчеты (Archaeological Report) о раскопках и находках в Египте. По поручению этого Общества Гренфелль и Хёнт произвели раскопки в Оксиринхе, сопровождавшиеся поразительными результатами. Древний Оксиринх—ныне Behneseh в 120 англ. милях к югу от Каира, на границе Ливийской пустыни—

---

[1]) В I т. описаны папирусы, приобретенные до 1890 г., а во II—приобретенные с 1890 по 1895 г.; III т. издан при участии Bell'я; IV-й содержит папирусы из Aphrodito и издан Bell'ем, с приложением коптских папирусов, изд. Crum'ом (1910).

[2]) The poems of Bacchylides. 1897; Wilamowitz, Bakchylides. Berl. 1898; франц. пер.—d'Eichthal'я и Th. Reinach'a (1898); на русск. яз. о Бакхилиде ст. Ф. Ф. Зелинского (Из жизни идей, I).

[3]) Grenfell and Mahaffy, The revenue laws of Ptolemy Philadi. Oxf. 1896.

[4]) Grenfell, An Alexandrian erotic fragment and other Greek Papyri. 1896.—Об Александр. поэме—ст. Ф. Ф. Зелинского в „Филол. Обозр.", XI, 1896.

[5]) Grenfell and Hunt, Greek Papyri. Series II. New classical fragm. and other Greek and Latin Papyri. Oxf. 1897.

небольшой город, о котором найденные в нем документы-папирусы дают довольно ясное представление. Мы знаем, что в нем были ворота северные, западные, южные, у которых, как и у многих общественных зданий, дежурили полицейские посты—список таких постов дошел до нас; мы знаем названия площадей, улиц—Пастушья, Гусеводов, Еврейская, улица Ипподрома—и даже домов, кому они принадлежали. Улица, ведшая от ворот гимназии на севере, была заново вымощена в 283 г. по Р. Х., что обошлось в 4 тал. 4000 драхм. В термах Адриана в 201 г. по Р. Х. произведен полный ремонт стоимостью в 3 тал. [1]). Знаем и состав населения Оксиринха [2]), и т. д. В Египте, около античных поселений, возникли целые горы из мусора, высотой в 20—70 метров, из глиняных черепков (ostraka), золы, тряпок, соломы, навоза и старой, ненужной бумаги—папирусов. Так было и около Оксиринха. Здесь среди мусора оказывались целые корзины, наполненные папирусами. В первые же годы раскопок в Оксиринхе найдены тысячи папирусов самого разнообразного содержания, и Гренфеллем и Хёнтом опубликовано громадное количество Оксиринхских текстов с переводом и комментарием на англ. яз. (The Oxyrhynchus-Papyri, 1898 сл.).

Среди них, кроме отрывков религиозного характера (наприм. logia Иисуса Христа), во-первых, имеются: раньше неизвестная ода Сафо [3]); хронологический обзор греческой, римской и восточной истории с 355 по 315 г. до Р. Х., по олимпиадам и архонтам; списки победителей на Олимпийских играх за 480—468 и 456—448 гг.; фрагмент письма к македонскому царю, касающийся союза Фив с Олинфом против Аминты; трактат или руководство по метрике, приписываемое Аристоксену; разные документы и частные письма. Между прочим сохранился изящный пригласительный билет на свадьбу приблизительно такого содержания: „Такая-то (имя рек) просит тебя принять участие в обеде по случаю свадьбы ее детей, в ее доме, завтра, 5-го, в 3 часа“. Такой билет складывался и на обороте писался адрес с обозначением имени приглашаемого лица. Или, наприм., одна домовладелица клятвенно уверяет, что в ее доме, „кроме вышеприписанных лиц, нет никого другого, ни александрийца, ни римлянина, ни египтянина“; очевидно, администрация требовала точных сведений о жильцах. Вообще она тщательно следила за движением населения. Это особенно ясно видно из документов, касающихся Арсинои,

---

[1]) Цибарт, Культурная жизнь древне-греческих городов. М. 1916 (пер. с нем.), стр. 121.

[2]) Об этом—ст. С. П. Сингалевича в Сборн., посвящ. Д. А. Корсакову (Каз. 1913): его же, Совет г. Оксиринха III в. по Р. Х. (из Сборн. Харьк. Ист.-фил. Общ., XXI, 1913—14).

[3]) О ней—ст. Р. Х. Лёпера в Ж. М. Н. Пр., 1901 (и в Сборн. в честь П. В. Никитина. Спб. 1901).

города, гораздо более значительного, нежели Оксиринх, имевшего архив, публичную библиотеку, театр, баню, здание городских весов, ипподром, большую гимназию, хлебные амбары и до 48 банкирских контор, правда, в разное время. „По некоторым улицам мы в состоянии ходить из дома в дом и знакомиться с каждым отдельным жильцом, с его домашними и прислугой“ [1]). В этом городе для каждого околотка или улицы назначался надзиратель, который вел точный список движения населения в своем округе. И до нас дошли папирусы с такими списками, содержащие точные статистические данные времени Веспасиана. Они дают нам сведения о возрасте [2]), смертности, рождаемости и приросте, национальности, обложении податями, личном составе населения одной из улиц. Мы узнаем имена 35 домовладельцев, по которым назывались и дома (номеров домов не было); перечисляются и квартиранты, а иногда также отсутствующие члены семьи. В общем на этой улице числилось 346 жителей мужского пола. Число членов семьи—от 2 до 6. Квартиранты снимают то треть, то четверть, то полдома [3]).

Вернемся однако к „Оксиринхским папирусам“. Интересно, особенно для юристов, обширное прошение некоей Дионисии к префекту (186 г. по Р. Х.) по делу о приданом с ссылками на прецеденты, проливающее свет на тогдашнее право и судопроизводство, и эдикт префекта (II в. по Р. Х.), касающийся ведения архивов. Есть и „курьезы“ в роде письма сына к отцу, мальчика, с трудом еще выводящего буквы и плохо владеющего орфографией; баловень огорчен тем, что отец не взял его с собою в Александрию, и грозит, в случае дальнейшего неисполнения его желания, не писать больше отцу, ничего ни есть, ни пить, а по возвращении отца из Александрии не здороваться с ним, не подавать ему руки [4]). В III томе „Папирусов из Оксиринха“ находим раньше неизвестные отрывки, наприм., из Пиндара, Менандрова „Льстеца“, какого-то мима или пьесы в роде Геродывых, популярной биографии Алкивиада (ничего, впрочем, нового сравнительно с прежними нашими источниками не дающей) и учебника по риторике на дорическом диалекте и т. д.; а в IV т. (1904) вошли находки 1903 г.; между ними—фрагмент из какого-то евангелия, некоторые новые для нас эпиграммы, новый отрывок из Пин-

---

[1]) Цибарт, Культурн. жизнь др.-греч. городов. М. 1916, стр. 115.

[2]) Сведения о возрасте имеются только относительно мужчин; относительно женщин таких сведений нет, так как женщины были освобождены от подати, за исключением евреек, плативших особую еврейскую подать.

[3]) Wessely, Die Stadt Arsinoë (Krokodilopolis) in griech. Zeit. Wien. 1902 (из Sitz.-ber. d. Wien. Akad., Philos.-Hist. Cl., CXLV).

[4]) Blass, в Hermes, XXXIV, 1899; Preisigke, Familienbriefe aus alter Zeit (Preuss. Jahrb., CVIII, 1902); П. В. Ернштедт, О тексте и языке письма Феона (Ж. М. Н. Пр., 1915, июнь).

дара и диалог, в котором рассказчик в числе беседующих выводит тиранна Писистрата.

В Оксиринхе же, зимою 1905—6 г., Гренфелль и Хёнт нашли массу разорванных папирусов, до 30.000; между ними, повидимому, — остатки библиотеки какого-то ученого. Здесь оказались неизвестные дотоле стихотворения, наприм. пэаны Пиндара и большой отрывок (около половины пьесы) из трагедии Еврипида „Ипсипила", а из прозаических произведений особенное внимание обращают на себя большие отрывки из „Греческой истории" неизвестного автора, касающиеся 396/5 года до Р. Х., времени Коринфской войны [1]. После „Афинской Политии" Аристотеля это наиболее крупная и важная находка текста чисто исторического содержания. Написан текст на оборотной стороне документа (земельной описи); в некоторых частях столбцы сохранились хорошо, в других — почти совершенно разорваны. Дошедший до нас текст этого Оксиринхского историка [2] касается отношений афинских партий к Спарте и к тогдашнему политическому положению, антиспартанского настроения в Греции и причин его, но главным образом — войны, похода Агесилая, действий Конона и т. д. Наиболее интересны его сообщения о перевороте на о-ве Родосе и в особенности об организации беотийского союза, на которую он проливает новый свет. Изложение вообще очень подробное, подробнее, чем, например, у Ксенофонта, с которым автор очень часто расходится; зато сообщения Диодора нередко согласуются с свидетельством новооткрытого источника. Повидимому, автор жил в IV в., писал после Анталкидова мира (387/6), но до завоевания Персии Александром Македонским и даже до окончания Священной войны, начал свой труд с 411—410 г., т. е. с того момента, на котором остановился Фукидид. Но кто этот автор, мнения расходятся: одни, напр., издатели папируса, затем Э. Мейер, Виламовиц, называют Феопомпа, другие — Кратиппа [3], третьи — Эфора и проч. Помимо некоторых частностей, — стиль, язык, манера изложения Оксиринхского историка отличаются от того, что мы знали до сих пор о Феопомпе. В пользу авторства Кратиппа твердых данных нет (мы слишком мало знаем его „Историю Греции"; до нас дошло только 4 ссылки на нее), но нет и убедительных

---

[1] Эти отрывки, как и пэаны, изданы в V т. „Оксиринхских папирусов", а „Ипсипила" — в VI. Об этой трагедии и ее перевод — в ст. Ф. Ф. Зелинского в „Вестн. Евр.", 1909, июль—август.

[2] Кроме V т. „Оксир. папирусов" есть и отдельные издания: Ed. Meyer, Theopomps Hellenica. Halle. 1909; J. H. Lipsius, Cratippi Hellenicorum fragm. Oxyrhynchia (в Kleine Texte). Bonn. 1916; франц. пер. — Cavaignac, L'Hist. gr. de Théopompe, в Rev. des études gr., XXV, 1912. Литература об „Оксиринхском историке" велика; обзор ее до 1909—10 г. в ст. С. П. Шестакова, Ж. М. Н. Пр., 1909, ноябрь—дек., и 1910, окт. Библиогр. — в моем „Введ.", стр. 131, прим.

[3] Его авторство отстаивает и Lipsius, Der Historiker von Oxyrhynchos. Leipz. 1915.

доводов против. Вообще, вопрос об авторе Оксиринхских Hellenica еще нельзя считать решенным.

Тогда же найдены между прочим новые отрывки из Каллимаха (в т. VII) и из „мелиямбов“ циника Керкида (в т. VIII). IX-й том „Оксиринхских папирусов“ (1912) дал еще более замечательную находку в области классической литературы — сатирическую драму Софокла: „Следопыты“ (Ichneutai), от которой сохранилось около 400 стихов [1]). Тут же опубликован отрывок из трагедии Софокла: „Еврипил“ [2]), и часть биографии Еврипида, написанной Сатиром. Следующие томы (X и XI, 1914—15) принесли нам, между прочим, отрывки из христианской литературы (из апокрифического евангелия или из „слов“, logia, Иисуса Христа, в роде раньше найденных), из Сафо и Алкея [3]), какую-то „Хрестоматию“, содержащую в числе других перечней список Александрийских библиотекарей, в котором находим имена Зенодота, Аполлония Родосского, Эратосфена, Аристофана Византийского и другого Аполлония, что разрешает некоторые проблемы, вносит поправки в прежние хронологические определения и новый материал в историю тогдашней литературы. Фрагмент о посольстве александрийцев и иудеев к императору Траяну, о процессе их пред императором, которого жена побуждает решить дело в пользу иудеев, является новым свидетельством об антисемитизме в Александрии. Но едва ли не самое важное здесь (в XI т.) — отрывок из трактата софиста Антифонта „О справедливости“ [4]).

Отрывку этому, по мнению одного из исследователей его [5]), суждено чуть не „произвести полный переворот в установившихся за последнее время взглядах на историю греческих морально-политических теорий в V в.“. В отрывке говорится: „Справедливостью почитается соблюдение всех законов того государства, гражданином которого состоишь“. Автор противополагает человеческие законы и веления природы. „Веления законов надуманы, тогда как велениям природы присуща внутренняя необходимость... Веления законов не есть нечто прирожденное, но результат соглашения, тогда как веления природы есть прирожденное, а не результат соглашения“. Преступающий законы втайне свободен от позора и наказания. Действующий вопреки природе подвергается беде, все равно—произошло ли это втайне или

---

[1]) О ней и перевод ее—в ст. Ф. Ф. Зелинского, Вестн. Евр., 1914, янв.—февр., и III т. его перевода Софокла (М. 1914).

[2]) Ст. Э. В. Диля и Ф. Ф. Зелинского в Ж. М. Н. Пр., 1913, апр.

[3]) Новые их песни и лирические отрывки по текстам Оксиринхских папирусов вошли в новое издание Алкея и Сафо в перев. Вяч. Иванова (М. 1915, в „Пам. миров. литер.“).

[4]) Принадлежность отрывка Антифонту и заглавие сочинения установлены Виламовицем на основании цитаты у лексикографа Гарпократиона. Отрывок переиздан Дильсом в исправленном виде в Sitz.-ber. Berl. Akad., 1916; С. Я. Лурье, Новый Оксиринхский отрывок (Изв. Росс. Акад. Наук, 1918, № 18).

[5]) С. Я. Лурье, в „Изв.“ Акад., 1918. У него и перевод отрывка.

явно: причиной вреда будет действительность, а не людское мнение. „Бòльшая часть того, что̀ справедливо с точки зрения закона, враждебно человеческой природе... То, что̀ определяется как полезное в законах, — путы человеческой природы, тогда как то, что̀ полезно в силу природы, ведет к свободе...“, — мысли, чрезвычайно напоминающие слова Калликла в „Горгии“ Платона. „На многое можно было бы указать, как на поступки, враждебные человеческой природе, так как они ведут к тому, что приходится страдать больше, когда можно было бы страдать меньше, приходится иметь меньшее удовольствие, когда можно было бы иметь большее“... Право, основанное на законе, не приносит надлежащей помощи людям. Автор доказывает, что „вся наша юстиция в сущности выгодна только обидчикам“. На втором лоскутке папируса читаем: „Детей знатных, хотя бы и преступных родителей, мы чтим и уважаем; людей низкого происхождения не чтим и не уважаем. При этом мы ведем себя по отношению друг к другу, как варвары; ведь, от природы мы все и во всем устроены одинаково — и варвары, и эллины. Стоит только обратить внимание на то, что̀ от природы неизбежно присуще всем людям... Ни один варвар, ни один эллин от нас ничем не отличается: все мы дышем воздухом через рот и нос...“ На этом папирус обрывается. Опубликованный отрывок во многом подтверждает свидетельство Платона о софистах и оправдывает мнение, высказанное еще в 1889 г. (Фр. Дюммлером), что Калликл в Платоновом „Горгии“ — последователь Антифонта и что в X кн. „Законов“ (р. 888 и сл.) Платон излагает учение Антифонта и полемизирует с ним. Естественно также сопоставить мысли Антифонта и с тем, что̀ говорит „Несправедливое слово“ (Adikos logos) у Аристофана в „Облаках“ [1]. Есть мнение, что в этом „Несправедливом слове“ Аристофан выводит определенную, действительную личность и именно — Антифонта (С. Я. Лурье). Таким образом, новый отрывок важен для истории греческой философии, общественной мысли и литературы.

Поразительна та быстрота, с какою Гренфелль и Хёнт публикуют свои богатые находки. Они не только откапывают папирусы, но и не хоронят их вновь, как делают это многие издатели памятников, держа их под спудом, медля с публикацией. В течение 15 лет, с 1898 г. до начала мировой войны, Гренфеллем и Хёнтом издано 10 объемистых томов одних лишь „Оксиринхских папирусов“, причем не только разобран и восстановлен текст папирусов, но и дается превосходный комментарий и перевод на английский язык. Во время мировой войны издание „Оксиринхских папирусов“ продолжалось, и в XIII т., напр., имеются фрагменты какого-то историка, касающиеся

[1]) Сопоставление—в названной выше ст. С. Я. Лурье.

пятидесятилетия — от Платейской битвы до начала Пелопоннесской войны, — сами по себе не важные, но интересные в том отношении, что Диодор, оказывается, ближе к этому историку, чем к собственно „Оксиринхскому“, о котором речь была выше; само собой напрашивается имя Эфора [1]). В этом же томе находим отрывки из двух речей Лисия. Первая речь — по собственному делу: некто купил конфискованное при Тридцати имущество Лисия и, когда после восстановления демократии Лисий возвратился, не хотел ему его вернуть, хотя обязан был согласно заключенным между партиями договорам, которые дословно сообщаются [2]).

Но „Оксиринхскими папирусами“ Гренфелль и Хёнт не ограничились. Зимою 1899 — 1900 г. они производили разыскания по поручению Калифорнийского университета и недалеко от Арсинои открыли остатки древнего города Тебтунис с кладбищем. При этом один из рабочих натолкнулся на мумию крокодила и с досады, не видя в ней никакой цены, разбил ее на куски. Но оказалось, что эта мумия завернута в листы папирусов и таких мумий было несколько десятков, а в них большое число свертков папирусов—документов Птолемеевой эпохи, преимущественно с 130 по 80 г. до Р. Х., освещающих внутреннюю историю Египта [3]). Одна серия этих документов содержит копии более 40 декретов Птолемея Эвергета II и важна для истории администрации того времени: в ней идет речь о гарантиях против насилия, произвола и злоупотреблений чиновников. Очень важны также документы, представляющие опись земель одной деревни (Керкеосирис), с указанием владельцев, лежащих на них сборов, доходности земли и с любопытными подробностями относительно солдат-поселенцев (клерухов).

В 1900 г., совместно с Хогартом (Hogarth) и при содействии Egypt Exploration Fund, Гренфеллем и Хёнтом опубликованы „Fayûm towns and their Papyri“, содержащие описание раскопок в Фаюме во второй половине 90-х годов и самые тексты, между которыми обращает на себя внимание отрывок из романа (Харитона) и затем „Папирусы лорда Амхерста“ (Amherst-Papyri. L. 1900 — 1). В последнем собрании находим фрагмент из трагедии, именно из сцены, в которой Гектор готовится к бою с Ахиллом (есть мнение, что это отрывок из „Гектора“ Астидаманта); также фрагмент из комментария Аристарха к одному из прозаиков и опять документы... А во время раскопок зимою 1901/2 и 1902/3 г. в Hibeh, на правом берегу Нила, неподалеку от Оксиринха, Гренфелль и Хёнт извлекли из могил много папирусов, составлявших кар-

---

[1]) Howald, Griech. Philologie (Wissenschaftl. Forschungsber.), стр. 32.
[2]) Там же, стр. 33.
[3]) The Tebtunis Papyri. L. 1902—7. 2 ч. О них ст. М. М. Хвостова, Нов. документы по соц.-экономич. истории эллинист. периода (Ж. М. Н. Пр., 1904, сент.).

тоннажи для завертывания мумий. Папирусы эти (The Hibeh Papyri, 1906) — III в. до Р. Х., времени первых Птолемеев, и содержат частью литературные тексты, частью — и при том бо̀льшею — документы. Обращает на себя внимание календарь, составленный около 300 года последователем Евдокса, сборник советов Эпихарма, как вести себя „с друзьями, врагами, на суде, в народном собрании", а в особенности деловая корреспонденция и журнал промежуточной почтовой станции в Среднем Египте, относящийся приблизительно к 255 г. до Р. Х. [1]). В этом журнале почтовые чиновники отмечали часы и дни, когда проходила через станцию правительственная корреспонденция, кому адресовалась, кто сопровождал почту, кому, при отправлении со станции, вручалась она и т. д. В определенные часы и дни почта отправлялась по двум противоположным направлениям: по одному, „сверху", т. е. из Верхнего Египта, шла корреспонденция в Александрию, адресованная царю, министру финансов и проч.; по другому, „снизу", т. е. из Нижнего Египта, из Александрии, отправлялась корреспонденция от царя к разным местным высшим властям.

В то же время на континенте Европы одна публикация папирусов следовала за другою. В 1892 г. предпринято издание папирусов Берлинских музеев (Aegypt. Urkunden aus d. Königl. Museen zu Berlin. Griech. Urkunden), при участии таких специалистов, как Вилькен, Кребс, Фирек (Viereck) и др. Среди этих папирусов обращают на себя внимание, напр., документы, касающиеся банков, счет доходов и расходов храма Юпитера в Арсиное, проливающий свет особенно на обширные денежные операции этого храма (III в. по Р. Х.), и счет управляющего крупным имением, характеризующий хозяйство III в. по Р. Х. В 1912 г. Берлинскими музеями приобретен в Фаюме большой папирус, содержащий обширную инструкцию или сборник правил, которые должен соблюдать сановник „идиолог". Почти в каждом из 118 параграфов этих правил есть что-либо новое для нас, в особенности относительно права наследования, семейного и проч. Папирус разобран Шубартом и опубликован им в V т. „Griechische Urkunden" и отдельно (совместно с Зекелем, 1919) [2]). Шубарт опубликовал также интересные документы (контракты) в Archiv für Papyrusforschung (1909) и — для широкой публики — сборник писем в немецком переводе, с объяснениями, под заглавием „Ein Jahrtausend am Nil" (Berl. 1912). Берлинские литературные тексты публикуются в собрании „Berliner Klassikertexte" (1904 сл.). Из них обращают на себя внимание новые отрывки

---

[1]) Wilcken, Chrestomathie der Papyruskunde, Leipz.-Berl. 1912, № 435; Preisigke, Die Ptolem. Staatspost (Klio, VII, 1907).

[2]) Издал его P. Meyer в своих Juristische Papyri. Berl. 1920; Th. Reinach, Un code fiscal de l'Egypte rom., le gnomon de l'idiologue (Nouv. Rev. histor. de droit fr. et étranger, 1919—20).

из Сафо, Софокла (из трагедии: „Собрание ахейцев“) [1]), Каллимаха [2]) и исторический комментарий грамматика Дидима [3]), современника Цицерона, к „Филиппикам“ Демосфена, касающийся событий 340 г.

В 1895 г. в Вене вышел I т. коллекции эрцгерцога Райнера, под редакцией Вессели (Wessely), который издает папирусы и в своих „Studien zur Paläographie und Papyruskunde“. В Германии, кроме берлинских, публикуются папирусы, хранящиеся в Лейпциге (изд. Миттейс, при содействии Вилькена), Страсбурге (изд. Прейзигке) [4]), Гессене, Гамбурге, Мюнхене и т. д. В Гейдельберге, среди тамошних папирусов, Карл Шмидт в 90-х годах нашел отрывки коптской обработки апокрифических „Деяний ап. Павла“ [5]). В Галле находится большой папирус — извлечения из Александрийских законов и распоряжений, чрезвычайно важный источник для изучения греческого права. Он издан при содействии нескольких ученых (Вилькена, Э. Р. ф. Штерна и друг.) под заглавием: „Dikaiomata“ (Berl. 1913). Юридические папирусы издает и П. Мейер [6]). Есть издания и частных писем, сохранившихся на папирусах [7]). Между арамейскими папирусами из иудейской военной колонии в Элефантине, изданными Захау (1911), имеется небольшой греческий фрагмент — письмо к одному из Птолемеев (повидимому, III в. до Р. Х.) с донесением о нападении эфиопов и об их отражений.

Николь (Nicole) обнародовал женевские папирусы (1896 — 1906, 1908) и, кроме того, отдельно отрывок из комедии Менандра: „Земледелец“ [8]), из защитительной речи Антифонта, главного руководителя и вдохновителя олигархического переворота в Афинах 411 г. (1907) [9]), и из хроники Аполлодора (1910). Последний отрывок касается процесса Фидия в 438/7 г. и сообщает о нем новые для нас подробности. Оказывается, что из мастерской Фидия похищаема была сло-

---

[1]) Ст. С. С. Сребрного в Ж. М. Н. Пр., 1913, дек.

[2]) О них—ст. Г. Г. Гельца в „Гермесе“, 1912, № 13; Callimachi fragmenta nuper reperta, изд. Pfeiffer (в кол. Kl. Texte). Bonn. 1921.

[3]) Foucart, Etude sur Didyme. P. 1907.

[4]) Preisigke, Griech. Papyri... zu Strassburg. 1906 сл.; Griech. Urkunden d. Ägypt. Mus. zu Kairo (Strassb. 1911). Он же собрал отдельно изданные, вне больщих коллекций, греч. документы: Sammelbuch griech. Urk. aus Ägypten. Strassb. 1912 сл.; ср. его Berichtigungsliste d. gr. Papyrusurk. aus Ägypten. 1913 сл.

[5]) С. А. Жебелев, Ап. Павел и его послания. П. 1922, стр. 49.

[6]) Paul Meyer, Juristische Papyri. Berl. 1920; его же, Griech. Texte aus Aegypten. Berl. 1916.

[7]) Издания—см. ниже.

[8]) О нем статья и русск. пер. в стихах—Г. Ф. Церетели в Ж. М. Н. Пр., 1910, авг.

[9]) См. и у Jander, Oratorum et rhetorum Graec. fragm. nuper reperta (в кол. Kleine Texte). Bonn, 1913.

новая кость, полученная из Нубии для статуи Афины-Девы, и Фидий обвинен был в небрежном хранении дорогого материала. Жители Элиды, заинтересованные в создании Фидием статуи Зевса в Олимпии, добились его освобождения, представив залог в 40 талантов.

Во Франции выходит также не мало публикаций папирусов. Здесь Ревилью и Эйзенлор положили начало изданию „Собрания папирусов Египта“, Corpus Papyrorum Aegypti. Обнародованы были, между прочим, и новые отрывки речей Гиперида, приобретенные Ревилью для Луврского музея еще в 1888 г., а его „Mélanges“, касающиеся метрологии, политической экономии и истории древнего Египта (1895), служили как бы дополнением к берлинским папирусам и к тем, которые изданы в Англии. Позже Т. Рейнак, в сотрудничестве со Шпигельбергом и Seymour de Ricci, издал „Греческие и демотические папирусы, собранные в Египте“ (1905), среди которых обращают на себя внимание контракты. Но особенно интересны папирусы из деревни Магдолы, найденные в Мединет-эль-Нага, в южной части Фаюма и опубликованные Жугэ (Jouguet) и Лефевром (Lefebvre). Содержат они жалобы царю, большею частью по мелким, обыденным житейским делам, — характерный материал в культурно-историческом отношении, рисующий тогдашний быт, нравы. Старый ветеран, напр., жалуется, что соседи заманили его 8 свиней в кусты тамариска и там убили их. Два друга жили дружно на одной квартире, пока не влюбились в одну и ту же женщину, поссорились, и один в отсутствии другого украл у него серп, стоящий 2 драхмы, топор в $2^1/_2$ драхмы, мешок с шерстью, сундук и 20 драхм деньгами. Женщина жалуется, что когда она была в народной бане, банщик Петехон вдруг открыл кран с горячей водой и обварил ей ногу. Имеется и резолюция начальства на этом прошении: „Немедленно привести и допросить обвиняемого Петехона“ [1]), и т. под.

Под редакцией того же Жугэ, в сотрудничестве с другими учеными, издаются папирусы Лилльского университета, найденные в картоннажах мумий, в некрополях Фаюма, и содержащие разнообразный материал, между прочим, касательно орошения, землемерных работ и проч. Жугэ издан также „Папирус из Феадельфии“ (в западной части Фаюма), с интересными подробностями касательно провинциальной администрации. Сын знаменитого Масперо, Жан Масперо опубликовал „Греческие папирусы византийской эпохи“.

В Италии Accademia dei Lincei приступила в 1906 г. к изданию „Греко-египетских папирусов“, под редакцией Вителли и Компаретти, а в 1908 г. основалось особое „Итальянское Общество для разыскания греческих и латинских

[1]) Цибарт, Культурн. жизнь древне-греч. городов, стр. 117 сл.

папирусов в Египте“, которое публикует (с 1912 г.) папирусы, как найденные при раскопках Общества, напр., на месте Оксиринха и Гермополя, так и приобретенные покупкой. В числе издателей этого собрания — две итальянки, Тереза Лоди и Медея Норза. „Папирологическая Школа“ при Миланской Академии с 1915 г. издает свои „Studi“.

К первым годам XX в. относятся две очень важных и интересных находки в области греческой литературы, на которых следует остановиться. В 1902 г. Борхгардтом, по поручению Немецкого Восточного Общества, предприняты были раскопки в Абукире, неподалеку от Каира (см. I ч., стр. 95), причем на древнем кладбище, в одном из гробов, в головах покойника, по всей вероятности, какого-то грека, найден папирус, содержащий значительную часть (приблизительно половину) текста „Персов“ Тимофея Милетского (ок. 400 г. до Р. Х.), до тех пор известного нам, можно сказать, лишь по имени. Это — дифирамб или, точнее, „ном“, касающийся Персидских войн, на тему о поражении царя в морском сражении — конечно, при Саламине, — первый дошедший до нас образчик произведений подобного рода, и древнейшая греческая рукопись из всех сохранившихся на папирусах: она, вероятно, не позже конца IV в. до Р. Х., и лишь около полувека отделяет ее от смерти автора. Рукопись хранится в Берлинском Музее. В „Научных публикациях Немецкого Восточного Общества“ имеется фотографический снимок с нее, с гроба и с покойника, ее владельца (1903) [1]).

Еще более важная находка сделана несколько лет спустя французом Лефевром (Lefebvre): в одной деревне, на месте прежнего Афродитополя, на левом берегу Нила, среди развалин древнего жилища, им найден папирус из 17 листков — не в виде обычного свитка, а в виде книги или кодекса, — содержащий до 1300 стихов поэта IV в. Менандра. Папирус этот был тотчас же издан Лефевром (Fragments d'un manuscrit de Ménandre. Le Caire. 1907). В нем более или менее крупные отрывки из 4 пьес Менандра — из „Героя“ (заглавие пьесы в папирусе не сохранилось, но предположение, что это — „Герой“, подтвердилось), „Третейского суда“, „Самиянки“ и „Стриженой“ или „Отрезанной косы“ и, кроме того, незначительные обрывки 5-ой пьесы. Больше всего сохранилось стихов из „Третейского суда“ — более 500, т. е. около половины комедии, причем уцелел почти весь второй акт. Вскоре в Египте же было найдено два листика пергамента, содержащие в себе частью уже известные, частью неизвестные отрывки из

[1]) Wissensch. Veröffentlichungen d. Deutsch. Orientgesellsch. Der Timotheos-Papyrus. Leipz. 1903. Комментированное изд. — Виламовица (Leipz. 1903). На русск. яз.—ст. Г. Ф. Церетели в Ж. М. Н. Пр., 1903, июнь (тут и перевод), и Д. П. Шестакова, Каз. 1904 (из „Зап. Каз. унив.“).

„Стриженой“ [1]), а в 1911 г. Лефевр вновь опубликовал каирский папирус Менандра, с некоторыми новыми фрагментами из „Героя“, „Третейского суда“ и „Отрезанной косы“ [2]). Нечего и говорить, как важна такая находка Только теперь мы можем иметь настоящее понятие о Менандре, о том, как развивалось у него действие, каковы его приемы, как обрисовывались характеры и изображалась аттическая частная жизнь с ее нравами; это бросает новый свет и на подражателей Менандра, римских комиков и т. д. [3]). — В новом издании папируса Менандра, опубликованном Лефевром, находятся и новые отрывки (более 100 стихов) из комедии Евполида Demoi [4]).

Найдены тексты исторического содержания, кроме уже упомянутых раньше. Так, в Вюрцбургской коллекции папирусов имеется фрагмент Сосила, Аннибалова спутника и учителя греческого языка; в фрагменте описывается морская битва между римлянами и карфагенянами и по поводу этого вспоминается сходный эпизод битвы при Артемисии [5]). Раньше мы не имели ни одной строчки этого писателя. Среди греческих папирусов Берлинских музеев есть отрывок на ионийском диалекте о знаменитой осаде Родоса Димитрием Полиоркетом, составленный во II стол. до Р. Х. и имеющий общий источник с Диодором, XX, 93—94 [6]). В коллекции В. С. Голенищева есть Александрийская христианская „Всемирная хроника“ с миниатюрами [7]). Что касается „Страсбургского анонима“, Anonymus Argentinensis, папируса, принятого сначала за отрывок исторической хроники, которой издатель этого папируса, Бруно Кейль, посвятил целую монографию (19.2), где, стараясь восстановить наполовину утраченные строки, высказал ряд смелых, остроумных и, повидимому, блестящих догадок, комбинаций и выводов, то, как показал Вилькен [8]),

---

[1]) Небольшой отрывок из Менандра имеется в бывшей коллекции В. С. Голенищева (Г. Ф. Церетели, Ж. М. Н. Пр., 1909, февр.). О „Порфирьевских отрывках“ из Менандра см. далее.

[2]) Из других изданий Менандра лучшее — Körte; Б. В. Варнеке, Новые комедии Менандра. Каз. 1906, где дан и прозаический перевод; Г. Ф. Церетели, Нов. комедии Менандра. Юрьев. 1914, — исследование, в котором находится и стихотворный перевод.

[3]) Legrand, Daos. — Tableau de la comédie gr. pendant la période dite nouvelle. Lyon-Paris. 1910.

[4]) С. С. Сребрный, Ж. М. Н. Пр., 1913, ноябрь. — В 1913 г. Кёрте издал 2 папирусных отрывка греческого мима, хранящихся в Британском музее и приобретенных вместе с коллекцией, часть которой происходит из Фаюма. С. С. Сребрный, Ж. М. Н. Пр., 1917, ноябрь-дек.

[5]) Wilcken, Hermes, XLI, 1906.

[6]) Hiller v. Gaertringen, Sitz.-ber. d. Berl. Akad., 1918; Hist. Zeitschr., 3 F., XXIII (1919), 515.

[7]) Изд. A. Bauer и Strzygowski. Wien. 1905 (Denkschr. d. Wien. Akad.).

[8]) Hermes, XLII, 1907; на русск. яз.—ст. И. И. Толстого „Зап. Классич. Отд. Рус. Арх. Общ.“, V, 1908. По Laqueur, Hermes, XLIII, 1908, это не комментарий, а „die Capitulatio“ какой-то книги о Демосфене, м. б. Дидима.

это не историческая хроника, а, вероятно, комментарий к речи Демосфена против Андротиона, и блестящие построения Кейля, его смелые восстановления текста и выводы рухнули, рассыпались, словно карточный домик.

Сделаны находки и по части папирусов из области точных наук и философии. Найдено, напр., новое сочинение знаменитого Архимеда, его послание к Эратосфену о некоторых теоремах механики. Трактат этот открыт в 1907 г. датским ученым Гейбергом [1]) на папирусном палимпсесте, хранившемся в Константинопольском подворье одного монастыря в Иерусалиме, и, между прочим, выражает идею дифференциального исчисления [2]). В Ахмиме, в Верхнем Египте, феллахами найден математический папирус византийской эпохи, VII—VIII в. по Р. X. Этот „Ахмимский папирус" рассмотрен и изучен Балльe (1892). Ряд публикаций касается философа-стоика Посидония и Филодема. А в 1918 г. опубликован арабский текст произведений Феофраста [3]); бросается в глаза параллель между последним и Эпикуром. Есть греческие папирусы медицинского содержания [4]). Между прочим, в коллекции В. С. Голенищева, находящейся теперь в Москве, имеется медицинский справочник II в. по Р. X. [5]). Были сборники домашних рецептов. В одном из Оксиринхских папирусов (в VIII т.) сохранилось несколько таких рецептов, напр., для перевязочных средств, чихательной микстуры, для снотворного, от лихорадки, болезни печени [6]). Встречаются папирусы по химии или, точнее, алхимии, напр., рецепты для приготовления серебра, камней и пурпура [7]), и папирусы по магии [8]).

В настоящее время коллекции греческих папирусов находятся не только в крупных центрах; в Германии почти каждая порядочная университетская библиотека стремится иметь свою коллекцию папирусов. Имеются они и в Африке (в Каире, Александрии), и в Америке (Чикаго). Существуют и частные собрания; у нас, напр., — коллекция В. С. Голенищева, перешедшая в Московский Музей Изящн. Исскуств. В числе ее папирусов, кроме упомянутых уже, имеется отрывок из нового для нас гимна в честь Диониса [9]). Папирус этот составлял

---

[1]) Heiberg und Zeuthen, Eine neue Schrift d. Archim. Leipz. 1907 (из Bibl. mathem.); есть в русск. пер. (Одесса. 1909).

[2]) Е. Е. Кагаров, Первые шаги европ. науки. Х., 1923, стр. 7.

[3]) Bergsträszer в Sitz.-ber. Гейдельбергск. Акад.

[4]) А. Г. Бекштрем, Медиц. папирусы собр. В. С. Голенищева (Ж. М. Н. Пр., 1909, ноябрь); Sudhoff, Ärztliches aus griech. Papyrus-Urk. Leipz. 1909.

[5]) Опубликован А. Г. Бекштремом в Ж. М. Н. Пр. за 1903 г.; более исправно, с комментарием и исследованием, — О. О. Крюгером и Г. Ф. Церетели в „Изв. Росс. Акад. Наук", 1918.

[6]) Заметка Э. В. Диля в „Гермесе", 1911, № 20.

[7]) Pap. Holmiensis, обработан в 1913 г. Lagerkrantz'ем.

[8]) Н. И. Новосадский, Критич. зам. к магич. папир. („Гермес", 1915, № 1516).

[9]) Г. Ф. Церетели в „Изв. Росс. Акад. Наук", 1918, № 9 сл.

некогда часть целого свитка. На лицевой стороне его, в трех столбцах—опись конфискованных земельных участков с обозначением их прежних владельцев, по характеру письма второй половины II в. по Р. X.; а на оборотной стороне самый отрывок; письмо, повидимому, III в. по Р. X. Содержание — месть Диониса Ликургу, осмелившемуся выступить против вакханок.

В виду разбросанности материала и посвященных ему публикаций и исследований явилась настоятельная надобность в центральном органе, в котором сосредоточивались бы сведения по папирологии. Таким органом является Archiv für Papyrusforschung und verwandte Gebiete (с 1900 г.), основанный Вилькеном, одним из самых выдающихся современных знатоков греческих папирусов. Другой известный специалист в этой области, Весселн, основал журнал Studien zur Paläographie und Papyruskunde. После многолетней подготовки осуществлено издание „Хрестоматии“ папирусов — собрания наиболее важных и интересных образцов, целиком или в отрывках, нечто вроде Sylloge, сборника греческих надписей Диттенбергера. Это — Grundzüge und Chrestomathie der Papyruskunde, изд. под редакцией Mitteis'а и Wilcken'а (Leipz.-Berl. 1912), в 2 частях и в 4 книгах. Вилькен, профессор древней истории, обработал „Историческую часть“; Миттейс, известный ученый-юрист и вместе с тем знаток греческого языка и греческих папирусов, обработал часть „Юридическую“. Каждая из этих частей состоит из 2 отдельных объемистых книг. В одной книге мы находим „Grundzüge“, „Основные черты“ или результаты исследования папирусов, обзор Египта времен Птолемеев, эпохи римской, византийской и арабской, у Вилькена — с исторической стороны, у Миттейса — с юридической. Другая книга—собственно „Хрестоматия“, содержащая интереснейшие греческие папирусы, знакомящие нас со строем и жизнью Египта, начиная с эпохи эллинизма и кончая господством арабов. Это—капитальное пособие для знакомства с содержанием греческих папирусов и для изучения эллинизма.

С палеографией греческих папирусов, их начертанием и видом знакомят таблицы, изданные (1911) Шубартом, который составил и объемистое „Введение в папироведение“, Einführung in die Papyruskunde (1918).

Благодаря сделанным находкам и публикациям общее число новообретенных папирусных текстов чрезвычайно возросло. Некоторое понятие об этом могут дать следующие цифры. По подсчету, сделанному еще в средине 90-х годов, найдено 112 рукописей одних литературных произведений, из коих 49 содержат новые для нас сочинения или отрывки. С середины 90-х годов материал наш еще более возрос, и в течение последних лет XIX в. издано около 1200 новых папирусных текстов. Теперь число таких текстов свыше 10.000. Нечего, конечно, и говорить о том, как важны для нас вновь обретенные

произведения, раньше считавшиеся совершенно утраченными или бывшие совершенно неизвестными. Но имеют не мало значения и те папирусы, которые содержат текст уже известных нам раньше сочинений, так как нередко они представляют рукописи гораздо более древние, чем наши прежние, иногда лет на 800 и даже 1000 древнее наших прежних кодексов. Что касается папирусов, содержащих документы, то это, как мы видели, самый разнообразный материал—счета, квитанции, контракты, завещания отдельных лиц, правительственные распоряжения, приказы, донесения, судебные приговоры, прошения, жалобы, письма и проч.,—материал, близко знакомящий с государственным устройством, администрацией, судебными порядками, финансовой системой, хозяйством и вообще с состоянием Египта в александрийскую эпоху, и не только в александрийскую, но и в византийскую и даже арабскую: документы эти тянутся через огромный период, более 1300 лет, начиная с 311 г. до Р. Х. и кончая 996 г. по Р. Х. (Вилькен).

Можно сказать, „нет ни одной стороны городского управления, городской жизни, великих социальных вопросов древности, которая на основании папирусов не выступала бы в новом интересном освещении“ [1]). Каким драгоценным материалом могут служить папирусы в руках исследователя, в виде примера можно указать на капитальный труд русского ученого, М. И. Ростовцева, о происхождении колоната (на нем. яз., „Studien zur Geschichte des Römischen Kolonates“ Leipz. 1910) [2]). Папирусы рисуют яркую картину из сельской жизни — сбора, дележа и доставки хлеба. Чиновники следили за своевременной обработкой полей, за посевами злаками по назначению администрации, за уборкой хлеба. Полевые продукты считались собственностью государства и дележ их производился на току после молотьбы. „К этому акту собиралась вся администрация, ответственная за полное поступление части, причитавшейся государству, т. е. арендной платы данного года и недоимок; все собирались на току в присутствии всех заинтересованных, и дележ происходил при общем шуме и криках, причем палка деревенского писаря и деревенского старшины, кулаки стражников были не последним средством убеждения в правоте требований чиновников. С поля дележки земледельцам не раз приходилось идти прямо в „бега“, так плачевны были подчас результаты дележа [3]). Корпорация или гильдия владельцев вьючных животных доставляла хлеб к Нилу или к его каналу. В Александрию хлеб доставлялся на судах. Там — в римскую эпоху — принимал его капитан или владелец идущего в Италию корабля. Сохранилось письмо на папирусе та-

[1]) Цибарт, стр. 112.

[2]) I Beiheft z. Arch. f. Papyrusforsch. Резюмэ на русск. яз. — его же ст. в „Соврем. Мире“, 1912, янв. — февр.

[3]) М. И. Ростовцев, Римск. колонат (Соврем. Мир, янв., стр. 268—9).

кого капитана, извещающего о своем благополучном прибытии в Путеолы и остановке по делам в Риме [1]).

Раскрывается не менее яркая картина и других сторон тогдашней жизни, вплоть до развлечений и увеселений [2]). Среди греческих папирусов не мало ангажементов разных артистов, плясунов и танцовщиц, актеров и декламаторов, приглашаемых на какой-либо городской или деревенский праздник. В одном из таких ангажементов плясун, напр., дает обязательство „простату“ (вероятно, главе товарищества): „согласен служить у тебя вместе с другими тремя плясунами в деревне такой-то в течение 7 дней, а получать от тебя я должен поденно 28 драхм; ты должен содержать нас, доставить соответствующее помещение и дать в награду 3 артабы фиников“.

Найдены и другого рода договоры частных лиц—брачные контракты, договоры о разводе, договоры с кормилицами, иные очень подробные. Напр., кормилица обязывается кормить ребенка в течение 2 лет, вести себя целомудренно, не быть беременною и ни от кого другого не брать ребенка; по истечении срока, вещи, употреблявшиеся при ребенке, должны быть возвращены или возмещена их стоимость, за исключением губок, мыла, ванны, гребней. Интересен договор мастера-ткача с опекуном мальчика-ученика, поступившего к мастеру для обучения ремеслу на 5 лет. Ученик находится в распоряжении мастера от восхода до захода солнца, но спит и ест дома. Первые $2^1/_2$ года он служит бесплатно, а потом получает постепенно возрастающее месячное жалование, начиная с 12 и до 24 драхм. Мастер обязан, кроме того, давать одежду, качество и цена которой тоже постепенно повышается, соответственно работе ученика: сначала хитон в 16, потом в 20, наконец в 32 драхмы. Выговорено 20 праздничных дней в году, за которые жалование не удерживается, а если ученик будет болен или воспользуется праздничными днями сверх условленных, то должен за эти дни дослужить по контракту.

Вообще из папирусов мы узнаем много новых черт касательно греко-римской жизни в Египте. Вот несколько еще примеров. Во время одного празднества 8-летний раб взлез на крышу, чтобы оттуда лучше видеть танцы, переклонился, смотря вниз, упал и скончался. Чтобы похоронить его, просят стратега прислать для осмотра трупа служителя вместе с официальным врачем. Стратег дает соответствующее распоряжение. Имеются заявления о рождении сыновей и наоборот—заявления о смертных случаях, обращенные к податным чиновникам, чтобы скончавшийся был исключен из податных списков и внесен в список умерших. Есть свидетельства об освобождении от военной службы вследствие болезни—хронического,

---

[1]) Цибарт, стр. 114—115.

[2]) Моя „Античность и современность“. Спб. 1914 (изд. 2), стр. 196 сл.

напр., катарра глаз и близорукости; медицинские протоколы или свидетельства полицейских врачей о полученных потерпевшим поранениях, побоях или увечьях; свидетельства об эфебии, — выпись из актов о приеме в число эфебов (юношей 18—20 лет). В одном прошении отец ходатайствует о приеме своего сына в число эфебов и свою просьбу подкрепляет ссылкой на то, что и сам он, отец, „из гимназии", был в свое время тоже эфебом, что это — его законный сын от обозначенной выше (в начале прошения) жены, свободной, рожденной от свободных родителей. Дошли до нас всевозможные счетâ, в том числе и счет обеда в складчину в честь некоего Калатита,—обеда, данного членами одного союза с участием 4 гостей, которые и поименовываются.

Таким образом, найденные греческие папирусы не только воскрешают пред нами, казалось, утраченные навсегда произведения классической литературы, не только содержат в себе документы, рисующие нам отношения между государством и населением, положение его юридическое, финансовое, социально-экономическое и т. п.: они поистине являются „человеческими документами", „documents humains", вводят нас в повседневную жизнь, раскрывают пред нами отношения людей друг к другу, их горе и радость, их заботы, их сокровенные мысли и чувства, семейную жизнь, домашние тайны; мы узнаем, как живет семья, что̀ ест, что̀ читает... В особенности это нужно сказать о многочисленных дошедших до нас частных письмах [1].)

Уже тогда, как мы видели, рассылались приглашения на свадьбу. Или, напр., некий Петосирис шлет привет „дорогой Серении", просит „обязательно" приехать на праздник и дать знать, как приятнее ей ехать — на челне или на осле, чтобы они могли быть посланы за нею; в заключение пожелание „оставаться постоянно здоровой". Девушка, быть может, дочь или раба, возлюбленная, пишет стратегу Аполлонию, своему „господину": „если бы мы имели крылья, чтобы я могла прилететь и поклониться тебе!" Есть письма с выражением сочувствия в горе. Есть извещение о посылке, напр.: „Если доставитель письма даст тебе пакетик, то это я посылаю его". Или сообщается о посылке фруктов, причем прибавляется: „Хорошо бы вы сделали, если бы в свою очередь прислали мне, чрез этого же посланного, белого хлеба на 2 драхмы". Встречается просьба прислать слабительного. Даются поручения или делаются заказы. Один из корреспондентов, между прочим, пишет, что посылает образчик фиолетовой материи, прося купить такой на 2 драхмы и прислать поскорее, „при первой оказии", так как хитон сейчас должен быть готов. Иногда

[1]) Wilcken, Chrestomathie; Witkowski, Epistolae privatae graecae. Berl.-Leipz. 1906 (2-е изд. —1911); Preisigke, Familienbr. aus alter Zeit (Pr. Jahrb., CVIII, 1902); Schubart, Ein Jahrtausend am Nil. Berl. 1912; А. М. Придик, Греч. папир. Варш. 1907.

поручается выкупить заложенные вещи, причем мы узнаем, каков был дамский гардероб того времени. А вот напоминание о долге: „Такой-то шлет привет милейшему Г. Тебе, собственно говоря, следовало бы и без моего письма прислать мне 20 драхм, которые ты мне должен; однако ты ждал все время, не платя ни гроша. Передай, поэтому, деньги немедленно предъявителю сего письма и избавь меня таким образом от того безвыходного положения, в котором я нахожусь. Сделай это непременно; не доводи дела до того, чтобы я сам был вынужден явиться к тебе для взыскания этих денег. Я тебя видел недавно в П. и хотел поздороваться с тобой, но ты не остановился; видно, совесть твоя была нечиста". Некий негоциант, по имени Серапион, обращается к своему собрату, запутавшемуся в долгах, с предостережением: „берегись иудеев!" Он советует ему лучше просить снисхождения у какого-то Птоллариона—вероятно, кредитора,—нежели обращаться к евреям,— по замечанию Вилькена, первое известное нам выражение, и притом „классическое", „делового антисемитизма" [1]).

Имеется целый ряд писем, в которых родители выражают трогательную заботу о здоровье отсутствующих детей. Напр., мать просит сына написать, как он поживает: „ты, ведь, знаешь тревогу матери". Или мать просит сына уведомить, если в чем нуждается. Она с сожалением узнала, что тот учитель, к которому отдали его для обучения, уехал. Она хотела справиться о здоровье сына, узнать, что̀ читает он теперь? и услыхала, что „шестую" (повидимому, 6-ю песнь Илиады). Пусть сын, вместе с находящимся при нем „педагогом", позаботится о прискании себе нового учителя. Другая мать радуется, что ее сын учится „египетской грамоте", т. е. демотическому письму, и теперь, прибыв в город, будет учить детей у врача (следует имя, не вполне сохранившееся) и таким образом иметь на старость пропитание. Отец поздравляет сына с женитьбой; он, очевидно, в веселом настроении: просит передать его приветствие молодой невестке и в шутку подписывается: „Острая борода". В письмах даются хозяйственные распоряжения и иногда выражаются неудовольствие и упреки по самым разнообразным поводам, напр. за то, что в дороге „от переутомления" издохло двое из поросят, которых гнали пешком, тогда как в деревне было 10 вьючных животных. Или упрек зятю: он должен нанять кормилицу, а не допускать, чтобы его жена сама кормила ребенка. Есть письмо „блудного сына" к матери, с сознанием вины своей и с просьбой о прощении: несколько раз повторяются слова: „умоляю тебя". Сын-солдат просит

---

[1]) Wilcken, Zum Alexandrinischen Antisemitismus. Leipz. 1909 (из Abh. d. philol.-hist. Kl. d. Sächs. Gesellschaft d. Wissensch., XXVII); об антисемитизме в древн. мире на русск. яз. — книжка С. Я. Лурье (П. 1922); Г. Э. Зенгер, Еврейск. вопр. в древн. Риме (Варш. Унив. Изв., 1889, № 6).

мать прислать ему разные вещи, а главное — денег. Матрос пишет из Италии домой, отцу: „Прежде всего желаю тебе здоровья и во всем благополучия вместе с сестрою моею и дочерью ее и братом моим“ и т. д. Вообще поклоны и приветствия, как и теперь, занимали видное место в тогдашних письмах. Мать пишет своим детям и прибавляет: „кланяются вам Кирилла и кормилица Германубис, домашняя учительница Афинаида, а также Кассия и все домашние“. А в одном письме поклоны занимают 13 строк! [1])

Мы знакомимся и с ученическими тетрадями, с упражнениями в письме. Одна из этих тетрадей (III — IV в. по Р. Х.) дошла до нас в целом виде [2]); состоит она из 11 листов, сшитых у нижнего левого угла, и представляет упражнения от простейших до более сложных, кончая стихотворениями Бабрия. А Кенионом опубликованы некоторые греческие школьные таблицы (III в. по Р. Х.) [3]). 8 из таких деревянных таблиц одинаковой величины и соединены в одну тетрадь. Связаны они посредством шелкового шнурка, который протянут вдоль, через соответственные дыры у обоих концов таблиц. Страницы этих таблиц за исключением крайних, которые служили вместо обложки, имеют пагинацию от α до π; двух букв или нумеров недостает (повидимому, одна таблица утеряна). Первые страницы заняты списком 207 глаголов с замечаниями об управляемых ими падежах. Очень распространено было списывание с прописей. Образцы таких прописей, сделанных рукою учителя и списанных затем учениками, дошли до нас. В Марсельском музее имеется, например, навощенная табличка (III в. по Р. Х.) с прописью и с увещанием учителя: „старайся“, а на 3 других табличках—по 3 ее копии, сделанные рукою ученика. В Петрограде, в Эрмитаже, тоже есть подобные деревянные таблички с прописями [4]). На деревянной дощечке Берлинского музея в первом ряду—пропись учителя: „будь прилежен, мальчик, чтобы тебя не драли“, не пороли; слова эти списаны учеником 4 раза. Очевидно, греческим школьникам знакома была порка и розга. Это показывает и одна из сцен у Геронда, автора комических бытовых пьес, опубликованных, как мы видели, Кенионом в 1891 г. Здесь мать приводит своего сына, проказника и лентяя, к учителю, своему родственнику, жалуется на него и просит „задать ему такую порку, чтобы у него

---

[1]) Примером, наоборот, очень резкого письма может служить письмо Схоластикия к его матери Филосторгии, III в. по Р. Х., на средне-греческом яз.; см. ст. П. В. Ернштедта, Ж. М. Н. Пр., 1917, сент.

[2]) Так назыв. Papyrus Bouriant № 1, изданный у Wessely, Stud. z. Paläogr. u. Papyruskunde, VI, 1907, и у Ziebarth, Aus d. antik. Schule. Bonn. 1910 (в кол. Kl. Texte).

[3]) Journ. of Hell. Stud., XXIX; см. Brinkmann, Aus dem antiken Schulunterricht (Rh. Mus., LXV, 1910).

[4]) Г. Ф. Церетели, Пам. греч. письм. из Ег. (из Ж. М. Н. Пр. за 1909).

скверная душа осталась на одних губах“, и затем изображается расправа, после которой мальчик делается „пестрее змея“ [1]).— Среди школьных упражнений есть примеры скандирования, деления на слоги. Образцом такого рода упражнений служит деревянная дощечка в б. великогерцогской библиотеке в Гейдельберге [2]). Есть таблички слогов на черепке. До нас дошли упражнения в азбуке, писанные на черепках, вроде, наприм., αρ βαρ γαρ δαρ, ερ βερ γερ δερ. С целью упражнения писали азбуку то с начала, то с конца, то в разбивку; каждую отдельную согласную соединяли со всеми гласными: ξα ξε ξι ξο и т. под. Сохранились упражнения на черепках не только в грамоте, но и в математике.

Вообще ostraka, черепки, в греко-римском Египте служили даровым писчим материалом: ими, между прочим, пользовались банковские чиновники и сборщики податей для квитанций. Вилькен, по побуждению Моммзена, взялся за изучение этого, казалось, неблагодарного материала. Но при всей видимой незначительности каждой из подобных росписок в отдельности, в общем они, в свою очередь, проливают не мало света на финансовое управление Египта в греко-римскую эпоху, и Вилькен в своих „Griechische Ostraka aus Aegypten und Nubien“ (Leipz.-Berl. 1899. 2 т.) не только их издал, но и снабдил обширным введением, в котором сумел выяснить все значение этого на первый взгляд однообразного, скудного источника и осветить, с помощью его, историю финансового управления греко-римского Египта [3]).

В конце XIX и в начале XX в. сделаны открытия не только по части папирусных рукописей, но и иных. Так, Рейценштейн открыл в одном ватиканском палимпсесте, под позднейшим текстом, отрывки 7-й книги утраченного сочинения греческого историка Арриана (II в. по Р. Х.) о преемниках Александра В., — сочинения, которое известно было лишь в извлечении Фотия. В одном иерусалимском кодексе найден отрывок неизвестного автора, в котором рассказывается о деяниях Александра В. от битвы при Гранике до битвы при Арбеле. Отрывок этот издан А. И. Пападопуло-Керамевсом (Ж. М. Н. Пр., 1892, июнь), опубликовавшим также новые отрывки из компендиума, известного под названием „Аполлодоровой Библиотеки“ (там же, 1892, апр.—май), и из одного лексикона (Lex. Sabbaiticum, 1892). Опубликована (О. Вагнером в 1900 г. по Мецской рукописи) и эпитомэ на латинском языке тоже неизвестного автора, позидимому принадлежащая IV—V в. по Р. Х. и излагающая вкратце ход событий от смерти

---

[1]) Ф. Ф. Зелинский, Из жизни идей, Спб. 1905, I, 106—108; сборник „Древн. мир в пам. его письм.“, II, 507 сл.

[2]) Ст. Crusius'а в Philologus, LXIV, 1905.

[3]) Об этой публикации—ст. М. И. Ростовцева, Нов. данные для ист. финанс. управл. греко-римск. Ег. (Ж. М. Н. Пр., 1900, март).

Дария Кодмана до смерти Александра. — Среди рукописей, поступивших в Публичную библиотеку в Петрограде от еп. Порфирия Успенского, В. К. Ернштедт открыл на лоскутках пергамента отрывки из Менандра [1]). Отрывки эти отчасти были уже известны раньше: их издал Кобет в 1876 г. по копии Тишендорфа; но рукопись считалась затерянною. Еп. Порфирий нашел ее в монастыре св. Екатерины на Синае [2]). В. К. Ернштедт не только, так сказать, вторично открыл отрывки, но и прочитал в рукописи вдвое больше, чем Тишендорф.—В том же монастыре св. Екатерины на Синае две англичанки, сестры Льюис (Lewis), среди христианских рукописей нашли и некоторые сочинения древних авторов.— В 1909 г. в персидском Курдистане, древней Мидии, местный крестьянин, как мы видели (I ч., стр. 190—1), нашел сосуд с 3 рукописями на коже, из которых 2—по-гречески, частные договоры I в. до Р. Х., касающиеся наследственной аренды земли. Договаривающиеся и свидетели — деревенские жители, носят негреческие имена, но пользуются греческим языком и греческим правом, — находка, интересная для истории эллинизма, свидетельствующая о том, как далеко проникали греческий язык и греческое право и как живучи они были в деревенской глуши далекой Мидии даже в Парфянский период. Рукописи эти находятся теперь в Кэмбридже.

В числе находок не лишены интереса также деревянные или свинцовые таблички с разными надписями. О школьных документах на деревянных табличках мы уже упоминали. Из свинцовых табличек следует отметить дошедшее до нас в оригинале „древнейшее греческое письмо“ [3]) (V — IV в. до Р. Х.), находящееся в Берлинском музее. Другое подобное же частное письмо в оригинале первой половины IV в. и тоже на свинцовой табличке, быть может, из Ольвии, приобретенное Археологическою Комиссиею в 1902 г., содержит в себе, в нескольких строках, в чрезвычайно лаконической форме, поручение некоего Артикона его „домашним“ [4]).

Впрочем, здесь мы входим уже в область греческой эпиграфики.

6. Эпиграфика и раскопки в конце XIX и в начале XX в.

В 90-х годах XIX и в начале настоящего столетия продолжала развиваться и эпиграфика. Вслед за Corpus Inscriptionum Atticarum появился целый ряд других собраний и изданий надписей, напр. Северной Греции, в частности Фессалии, Пелопоннеса и соседних островов, островов

---

[1]) Порфирьевск. отрывки из аттич. комедии. Спб. 1891.

[2]) Описание греч. рукописей монастыря св. Екатерины на Синае изд. под ред. В. Н. Бенешевича. Спб. 1911 сл.

[3]) Ad. Wilhelm, в Jahreshefte d. Oesterr. Arch. Instit. in Wien, VII.

[4]) В. В. Латышев, в „Изв. Археол. Ком.“, вып. 10 (1904), стр. 10 сл.

Эгейского моря, Сицилии и Италии, Македонии. Эти свои многочисленные Corpora Берлинская Академия Наук в 1903 г. объединила одним общим заглавием: „Греческие надписи“, Inscriptiones graecae. Сюда входят и надписи Дельф и о-ва Делоса, издание которых взяла на себя Французская Академия, а Венская Академия предприняла издание надписей Малой Азии. Кроме того, появились сборники надписей Греческого Востока, надписей, касающихся „Римских дел“, отдельных городов, напр. Олимпии, Пергама и т. д. Существуют также особые сборники надписей древнейших, диалектических, юридических, сакральных, метрических, на черепках и проч. и проч. Открыто множество новых важных и интересных эпиграфических памятников. Некоторых из них мы коснемся далее, в связи с раскопками. Общее число известных надписей до начала мировой войны доходило до 100.000. При таком обилии эпиграфического материала и собраний, большею частью обширных и мало доступных по цене, явилась потребность в изданиях, в которых собраны были бы лишь наиболе характерные и важные в историческом отношении надписи. Таковы сборники Hicks'a (новое издание при участии Hill'я, 1901), Michel'я и в особенности упомянутый уже изборник Диттенбергера (есть уже 3-е изд.). Появились и небольшие, недорогие издания, приспособленные к потребностям школы, своего рода хрестоматии[1]). Регистрацию и обзор эпиграфического материала дал Ларфельд[2]). На русском языке есть „Греческая эпиграфика“ Н. И. Новосадского (ч. I. М. 1915, изд. 2-е).

Исследования некоторых эпиграфистов равносильны открытиям. В особенности это надо сказать об австрийском ученом Адольфе Вильгельме, „истинном художнике в деле чтения, восстановления, а иногда и объяснения греческих эпиграфических текстов, как новых, так и старых“ [3]). Он умеет делать открытия даже среди, казалось, уже известного материала. Вот пример. Два фрагмента были опубликованы отдельно, один — У. Кёлером в Собрании аттических надписей, другой — Диттенбергером и Гиксом в их сборниках; один касался Коринфского союза, другой считался списком союзников в Ламийскую войну. Ад. Вильгельм[4]) показал, что оба фрагмента следовали один за другим на одной и той-же стэле: первая часть — это просто договор, заключенный между Филиппом и афинянами после

[1]) Библиографич. указания — в моем „Введении“ 3, стр. 28, прим. 2.

[2]) Handbuch d. griech. Epigraphik. Leipz. 1898 сл. 4 т.; его-же, Griech. Epigraphik, Münch. 1914.

[3]) С. А. Жебелев, Нов. матер. по греч. эпиграф. (Ж. М. Н. Пр., 1910, ноябрь).

[4]) Ad. Wilhelm, Attische Urkunden. I. Urk. d. Korinthisch. Bundes d. Hellenen (из Sitz.-ber. d. Wien. Akad.). 1911; бюллетень Glotz'a по греч. истории в Rev. histor., 1916, janv.-févr.; p. 125 — 6.

Херонеи в 338 г.; вторая — это список государств, примкнувших к Коринфскому союзу с указанием числа голосов, предоставленных каждому, и т. д. Разрозненные отрывки им приведены в связь; из них извлечены новые данные; совершенно новый свет пролит на эпиграфический материал, на условия и характер Коринфского союза.

В России, кроме В. В. Латышева, „настоящим мастером в эпиграфике“ был А. В. Никитский, которого отличала удивительная точность и тщательность исследования, вникание в детали, критический анализ, сила которого обнаруживается даже по отношению к Ад. Вильгельму. А. В. Никитский собрал большой материал преимущественно в области надписей дельфийских, западно-локридских и времени Этолийского союза, но, к сожалению, не успел использовать его вполне. Дельфийским надписям посвящены его главные труды: „Дельфийские эпиграфические этюды“. Од. 1894—5, и „Исследования в области греческих надписей“, Юрьев, 1901, замечательные в методологическом отношении. Здесь наиболее важен отдел о географическом списке дельфийских проксенов, один из 4 отрывков которого А. В. Никитский нашел и издал (в Mittheilungen) еще в 1885 г. А. В. Никитский устанавливает иной порядок отрывков, чем какой был принят, и приходит к новым выводам. В надписях, уже известных, исследованных другими, даже Ад. Вильгельмом, он умеет открыть новые детали, извлечь новые данные или внести в них поправки.

В. В. Латышев продолжал опубликовывать и исследовать надписи северного побережья Черного моря. Между прочим им издана, переведена и комментирована (в „Материалах по археологии России“. Спб. 1892) знаменитая „Присяга Херсонесцев“, к которой еще придется возвратиться; опубликованы многочисленные „Дополнения и поправки“ к его „Собранию надписей северного побережья Черного моря“; выпущен I т. этого собрания в новом издании (1916); издан сборник надписей, поступивших в музей Суручана в Кишиневе (1894), „Сборник надписей христианских времен из южной России“ (1896) и проч. По инициативе В. В. Латышева, бывшего с 1900 г. товарищем председателя Археологической Комиссии, стали издаваться „Известия“ этой Комиссии, в которых он опубликовывал „Эпиграфические новости из Южной России“.

Существовавшие в Афинах Археологические Институты или Школы продолжали энергично работать над изысканием и исследованием как эпиграфических, так и иных памятников древности. Возникли и новые учреждения в том же роде.

В 1899 г. при Эпиграфическо-археологическом семинарии в Вене образовался Археологический Институт, и австрийские ученые начали принимать более деятельное участие в раскопках в пределах древне-греческого мира. Тогда же, в 1899 г., возникло английское общество для археологических разысканий

на Крите,— Cretan Exploration Fund. Во Французскую Школу в Афинах, в которой раньше фактически работали иногда и иностранные ученые, в 1900 г. официально открыт доступ иностранцам, благодаря учреждению при ней особой секции (Section étrangère). Италия, до тех пор не имевшая особого учреждения в Афинах, в 1909 г. основывает там свой Археологический Институт. Как энергично работали итальянцы, показывает следующий пример: во время войны с Турцией в 1912 г. на занятых итальянцами островах Эгейского моря находилась археологическая миссия для изучения античных и средневековых памятников. Центром миссии служил Родос, откуда предпринимались поездки на другие острова. По окончании миссии здесь оставлен был итальянским Институтом специалист для продолжения исследований и раскопок.

Основанный в Константинополе Русский Археологический Институт (1894) имел в виду преимущественно исследование византийских памятников; его целью было „направлять на месте научные занятия русских ученых древностями и историей Греции, Передней Азии и вообще земель, входивших в состав Византийской империи, преимущественно времен христианства“. Тем не менее этот Институт, во главе которого стоял известный византинист Ф. И. Успенский, а в числе секретарей которого одно время был такой археолог, как Б. В. Фармаковский, содействовал изучению и памятников классической древности: им снаряжались экспедиции в Малую Азию и на острова, в Никею и Македонию, в Сирию и в частности в Пальмиру, откуда вывезена была в Россию плита, найденная кн. С. С. Абамелек-Лазаревым, с надписью, содержащею таможенный тариф, о котором мы говорили выше. В „Известиях“ Института Е. М. Придиком изданы списанные им фессалийские надписи, Ф. И. Успенским — некоторые византийские, М. И. Ростовцевым—македонские, Р. Х. Лёпером—несколько греческих и латинских, Н. А. Вейсом — серия христианских надгробных надписей и т. д.—В Бейруте французскими иезуитами основан „Университет Св. Иосифа“; его восточный факультет [1]) с 1906 г. начал издавать „Mélanges“, в которых публиковались греческие и латинские надписи Сирии.

В конце XIX и в начале XX в. раскопки продолжались почти во всех тех местах, где производились они раньше; велись и в некоторых новых. Усовершенствованные пути сообщения, применение фотографии и т. под. много способствовали их успеху. Самыми замечательными из них являются раскопки Дёрпфельда на месте древней Трои, открытие там „Гомерической Трои“ в слое шестого города, раскопки французов в Дельфах и в особенности открытие англичанина Эванса и итальянских археологов на Крите.

---

[1]) О нем ст. И. Ю. Крачковского в Ж. М. Н. Пр., 1910 февр.

Шлиман [1]), как известно, всю свою жизнь мечтал об открытии Гомерической Трои и полагал, что открыл ее в слое второго города на Гиссарлыке; но это была ошибка: Гомерическая Троя оказалась в слое не второго, а шестого города. Незадолго до своей смерти, в 1890 г., в этом слое, который он ошибочно признавал за лидийский город и который еще глубже зарыл массою земли, сбрасываемой на периферию холма во время раскопок нижних слоев, Шлиман нашел фундаменты и черепки микенской эпохи и предполагал в будущем точнее исследовать этот шестой город. Но Шлиман умер, и его дело продолжал его сотрудник Дёрпфельд.

Раскопки свои Дёрпфельд вел в 1893 г. на средства вдовы Шлимана и на следующий год возобновил их уже на средства, данные императором Вильгельмом II. Результаты получились чрезвычайно важные [2]): шестой город был раскрыт, и если можно отожествлять какой-либо город на Гиссарлыке с Троей Гомера, то лишь этот шестой, относящийся ко второй половине II тысячелетия, приблизительно к 1500—1100 г. до Р. X., несомненно принадлежащий к микенскому периоду, а не второй, который был принят Шлиманом за Гомерическую Трою, но который в действительности гораздо древнее не только ее, но и микенской эпохи.

Акрополь шестого города—ибо в сущности и здесь сохранились развалины только акрополя—занимает значительно большее пространство, чем „второй город“. Он окружен был колоссальною каменною стеною, подобною тем, какие существовали в Микенах и Тиринфе, из больших хорошо отесанных и пригнанных один к другому камней. Стена идет полукругом, ломанною линиею, с небольшими выступами на известном расстоянии. Южная, восточная и отчасти западная сторона ее сохранились; северо-западная же, повидимому, была разобрана еще в древности на постройку соседних городов. В стене трое больших ворот. Ее защищают с боков далеко вперед выступающие три башни, причем северо-восточная башня, самая большая и крепкая, имела внутри колодезь, очевидно, чтобы не лишить защитников воды на случай осады. Постройки расположены на трех концентрических террасах, подымавшихся к средине акрополя. Внутри стен, на второй и третьей террасе,—многочисленные здания; в самой середине, на вершине,—дворец царя. Стены зданий из тесаных гладко камней, что напоминает описание у Гомера дворца Приама и его спален, которых было „двенадцать под кровлей одною, из тесаных

[1]) Только что вышла его биография, написанная Д. Н. Егоровым (в кол. „Образы человечества“. П. 1923).

[2]) Дёрпфельдом в сотрудничестве с другими учеными издан (1902) обширный труд: „Troja und Ilion“, в котором излагаются результаты открытий на Гиссарлыке, начиная с первых раскопок Шлимана и кончая 1894 г., и, таким образом, подводится итог всему сделанному и открытому.

камней". В помещении, служившем кладовой, при раскопках найдены стоящими один подле другого огромные глиняные сосуды, пифы, в которых хранилось зерно и прочие припасы. И живо вспоминаются слова Гомера о кладовой Телемакова отца (Одиссея, II, 338 сл.): это было

„Зданье пространное; злата и меди там кучи лежали;
Много там платья в ларях и душистого масла хранилось;
Куфы из глины с вином многолетним и сладким стояли
Рядом у стен, заключая божественно-чистый напиток".

Найдено много сосудов, черепков микенской эпохи. Очевидно, были тесные связи и сношения этого города с центрами критско-микенской культуры, но все здесь мельче, нежели на Крите, в Кноссе и Фесте.

И этот город погиб, подобно второму, вследствие внешней катастрофы — от огня и руки победителя, о чем говорят следы сильного пожара и разрушения. Так поэтические предания греков о падении Трои находят себе подтверждение в новейших открытиях, в свидетельствах археологии. Здесь, у Геллеспонта, где азиатский берег так близок к европейскому, в этой местности, которая служила мостом из Азии в Европу, происходила некогда борьба [1]). Мы видим более нежели тысячелетнюю историю, разные слои культуры, ряд поселений, одно на месте другого; из них некоторые погибали, разрушаемые торжествовавшим победителем.

В Дельфах работали преимущественно французы [2]). Желая систематически исследовать Дельфы, французы вошли в переговоры с греческим правительством относительно раскопок и необходимого для этой цели отчуждения земли. Но долго переговоры эти ни к чему не приводили. Одно время греческое министерство предлагало даже Германии получить право на раскопки в Дельфах; но Берлинская Академия Наук великодушно отказалась в виду, так сказать, нравственного права на это Франции. Два американских капиталиста в свою очередь не жалели денег, лишь бы получить право на раскопки и на отчуждение участков. Тем временем в Дельфах произведены были исследования немецким ученым Помтовым и нашим соотечественником А. В. Никитским.

---

[1]) По Leaf, Homer and History, 1915, троянская война — не 10-летняя осада, а комбинированные действия ахеян, под предводительством царя Микенского, с целью разрушить большой рынок, торговый центр, а с другой стороны — комбинированные усилия купцов, начиная с Фракии до Ликии, защитить свой ввоз и вывоз. Myres and Frost, The Histor. Background of the Troja War (Klio, XIV, 1915) связывают судьбу Трои, ее падение, с египетской историей, с нашествием „морских народов" на Египет; греческую дату войны считают датой исторической.

[2]) Bourguet, Les ruines de Delphes. P. 1914; ст. Seure в Journ. des Sav., 1914, août; Poulsen, Delphi. Lond. 1920 (пер. с датск.); статьи Pomtow'a в Berl. Philolog. Wochenschr., в Klio и т. д.; Perdrizet Die Hauptergebn. d. Ausgrab. in Delphi (N. Jahrb. f. d. klass. Altert., XXI, 1908), а главное — изд. под ред. Homolle, Fouilles de Delphes.

Наконец, в 1891 г., когда во главе Французской Школы в Афинах стал Омолль (Homolle), по мнению которого школа должна была брать на себя предприятия, непосильные для отдельного лица, в министерство Буржуа, старания французов увенчались успехом: Французская палата вотировала кредит в 500000 фр. на раскопки в Дельфах, и с Грецией подписан договор, предоставлявший Франции монополию археологических разысканий в Дельфах на 10 лет.

На первых порах Французской Школе, на которую выпало осуществление задачи, приходилось бороться с большими трудностями. Нужно было экспроприировать до 1000 домов или земельных участков, целую деревню (Кастри) перенести на другое место, проложить дороги по крутизнам. Местные жители оказывали противодействие работам, и дело доходило даже до волнений и нападений. Сначала приходилось вести раскопки под прикрытием вооруженной силы... Тем не менее, начиная с 1893 г., идет ряд замечательных открытий, и уже по поводу раскопок следующего года известный археолог Фуртвенглер заметил, что «раскопки эти дали нам такие сокровища, о существовании которых мы даже и не подозревали». Раскопаны священная дорога, терраса, поддерживавшая храм, развалины самого храма и других зданий. Храм, впрочем, не оправдал ожиданий и несколько разочаровал французов: он почти ничего не дал им. Дело в том, что, как это установлено благодаря дельфийским же раскопкам, старый храм, построенный Алкмеонидами, был разрушен ок. 373 г. пожаром или землетрясением, а новый храм тоже пострадал от пожара (в 83 г. до Р. Х.). Зато, в других пунктах результаты оказались блестящими и во многих отношениях неожиданными.

Так, открыто несколько сокровищниц, — сокровищница афинян, здание начала V в. до Р. Х., с замечательными метопами, с декретами, которыми исписаны ее стены, с гимном Аполлону и со столькими архитектурными остатками, что оказалось возможным ее реставрировать; сокровищница книдян, с ее фризами и фронтоном, сокровищницы сикионцев, фокидян, сифнийцев; фундамент лесхи книдян, которая была украшена живописью Полигнота. Открыты театр, стадий, источник Касталия, храм Афины Пронаи. Найдено множество произведений искусства, из которых, кроме уже упомянутых метоп и фризов, достаточно назвать аканфовую колонну с кариатидами, мраморные копии с произведений Лисиппа и, в особенности, бронзовую статую возницы, держащего в руке поводья. Статуя эта составляла лишь часть большой группы, изображавшей колесницу и запряженных в нее четверки коней [1]); но от колесницы и коней сохранились лишь фрагменты. Из надписи на базе оказывается, что группа посвящена Полизалом

[1]) Б. В. Фармаковский, Художеств. идеал демократ. Афин, стр. 57—58.

в память победы на Пифийских играх, в Дельфах, его брата Гелона, тиранна г. Гелы (в Сицилии), ее заказавшего, но, за смертью, не успевшего ее посвятить.

Число найденных в Дельфах надписей достигает нескольких тысяч (более 4500, а с прежде известными ок. 6000). Особенно многочисленны документы об отпущении рабов на волю, затем декреты относительно амфиктионии и проксении, списки проксенов и победителей на Пифийских играх, дельфийских архонтов и пр. Надписи эти знакомят нас с гражданским устройством Дельф, с их властями, храмовым управлением и персоналом, с историей религиозных учреждений, процессий и почестей, с топографией и хронологией, с положением и формами отпущения рабов, с отношением Дельф к Афинам и другим греческим городам, к эллинистическим монархиям и к Риму, с историей Этолийского союза [1]). По словам знатока дельфийских надписей, А. В. Никитского, в результате их разработки „можно предвидеть в будущем такую точную картину дельфийской истории и жизни, по крайней мере, с середины IV в., какую едва-ли когда-нибудь удастся составить для какого бы то ни было другого греческого города, кроме, пожалуй, Афин". Между надписями находятся такие интересные документы, как, напр., устав фратрии Лабиадов или как решение римского сената, вырезанное на цоколе сокровищницы афинян и касающееся распри между двумя обществами Дионисовых артистов; найдена также 5-стишная эпиграмма в честь Лисандра, декрет в честь Аристотеля за составление им списка победителей на Пифийских играх. Большую сенсацию вызвала находка в Дельфах гимнов к Аполлону, на стенах афинской сокровищницы, с музыкальными знаками. Вейль издал эти гимны в Bulletin de correspondance hellénique, а Т. Рейнак объяснил с музыкальной стороны и переложил на современные ноты.

Таковы, в общих чертах, результаты раскопок в Дельфах, которые вела Французская Школа. 10 лет и более 800.000 фр. было употреблено на них. Раздавались подчас жалобы — и не без основания — на то, что французы слишком медлят с публикацией открытых ими сокровищ. Правда, стало выходить в свет капитальное издание Fouilles de Delphes, рассчитанное на 5 т.; но и это издание подвигается очень медленно.

В ознаменование юбилея Французской Школы в Афинах грек Сингрос, на средства которого воздвигнут музей в Олимпии, дал средства на устройство подобного же музея в Дельфах. Весною 1903 г. последовала передача французским правительством греческому дельфийских раскопок и торжественное открытие музея, закончившееся открытием бюста Сингроса. А богатый американец, француз по происхождению, герцог де-Луба пожертвовал Французской Школе 300.000 фр. на раскопки.

[1]) Эпиграфическому материалу отведен III т. Fouilles de Delphes

В Дельфах и впоследствии велись разыскания и не только французами, но и представителями других наций, напр., немцем Помтовым. В 1912 г. Courby исследовал точнее храм и теперь яснее представляется нам, чем был храм, построенный в VI в. Алкмеонидами из мрамора. Рассказы о расщелине, из которой будто бы выходили одуряющие пары, действовавшие на пифию, оказываются ложными. Найден и опубликован (1914) дельфийский „пуп земли", omphalos, архаический камень, примитивный объект культа матери-земли.

Открытия на о-ве Крите в начале XX в. — величайшие из всех, сделанных на греческой почве со времени Шлимана. Но мы будем говорить о них дальше, в особой главе, а теперь обратимся к другим открытиям в области древне-греческого мира.

В Фессалии найдены не только памятники микенской эпохи, купольная могила в Воло, но и слои более древней, неолитической культуры, открытые греческими археологами Стаисом и Цундою „доисторические акрополи" в Сескло и Димини, могилы у стен домов или в самых жилищах. Греческий эпиграфист Арванитопуло, кроме многочисленных фессалийских надписей, открыл следы Деметриады, нашел на месте развалин в Пагасах (Воло) большое количество могильных стэл с различными изображениями в красках, затем в могиле древнего Метрополя (недалеко от Кардицы) открыл большую золотую и серебряную сокровищницу, относящуюся приблизительно к 200 г. до Р. Х., со многими художественными предметами и украшениями, а в акрополе Gonnos'а им открыто кругообразное здание — храм богини Афины, — представляющее собой эпиграфическую сокровищницу.

В предании греков обитателями окрестностей Копаидского озера, в Беотии, были минии, с которыми связаны сказания о Фриксе и Гелле, о золотом руне и походе аргонавтов. Столицею их считался Орхомен. Издавна известна была здесь „Сокровищница царя Миния", на самом деле купольная могила на подобие тех, которые находятся в Микенах. Еще Шлиман производил тут раскопки. В 1893 г. в восточной части Копаидского озера, которое англо-французская компания осушила, на скалистом острове Gha или Gûlas, Риддер открыл развалины древнего акрополя и огромного дворца микенской эпохи, окруженного циклопическою стеной, по размерам превосходящего микенский и тиринфский. Есть мнение, что это — древний минийский город Арнэ [1]).

В первые годы XX в. Фуртвенглер в сотрудничестве с Булле и Рицлером, по поручению Баварской Академии Наук и на пожертвование одного частного лица, произвел раскопки в Орхомене, давшие важные результаты [2]). В верхнем

---

[1]) Noack, Arne (Mittheil. d. Deutsch. Arch. Instit., XIX, 1894).
[2]) Bulle, Orchomenos. Münch. 1907.

слое найдены остатки дворца микенской эпохи и образцы живописи, напоминающие фрески Кносса, на Крите, и Тиринфа, многочисленные вазы, причем на одной оказалась надпись большими буквами, на подобие критских письмен, — первая найденная на почве собственно Эллады. Под слоем микенской культуры открыты следы культуры, более древней и менее развитой, конца неолитической эпохи, и представляющей сходство с находками в южной Фессалии. В минийском Орхомене оказался ряд поселений одно над другим; древнейшие восходят к III тысячелетию до Р. Х. Следов окружной стены в Орхомене не обнаружено: повидимому, ни в микенскую, ни в минийскую эпоху он не был укреплен. Различные исследователи высказывали предположение о существовании древнего типа кругловидных построек. Предположение это оправдалось: в древнейших слоях Орхомена найдены круглые и овальные строения, которые послужили образцом для последующих куполообразных могил. В Орхомене найдено погребение до-микенской эпохи: покойников хоронили внутри домов в скорченном положении. Среди находок можно отметить еще утварь из тонкой серой глины.

Дёрпфельд своими изысканиями в Афинах пролил новый свет на строительную деятельность до-Периклова времени и поднял ряд вопросов, отчасти еще не вполне решенных. Он исследовал Пропилеи и уже в 80-х годах пришел к заключению, что план их был задуман еще при Кимоне и притом в более грандиозном виде, нежели в каком он был потом осуществлен. Древнейший Парфенон, оказывается, заложен был тоже до Перикла, даже до персидского нашествия, при котором он был сожжен. Таким образом, археологические изыскания Дёрпфельда и других установили в отношении строительной деятельности тесную связь между Перикловым веком и предшествующим временем и подтверждают, что среди мусора, оставшегося после персидского нашествия, скрываются многочисленные памятники, которые еще могут быть извлечены на свет. Дёрпфельд исследовал театр Диониса и выставил новую теорию касательно устройства греческих театров вообще, вызвавшую большой спор: по его мнению, актеры играли не на так назыв. проскении или сцене, а у проскения, на орхестре [1]). Он произвел раскопки между ареопагом и Пниксом, вообще исследовал топографию Афин. Греческое правительство экспроприировало весь западный склон ареопага и передало его в ведение Немецкого Археологического Института, по поручению которого Дёрпфельд и начал свои раскопки. Его разыскания тут касались главным образом источника, принимаемого им за Ennеakrunos, — гипотеза, вызвавшая тоже спор, — и округа, посвященного Дио-

[1]) Dörpfeld und Reisch. Das griech. Theater. 1896: о греч. театре большой труд — Groh, České divadlo. Praha. 1909.

нису; по мнению Дёрпфельда, здесь находился Ленейон, святилище Диониса Ленейского, что в „Болотах“.

В Афинах производило разыскания и Греческое Археологическое Общество, в особенности Каввадий, у акропольской скалы; здесь он, между прочим, нашел надпись середины V в., которая может решить спорный вопрос о времени построения храма Бескрылой Победы (Ники): одни относили это построение к эпохе Кимона, другие — к 426/5 г. Из надписи видно, что строителем храма был знаменитый Калликрат, вместе с Иктином строивший и Парфенон, и что постройка храма Ники относится ко времени Перикла. В 1910 г. в Афинах найдена надпись, которую чешский ученый Грох (Groh) признал за отрывок большой надписи, касающейся Парфенона. А Керамопуло опубликовал (1914) счета за постройку последнего. Кастриоти открыл Периклов Одеон. Немецкий ученый А. Брикнер (A. Brueckner) исследовал предместье Афин, Керамик, и кладбище у Дипилона, причем нашел более 40 черепков, ostraca, употреблявшихся при остракизме и, очевидно, выброшенных за городские стены по окончании процедуры. Из 39 черепков, на которых можно прочесть имена, на 11 назван известный противник Перикла, Фукидид, сын Мелесия, на 26 — Клейдипп и т. д. Это проливает свет на борьбу партий при Перикле.

В 1890 г. производились раскопки в Марафоне с его курганом. Продолжались разыскания в Элевсине и в святилище Амфиарая, в Оропе. Исследования храма на мысе Сунии показали, что это храм не Афины, как прежде полагали, а Посейдона; фундаменты же храма Афины открыты ниже его. На юго-восточном склоне Гиметта Американскою Школою исследован грот Вари. Известен он был и раньше, равно как и надписи, вкоторых, между прочим, некий Архедам, вероятно, каменотес, увековечил свое имя. Но американцы первые проникли в глубину пещеры, и их исследования раскрыли историю культа в этом гроте, посвященном нимфам и Пану.

В Эретрии, на о. Евбее, Куруниоти в 1900 г. открыл храм Аполлона Дафнефора, а потом (1911) опубликовал найденные там надписи. Из них интересна, напр., надпись, касающаяся театральных и музыкальных представлений во время Димитрия Полиоркета (конец IV и начало III в. до Р. Х.). Артисты давали представления два раза в году в Эретрии, Халкиде и Ореосе на Дионисиях и Димитриях, а третий раз — в Каристе, на Аристоникиях. Комиссары этих городов должны были сойтись в Халкиде, чтобы организовать турнэ; не видно ясно, входили ли они в соглашение с артистами непосредственно или через антрепренера. Жалованья в год полагается 60 драхм флейтисту, 400 — комедиантам, 300 — костюмеру. В случае неявки без уважительных причин полагается штраф. Из других эретрийских надписей обращают на себя особенное внимание

отрывки, в числе 5, из архаического закона или кодекса. В Эретрии открыты также театр и другие здания. В самом начале мировой войны, в авг. и сент. 1914 г., Пападаки открыл в 500 метрах от храма Аполлона святилища Исиды. На это открытие навела его надпись на базе: „Египтяне Исиде". К святилищу с севера примыкает ряд домов, числом 15, быть может, имевших отношение к нему.

Известный археолог Фуртвенглер на средства, предоставленные принцем-регентом Луитпольдом, производил раскопки на о-ве Эгине. Оказалось, что святилище, фронтонам котораго принадлежали знаменитые „Эгинские мраморы", — не храм Зевса или Афины, а древнего местного божества Афеи [1]), как свидетельствует большая посвятительная надпись.

Интересная надпись найдена в Трезене на камне, вделанном в церковную стену. Копию и эстампаж с нее снял Легран, которому потом удалось извлечь и камень, а надлежащее объяснение этой надписи дал А. В. Никитский [2]). Между Трезеном и каким-то другим городом в Пелопоннесе, вероятно Гермионой, происходили раздоры из-за владения, повидимому, прибрежной полосой, и из-за ловли рыбы — тунца; конец им положило соглашение (в нач. II стол. до Р. Х.) — третейский суд афинян. Эпидавр, с его святилищем Асклепия, исследовал, как мы видели, Каввадий. В Калаврии производили раскопки шведы (Sam Wide).

В Коринфе с 1896 г. в течение 10 лет вели раскопки американцы. В одной из надписей римской эпохи упоминается о еврейской синагоге, — быть может, той, в которой проповедывал ап. Павел. В 1900 г. два молодых американца натолкнулись в Коринфе на античные водопроводные сооружения, и Американская Школа предприняла, под руководством проф. Ричардсона, дальнейшие разыскания, которые пролили свет на историю сооружений и на самый способ снабжения Коринфа водой. В Сикионе открыт театр. Близ Аргоса, по дороге к Микенам, Американскою Школою, под руководством Вальдштейна, в 1892 г. предприняты были раскопки на месте храма Геры Аргосской, одного из главных святилищ Греции: Фукидид, желая определить дату начала Пелопоннесской войны, прежде всего называет год служения и имя жрицы в Аргосе, а затем имена эфора в Спарте и архонта в Афинах (II, 2). Потом в Аргосе, на средства одного голландского мецената, производил раскопки Фолльграфф (Vollgraff). В 1913 г. он раскопал агору — обширную эспланаду, окруженную храмами и портиками. Он же опубликовал надписи, в числе которых обращает на себя внимание декрет в честь Родосского государства.

---

[1]) Furtwängler, Aegina. Das Heiligtum Aphaia. Münch. 1906. 2 т.
[2]) Ж. М. Н. Пр., 1902, окт.

В Микенах в районе акрополя обнаружены многочисленные дома; вне его — городская часть, тоже окруженная стеною, с остатками зданий и некрополями купольных и в виде камер гробниц [1]). В самые последние годы, уже после мировой войны, в 1921—22 г.г., в Микенах производил раскопки директор Британской Школы в Афинах, Wace [2]). Им вновь исследовано пространство между царскими могилами, Львиными воротами и прилегающей стеной. Здесь еще Шлиман открыл постройку, примыкающую к стене акрополя. Раскопки Wace показали, что это здание имело не менее 2 этажей; обнаружены кладовые, в которых, между прочим, оказались большие глиняные сосуды с остатками зерен пшеницы, ячменя, проса. Вблизи Львиных ворот найдены терракоттовые вазы, по стилю нечто среднее между микенской и геометрической керамикой. Исследована вновь и „Сокровищница царя Атрея", причем, при исследовании пола внутренней камеры, обнаружены две вырубленных в скале могилы, совершенно разграбленных, а под плитой порога — сокровищница; в ней — золотые пластинки, фаянсовые и сердоликовые бусы, бронзовые гвозди, фрагменты вещей из слоновой кости и обломок раскрашенной вазы поздне-микенского стиля (1400—1200 г.), что, по мнению Wace, подтверждает правильность традиции, связывающей гробницу с именем Агамемнона, время жизни которого, согласно традиции, ок. 1200 г., как-раз совпадает с эпохой, к которой относится найденная ваза. А в упомянутом выше здании, под полом кладовой, обнаружена 7-я шахтовая могила, вблизи ее еще одна, разграбленная. В южном направлении еще Цунда заметил следы заброшенной могилы. Wace в этом направлении, под полом одного дома, обнаружил место более древнего погребения (2000—1600). Вновь исследован также открытый Цундой дворец на вершине акрополя; расчищен двор, портик, мегарон и несколько соседних помещений. Оказалось, что дворец построен террасами. Следы огня свидетельствуют, что он погиб от пожара. Найденная в нем керамика относится к 1400 — 1200 г.г., а под полом — фрагменты более древних сосудов, принадлежащих времени за 2000 — 1600 лет до Р. Х. На разных предметах имеются изображения быков, женщины, пытающейся сесть на спину быка, и т. под. — Wace различает несколько периодов, несколько поселений на месте Микен, начиная с 2500 — 2000 г.г. и кончая собственно „Микенскою эпохой", 1400 — 1100 г.г. до Р. Х. Дом у стены выстроен между 1600 и 1400 г. Дворец старше Тиринфского, но это не первая постройка: под ним остатки более древнего здания. В нем два входа, большой колонный зал, кладовые для запасов и не менее 2 этажей. На полу — фраг-

---

[1]) Fimmen, Die kretisch-mykenische Kultur. Leipz.—Berl. 1921.

[2]) Об этих раскопках — ст. А. А. Захарова в 3-й кн. „Нов. Востока" (1923), стр. 591—4.

менты стенной росписи, в том числе женская фигура с рыжими волосами. В одном из соседних помещений — остатки 2 алтарей на глиняных пьедесталах. Много глиняной посуды. У дороги к югу от „Сокровищницы царя Атрея“ найдено 3 могилы, высеченных в скале по склону холма. Одна — весьма малого размера, и труп в ней находится в согнутом положении; в другой — кости нескольких скелетов, а посредине почти целый скелет; в самой большой — до 60 покойников. Обнаружено и другое, более позднее кладбище; найдена, между прочим, ваза стиля Телль-Амарны.

В Тиринфе раскопки Немецкого Археологического Института в первые годы XX в., до начала мировой войны, привели к открытию новых фресок и следов более древнего дворца под дворцом микенской эпохи. Фрески особенно интересны [1]). В более древнем дворце имеется фрагмент, изображающий двух идущих „охотников“ или „оруженосцев“, с обнаженной головой, с черными волосами, ниспадающими до плеч, с локонами на лбу, в одежде с короткими рукавами, стянутой у талии поясом и доходящей до середины бедер; у каждого в правой руке по два копья. Фриз, украшавший второй, более поздний дворец, представлял, судя по остаткам изображения, какую-то процессию женщин почти в натуральную величину. Костюм этих „дам“ — такой, какой был тогда в моде на Крите: корсаж с короткими рукавами, широко открытый спереди, с сильно выдавшейся вперед грудью, платье с воланами, в несколько рядов оборок. Но особенно замечательны сцены охоты. Один из сохранившихся фрагментов фрески изображает травлю кабана; большие рябые собаки, в ошейниках, его настигают; впереди видна рука, вонзающая копье в плечо кабана; другое копье вонзилось около уха. На втором фрагменте той-же фрески — кабан, попавший в сети; охотники или слуги, пешие, держащие еще не спущенных собак. В охоте принимают участие и женщины: с краю изображены колесницы с „дамами“, быть может, приглашенными зрительницами. Фреска эта покрывала фриз всех четырех стен мегарона. Подобные охотничьи сцены сравнивают [2]) с охотой восточных, ассирийских царей или средневековых знатных феодалов. „Могущество ахейское, которое воспевают гомерические поэмы, но элементы которого они бессильны восстановить, находит себе здесь“, в Микенах и Тиринфе, „наиболее верное свое изображение“.

Среди развалин Тиринфского акрополя, пережившего вторжение дорян на несколько столетий, обнаружены остатки храма Геры, древнего культа. Предметом культа, вокруг которого

---

[1]) Tiryns. Die Ergebnisse d. Ausgrabungen d. Deutsch. Arch. Instit. in Athen. II B. Die Fresken d. Palastes, von G. Rodenwaldt. 1912; предварит. отчеты — в Mittheil., 1905, 1911, 1913; Dussaud, Les civilisations préhellén. 2-me éd. 1914 стр. 161 сл.; ст. А. А. Захарова в „Гермесе“, 1913, № 3.

[2]) Dussaud, стр. 164—5.

храм был построен, служил деревянный столб, случайно уцелевший от большого пожара, постигшего акрополь.

Интересное открытие случайно сделано в Тиринфе во время мировой войны, зимою 1915—16 г. [1]). В сотне метров от акрополя рабочий местной земледельческой школы копал глубокую яму в саду и натолкнулся на клад, а затем обнаружен был ров, вырытый в фундаменте микенской постройки. Клад перенесли в Афины, в Национальный музей, и он вызвал большое внимание: многочисленные посетители, министр, король с королевой и с одной из принцесс осматривали его. Вещи, составлявшие этот клад, были некогда сложены в большой ящик. Они многочисленны, хорошо сохранились, высокой ценности; много утвари, и тут же оружие, изящный треножник, большая бронзовая ваза. В особенности ценно то, что́ содержала эта ваза: драгоценности художественной работы, из золота, слоновой кости, агата, — браслеты, ожерелья, 2 диадемы из филигранного золота, много прекрасных золотых перстней. На одном — камень с тонко вырезанной морской сценой; другой — необыкновенных размеров, с изображением религиозной церемонии: богиня или жрица, в микенском костюме, сидит пред алтарем, в то время как с другой стороны торжественно шествуют к ней 4 зверообразные фигуры, напоминающие фантастических животных на критско-микенских геммах; вверху — солнце, луна, звезды.

В Олимпии обнаружены остатки очень древнего поселения с круглыми и овальными постройками. Раскопки происходили и в Тегее, Мантинее, Спарте. На греческом континенте Спарта и вообще Лакония являлись с 1905 г. главным средоточием работ Британской Школы в Афинах, под руководством директоров Bosanquet и затем Dawkins'а. Раскопки в Спарте позволяют проследить историю города, его топографию с древнейшего времени, начиная с дорянского завоевания. Исследована городская стена сравнительно позднего времени, а главное — открыты святилище Артемиды Орфии, на месте более древнего и, так назыв., Менелайон, затем — остатки храма Афины Халкиойкос, театра, построенного в римскую эпоху, надписи, проливающие свет на обычаи и организацию спартанского общества и т. д. А неподалеку от Спарты, у Амикл, Фуртвенглер открыл трон Аполлона Амиклейского, описанный у Павсания (III, 18—19). Дальнейшие исследования показали, что этот трон был из камня, именно из мрамора, и имел вид продолговатой четыреугольной постройки [2]).

Дёрпфельд определил местоположение древнего Пилоса у нынешнего Kakovatos, где оказались купольные

1) О нем заметка Glotz'a в Rev. des études gr. XXVIII, 1915.

2) Описание и попытка реконструкции — в Ἐφημ. ἀρχ., 1913, III—IV; А. А. Захаров, Троны богов в древности и их параллель в современном фольклоре (Ж. М. Н. Пр., 1916, май).

могилы микенской эпохи. Он же исследовал Левкаду, которая, по его мнению, и есть Гомерическая Итака, что вызвало большой спор [1]). Под его руководством в годы, непосредственно предшествовавшие мировой войне, велись раскопки на о. Корфу, к которому приурочивают царство феаков с Алкиноем во главе. В раскопках этих деятельное участие принимал император Вильгельм, имевший на этом острове виллу и нашедший рельефное изображение головы Горгоны, о чем он упоминает и в своих недавно вышедших мемуарах [2]).

Находки делались и на дне морском: занимающиеся ловлей губок нашли в 1900 г. у острова Чериготто (древн. Антикифера), к югу от Пелопоннеса, на большой глубине, целый груз бронзовых и мраморных статуй, разной утвари и других предметов; это были античные памятники, очевидно, потонувшие некогда во время перевозки. Греческое правительство не жалело средств, чтобы извлечь драгоценный груз со дна моря; при содействии Археологического Общества это удалось, благодаря неимоверным усилиям водолазов, из которых многие заболели, а один даже умер, и теперь большая часть предметов извлечена, очищена и выставлена в Национальном музее в Афинах. Среди них особенное внимание возбудила прекрасная медная статуя юноши, по поводу которой велся спор, кого она изображает: сначала ее приняли за изображение Гермеса и находили его прекраснее Праксителева; есть много других объяснений: в ней видят Персея, Париса, работы Евфранора, и т. под. В 1909 г., тоже на дне моря, против Тунисского порта Магдия, недалеко от Карфагена, найден корабль [3]), который некогда шел, очевидно, из Пирея, нагруженный скульптурами и стэлами. Он вез, быть может, добычу, которую Сулла отправлял в Рим после ограбления афинской гавани. Из глубины моря извлечены были бронзы, между ними — прекрасный Гермес, в позе оратора, бюст Ники, увенчанный лаврами, сатиры, эроты и гротески — комический актер, плясуны и плясуньи. В числе надписей три пирейских, из которых две из святилища, посвященного герою Паралу, а одна — из храма Амона. Первые две — постановления экипажа Паралии в честь благодетелей; последняя — список даров богу, принесенных афинским народом в 363/2 г.

На острове Мелосе, в Филакопи, Британскою Школою под руководством Хогарта (Hogarth) открыты древнейшие поселения каменного века и следы критско-микенской культуры [4]). Тут имеются развалины трех городов, последовательно строившихся один на месте другого. Наиболее обра-

---

1) Литературные указания — в моем „Введении", стр. 417, прим.

2) Ereignisse und Gestalten aus den Jahren 1878—1918. Leipz—Berl. 1922.

3) Бюллетень Глотца в Rev. hist., 1915, sept.-oct., p. 118; 1916, janv.-févr. p. 111.

4) Excavations at Phylakopi in Melos. 1904.

щают на себя внимание дома второго города, состоявшие обыкновенно из двух комнат, и интересные фрески с изображениями летающих рыб. От третьего города сохранились остатки дворца; улицы этого города пересекались под прямым углом.

Остров Феру, нынче Санторин, исследовал Гиллер ф. Гертринген (Hiller v. Gärtringen) [1]).

Остров этот — вулканического происхождения: он представляет собой край кратера потонувшего вулкана, и в настоящее время в главном кратере когда-то существовавшего вулканического хребта пристают корабли; кратер этот так глубок, что ни один якорь не достает дна. На северо-восточном берегу острова, на дикой скале Мессавуно, Гиллер ф. Гертринген в 1895—8 гг. откопал древний дорийский город. Феру когда-то славился своими каменотесами и один из них, как мы видели, увековечил свое имя в пещере Вари, в Аттике. И древние надписи Феру — на скалах, вне города.

На площади города выдается царская стоя, галлерея, в которой найден стол с весами, служивший своего рода палатой мер и весов. Из почетного декрета времен римской империи, найденного на том месте, где он был поставлен в древности, мы узнаем историю постройки и ремонта этой стои: так как она совсем лишена была крыши, стены и пристройки ее обрушились, а остальное пришло в такую ветхость, что грозило обвалом, и никто не изъявлял готовности починить здание, „необходимое для украшения, удовольствия и величия города“, то гражданин Тит Флавий Клитосфен заявил, что он обещает, по мере сил, возобновить здание.

При крытом рынке находилась хорошо сохранившаяся общественная уборная. Далее — многочисленные частные дома и святилище Сераписа, Исиды и Анубиса, устроенное в громадной скале. Высоко, на горе, расположены гимназия, здание которой, как видно из надписи, восстановил на собранные деньги египетский комендант с офицерами и 210 солдатами около 160 г. до Р. Х., и дом коменданта: в нем караульня с койками в скале. Надписи, между прочим, знакомят нас с жизнью различных союзов — семейных, корпораций, обществ. Мы узнаем даже меню на трапезах таких союзов.

Кладбище с многочисленными могилами открыто на Феру. Могилы двух эпох — архаической и римской, но все с сожиганием умерших, за исключением, разве, детей. Среди погребальных урн, иногда больших, роскошных, — и маленькие амфоры, простые печные горшки, а среди предметов, которые сопровождали покойника в могилу, — различная утварь, детские рожки для молока, детские игрушки, игральные кости, терракоттовые человеческие фигурки, которые должны служить

---

1) Thera. Untersuchungen, Vermessungen und Ausgrabungen in den Jahren 1895—8. Berl. 1899сл., Цибарт, Культ. жизнь древне-греч. городов, стр. 20 сл.

умершему на том свете. „Тут женщины, которые пекут ему хлеб, парикмахер, заботящийся об украшении его, девушки и юноши, услаждающие его музыкой или танцами“ [1])

На Делосе [2]) Ардальон (Ardaillon), при содействии Конвера (Convert) и Кува (Couve), исследовал гавань, доки и частные дома, прекрасно сохранившиеся, богато украшенные, по свежести красок, роскоши и сохранности мозаик не уступающие помпеянским домам. Начиная с 1903 г. Французская Школа вела свои раскопки на Делосе на средства герцога де Лубà, который ассигновал на это большую сумму. Местность у подножия горы Кинфа была разрыта совершенно, и теперь взору открывается древний город с узкими, но хорошо вымощенными улицами, с каменными домами, магазинами и лавками, с прекрасным театром; под храмом иноземных богов, открытым раньше Оветтом, обнаружен древний храм Геры. Много надписей опубликовал Дюррбах, напр., финансовые документы [3]). Делосский храм владел громадным имуществом, вел сложное хозяйство, совершал разные операции: давал ссуды частным лицам и государствам, земельные участки сдавал в аренду, дома — в наем, взимая плату за право рыбной ловли в озере или ловли пурпуровых улиток у берегов острова, за право торговли и даже с лодочников за право перевоза на два близ лежащие острова; неисправных плательщиков привлекал к ответственности. Но велики были и расходы храма, содержавшего своего особого архитектора, певцов, музыкантов, целый штат служащих, тратившего немало на канцелярские принадлежности — на покупку папируса, деревянных белых дощечек для письма и т. под. [4]). Обо всем этом говорят нам делосские надписи. Общее число их более 3000. Среди них интересен, напр., закон [5]), не так давно найденный, регулирующий продажу угля (древесного) и дров, причем запрещается продавать как дороже, так и дешевле раз объявленной цены; устанавливается как-бы prix fixe и не дозволяется скупка товара на месте продажи в целях перепродажи. Эта делосская надпись „представляет огромный интерес и имеет“, по словам одного из исследователей теории и истории хозяйственной жизни [6]), „крупнейшее универсально-историческое значение. При

---

1) Цибарт стр. 20—36.

2) Exploration archéologique de Délos, faite par l'Ecole franç. d'Athènes aux frais de M. le duc de Loubat et publ. sous la direction de Th. Homolle et M. Holleaux P. 1910 сл.; Molinier, Les „Maisons sacrées“ de Délos au temps de l'indépendance de l'île, 315—166 av. J. C. P. 1914.

3) B Bull. de corr. hellén. Его-же Choix d'inscript. de Délos. P. 1921. Дюррбаху поручено редактирование делосских надписей для большого Берлинского собрания Inscriptiones Graecae. Том этот (XI) начал выходить в свет в 1912 г.

4) Н. И. Новосадский. стр. 87—88.

5) Издан в Bull. de corr. hell. за 1907 г.; русск. пер. — у П. Б. Струве. Хозяйство и цена. Спб.—М., 1913, I, 213 сл.

6) П. Б. Струве, стр. 216—217.

свете этой эпиграфической находки все прежние отрывочные намеки и известия, по которым можно было догадываться о том, что тенденции и институты, считавшиеся характерными для средневекового городского хозяйства, были присущи античному миру, получают новое подтверждение и гораздо более определенный смысл. Издатели делосского закона справедливо сопоставляют его с соответствующими постановлениями европейского, в частности, французского средневековья". Имеется аналогичное постановление совета и народа г. Кизика [1]): поручается высшим должностным лицам, архонтам и стефанофорам содействовать тому, чтобы на рынке все оставалось в одной и той-же цене и чтобы никто из продающих никоим образом не вздумал продавать дороже „установленной" цены; поступающему же во вред дешевизне и „портящему рынок", как общему вредителю, грозит наказание, если он гражданин, — лишение права гражданства, если же чужестранец или метэк, — изгнание из города, а его „заведение" должно быть заколочено досками, и выставлено объявление о наказании. Таким образом, здесь устанавливался „максимум цен". В этом постановлении можно видеть [2]) зародыш того знаменитого декрета Диоклетиана о ценах, о котором говорилось раньше.

На о-ве Тиносе (Теносе) Французскою Школою открыт храм Посейдона и Амфитриты. Раскопки бельгийцев на этом острове привели к открытию значительного числа надписей. Из находок особенно обращают на себя внимание солнечные часы астронома Андроника, строителя „башни ветров" в Афинах, с 12 ямбическими триметрами на обратной стороне. На Паросе, как известно, найден новый отрывок хроники — „Паросского мрамора", содержащий хронологический обзор от смерти Филиппа Македонского (336 г.) до архонтства Евктемона, т. е. до 299 г. В акрополе сделаны находки доисторической и раннеисторической эпохи [3]). На Лесбосе, по поручению Немецкого Археологического Института, производил разыскания Кольдевей.

На о. Хиосе открыта надпись, важная в том отношении, что она показывает, как стары демократические черты политического строя у ионян и как много тут общего с конституцией Солона: из этой надписи [4]), начертанной на камне в форме пирамиды (ср. Солоновы „кирбы") и относящейся приблизительно к 600 г. до Р. Х., мы видим, что уже в то время на Хиосе существовала конституция с ответственными „царями", демархами и народным советом (Βουλὴ δημοσία), по 50 членов от

---

1) Dittenberger, Sylloge $_2$, № 366.

2) П. Б. Струве, Хозяйство и цена, I, 221, 311.

3) О них — Rubensohn в Mittheil. d. Deutsch. Arch. Inst. XLII, 1920.

4) Опубликована в 1909 г. Wilamowitz, Nordionische Steine (из Abhandl. d. Berl. Akad. d. Wiss.).

филы, собирающимся в полном составе раз в месяц в качестве совещательного органа и апелляционного трибунала.

Исследование Boehlau некрополя на Самосе не было богато результатами. Но с 1910 г., под руководством Виганда (Wiegand), на Самосе вновь начаты раскопки у Герейона, который отрыт совершенно, и под фундаментом более позднего храма обнаружен древний, законченный еще при Поликрате. Фрагменты и черепки всякого рода, даже из Месопотамии, указывают на далекие международные сношения ионян. А из надписей, найденных на Самосе, особенно интересен закон о приобретении и раздаче хлеба на общественный счет (II в. до Р. Х.) [1]. Для покупки хлеба собран был капитал по подписке (до нас дошли в надписи, хотя и в обрывках, имена подписавшихся с обозначением внесенной каждым суммы, большею частью по 100 драхм). Капитал этот особыми избранными лицами помещаем был под залог имущества, в ипотеки, и под поручительство, а на покупку хлеба шли лишь проценты. „Заведущие хлебом" приобретали хлеб, получаемый в виде двадцатой доли урожая от обработки священной земли богини Геры,—земли, находившейся на азиатском берегу и составлявшей, в сущности, общественную собственность Самоса. Покупать они должны были „по цене, не меньше той, какую раньше установил народ", и купленный хлеб распределять между гражданами „по тысячам" (на которые подразделялось гражданское население Самоса) бесплатно, по 2 меры на каждого ежемесячно. Закон этот носил не временный, а длительный характер.

В древнем Эфесе [2]) изыскания велись англичанами. Еще в конце 60-х и в начале 70-х годов XIX в. как известно, Вудом открыт был знаменитый храм Артемиды. В нынешнем столетии Британская Школа, в лице Хогарта, продолжала раскопки на этом месте (в 1904—7 г. г.). Храм Артемиды отрыт вполне; под ним обнаружены следы нескольких более архаических храмов, из которых древнейший восходит приблизительно к 700 г. В эллинистическую эпоху возник новый Эфес: Лисимах перенес город несколько к западу, ближе к морю. На месте этого Эфеса систематические раскопки, с середины 90-х годов прошлого века, были делом Австрийского Археологического Института; главная же заслуга принадлежала Бенндорфу и Гебердею. Замечательны здесь театр, один из самых обширных, подковообразной формы, из дорогого материала

---

[1]) Wiegand und Wilamowitz в Sitz.-ber d. Berl. Akad. d. Wiss. 1904, XXVII; Thalheim в Hermes, XXXIX, 1904; П. Б. Струве, Хозяйство и цена, I. 210 сл.

[2]) Forschungen in Ephesos veröffentl. vom Oesterr. Arch. Instit. Wien. 1905 сл.; Hogarth, Excavat. at Ephesos. L. 1908; The Archaic Artemision J. Keil, Ephesos. Ein Führer durch die Ruinenstätte und ihre Geschichte. Wien. 1916; Sartiaux, Villes mortes d'Asie Mineure. P. 1911.

(столбы — из полированного гранита и мрамора); агорȁ, которую окружали крытые колоннады; в одной из них, как оказывается из надписей, помещался городской архив, содержавший акты рождений и браков, юридические документы, протоколы и т. под. Но особенно замечательна библиотека, в несколько этажей. В нее вела монументальная лестница; по фасаду ее — три двери, между которыми в нишах стояли статуи, изображающие Науку, Мудрость, Добродетель и Фортуну. Барельефы, украшавшие лестницу, представляют военные сцены из сражений римлян с парфянами. В стенах библиотечной большой залы сохранились еще ниши для книжных полок — для пергаментов и папирусов. Основателем этой библиотеки был консул 92 г. по Р. X., потом правитель Азии, Цельз Полемеан; надпись гласит, что Полемеан взял на себя все расходы, наполнил библиотеку ценными трудами и оставил 25000 римских динариев для покупки новых произведений и для поддержки здания. На башне Лисимаховой городской стены, так назыв. „Павловой темницы", на высоте 4 метров от земли, начертана надпись, свидетельствующая, что у подножия башни раньше было море. Найден в Эфесе и дом, по преданию, место последнего пребывания и успения Девы Марии, и в доме этом, у изголовья ложа, на кирпиче написано по-еврейски собственное имя: „Мариам" [1]).

Раскопки и исследования на месте Пергама продолжались и после Гумана, в конце 80-х и в 90-х годах с некоторыми, впрочем, перерывами и довольно вяло.

В 1898 г. Конце в своей речи „Pro Pergamo" призывал к энергичному продолжению этих работ, которые должны дать богатые результаты. За дело взялся Немецкий Археологический Институт, и с 1900 г. раскопки в Пергаме велись в течение ряда лет под наблюдением Дёрпфельда [2]). Отрыты городские ворота, рынок, на нижней террасе которого стояли водяные часы в виде Гермеса с рогом изобилия — вода в них подавалась по свинцовым трубам, при помощи нагнетательного насоса; здание знаменитой, уступавшей лишь Александрийской, библиотеки, в 4 больших залах которой на каменных цоколях у стен были деревянные полки, а по средине главной залы до сих пор стоит пьедестал колоссальной статуи Афины; гимназии, театр, стоȁ, храм Деметры, улицы, остатки большого водоема и системы канализации, весьма развитой, многочисленные надписи, скульптуры и проч.

Гимназии в Пергаме обращают на себя особенное внимание [3]). Их было несколько. Самая большая из них занимает обширное пространство и представляла собой величественное

---

[1]) Sartiaux, стр. 105.
[2]) Отчеты и сообщения в Mittheil. d. Deutsch. Arch. Instit.
[3]) Лямер, Пергам, Приэна, Пальмира („Гермес", 1909, № 17).

здание, выходившее на главную улицу. Чтобы вполне раскопать его и исследовать, понадобился не один год. В сущности, это было соединение трех учебных заведений [1]), построенных на трех террасах. Круглые пропилеи составляли общий вход. На нижней террасе расположена была гимназия для мальчиков младшего возраста, над нею — гимназия эфебов, а на самой верхней террасе — гимназия „Молодых". Пергамская гимназия устроена была с большим комфортом и даже роскошно. В мраморной зале текла вода из мраморных львиных голов в прекрасные, большие каменные тазы или ванны. В честь лиц, преимущественно гимназиархов, которым принадлежали заслуги в устройстве или развитии гимназии, стоят статуи и колонны; на базах этих колонн и на мраморных таблицах начертаны их имена с перечислением их заслуг. Мы узнаем, что гимназиарх Диодор восстановил пришедшую было в разрушение гимназию „Молодых", сделал пристройку, устроил мраморную экседру и мраморное помещение для купанья или умывания, причем стены были обложены деревом и расписаны; что гимназиарх Метродор не только пожертвовал мраморные ванны, но и устроил разные приспособления, между прочим, для хранения платья купающихся; что гимназиарх Стратон на собственные средства нанимал новых учителей для полноты преподавания и т. под. До нас дошли списки учеников, отличившихся, получивших награды при школьных испытаниях или агонах, состязаниях, с обозначением класса или возраста („старшие", „средние", „младшие", „эфебы", „мальчики") и предмета состязания, или удостоенных перевода, как, напр., тот список 178 удостоенных перевода, из разряда „мальчиков" в разряд „эфебов", который они выставили в 147—6 г. до Р. Х. в одной из ниш пергамской гимназии, вместе со статуей принца Аттала, в честь последнего.

Надпись, обломок которой найден, подтверждает, что основателем большого алтаря, открытого Гуманом, был Аттал II. Но из пергамских надписей особенно замечателен длинный, так назыв., „царский закон" об астиномах, — должностных лицах, на которых лежало наблюдение за благочинием и благоустройством города, — подробный перечень их прав и обязанностей, ставший известным в 1902 г. [2]). Им предписывалось наблюдать за тем, чтобы улицы не занимались и не застраивались частными лицами. Точно определялась ширина улицы и дорог, устанавливалась в точности обязанность владельцев убирать и держать в чистоте улицы. Кто загрязняет улицы

[1]) Надо иметь в виду, что греческие гимназии предназначались для гимнастических упражнений преимущественно, но не исключительно.

[2]) Mitt. d. Deutsch. Arch. Inst. XXVII. 1902; Dittenberger, Orientis gr. inscr. sel., II, № 483, русск. пер. — в сборн. Жаринова, Никольского, Радцига, Стерлигова, стр. 478 сл.; Цибарт. Культ. жизнь др.-гр. гор., стр. 42 сл.

сваливанием мусора или навоза, дожен озаботиться об их очистке на свой счет; в противном же случае эта работа сдается астиномами, и расход, с добавлением денежного штрафа, взыскивается с виновного. Если владелец, в случае новой постройки, воспользуется улицей, чтобы тесать камни, месить глину, рыть землю и класть на поверхности водосточные трубы, то за всякую подобную попытку налагался штраф в 5 драхм; сюда присоединялся, если дело шло о водосточных трубах, еще расход на устройство подземных каналов, которые владелец принуждаем был делать. За очистку улиц от навоза и нечистот отвечали сообща владельцы и обыкновенно сдавали это на общий счет тем, кто меньше запрашивал. В Пергаме, городе, расположенном по крутым склонам горы, были точные предписания относительно построек, как одна к другой должна примыкать, относительно прохода между ними, свободного прохода чрез соседние владения и т. под.—Для охраны источников принимались меры; напр., объявлялось: „никому не разрешается в общественных источниках поить скот, мыть одежду, полоскать посуду или вообще что-либо подобное“; иначе грозили отнятие скота, одежды, посуды, денежный штраф, а если это был раб, то сверх того еще удары и даже арест. Также и в частных домах цистерны и водоемы подлежали надзору; велись даже списки всех таких водоемов, и домовладельцы обязаны были снабжать их крышками и беречь, чтобы они не засаривались; в противном случае предписывалось немедленно произвести очистку под угрозой штрафа в 100 драхм.

Из других надписей отметим, напр., дело городов Питаны и Митилены [1]. Это—огромная мраморная плита, разбитая на 25 кусков, которые постепенно найдены были в Пергаме, бывшем арбитром между названными городами. Спор шел о принадлежности земельного участка. Из надписи, содержащей три документа II в. до Р. Х.—декреты Питаны, Митилены и Пергама,—мы узнаем подробности этого третейского суда, решившего дело в пользу Питаны, которая в доказательство принадлежности ей спорной территории приводила письмо Селевка, подтвержденное пергамским царем Евменом I,—письмо, в котором значилось, что земля уступается ей на вечные времена в бесспорную и полную собственность за 380 талантов. Из фрагмента одной надписи римской эпохи мы узнаем о бунте рабочих, для усмирения которых послан был претор. Или напр., надпись на базе статуи приглашает гостей Аттала: „ешьте и пейте вино Аттала и наслаждайтесь веселым пиром“.

Один русский архитектор (Иванов) завещал Немецкому Археологическому Институту средства, на которые в 1905—6 г. раскопаны курганы под городом Пергамом; в них найдено по саркофагу с совершенно истлевшими трупами; но среди пред-

[1]) Dittenberger, *Orientis gr. inscr.*, I, 335.

метов выдается драгоценный золотой венок с изображением Ники, весом более 400 граммов.

В Магнесии-на-Меандре раскопки в начале 90-х годов (1891 сл.) велись Гуманом при содействии Дёрпфельда, Керна и некоторых других лиц. Открыт храм Артемиды Левкофриэны и жертвенный алтарь пред ним, театр, агорà с примыкающим к ней храмом Зевса „Спасителя города“, многочисленные письма царей и декреты городов, касающиеся праздника местной богини, Артемиды Левкофриэны, отрывок легендарной истории города. Вообще надписи Магнесии принадлежат к числу интересных. Такова, напр., надпись о третейском суде Магнесии между двумя критскими городами — Итаной и Гиерапитной (139 г. до Р. Х.) [1]. Сохранилась она в двух экземплярах; один, известный уже раньше (имеется у Бёка), найден близ древней Итаны на монастырском кладбище—он служил надгробной плитой на могиле монаха, а теперь вделан во внешнюю стену церкви; другой вырыт в Магнесии, перевезен в Берлин и издан Керном. Оба экземпляра сохранились, к сожалению, не в полном виде. Надпись представляет собой решение 17 судей, названных поименно, которые отнеслись к делу с большою тщательностью, работая не только днем, но и ночью, „прияв на себя всяческие неудобства“ ради того, чтобы ничего не упустить. Надпись излагает все перипетии дела подробнейшим образом, приводятся основания для решения, цитаты из разных договоров, ссылки на документы, на описания границ, на карты местности (дело шло об островке Левке и расположенном напротив него на берегу Крита округе). Интересны и школьные документы Магнесии, содержащие, напр., подробности о празднествах, в которых принимала участие школа, присутствовали депутации из мальчиков и девочек и т. под.

Систематические раскопки в Приэне [2], небольшом провинциальном городе эллинистической эпохи, начаты в 1895 г. под руководством тоже Гумана. Но Гуман умер среди кампании (1896), и после его смерти раскопки велись под наблюдением Виганда (Wiegand) [3]. Открыт целый город с ясными очертаниями улиц и площадей, с остатками окружной стены, храма, портиков, театра, наилучше сохранившегося из всех греческих театров, гимназии, частных домов... Нигде картина греческого города эллинистической и римской эпохи не представлена так наглядно, как здесь. Недаром Приэну называют

---

[1] Dittenberger, Sylloge, II, 429.

[2] Развалины Приэны посещали еще в XVIII ст. англичане Чэндлер и Реветт. В 1868 г. в ней вел беглые раскопки английский архитектор Pullan, а в 1873 г.—французы Thomas и Rayet.

[3] Wiegand und H. Schrader, Priene. Ergebn. d. Ausgrab. und Untersuch. in. d. Jahren 1895—8. Berl. 1904; надписи Приэны изд. Hiller v. Gärtringen (1906); отд. оттиск из этого издания—Gesch. и Erforsch. von Priene.

„мало-азиатскими Помпеями“. Стоят, напр., еще и теперь довольно высокие стены гимназии; можно даже вычислить, сколько кубических аршин в классных комнатах; у дверей одной из них—историческая работа воспитанника: список эфоров. Стены гимназии испещрены надписями, сделанными учениками; мы можем прочесть имена учеников, знать, где сидел обладатель того или другого имени. Некоторые надписи едва нацарапаны, с большими описками. Другие документы говорят о приглашении преподавателей, о гимназиархах, о их карьере. Все это свидетельствует о той жизни, которая некогда била ключом в этих ныне опустелых стенах... [1]) Характерна надпись—уже римской эпохи—из которой мы узнаем, что одна богатая женщина в Приэне устроила на свой счет бассейн и глиняные трубы, а в благодарность за это она, женщина, была удостоена почетной должности „стефанофора“. В высокой мере интересна также большая надпись начала II в. до Р. Х., начертанная на стене храма Афины в Приэне, содержащая подробный протокол [2]) о распре между этим городом и Самосом, тянувшейся столетия, из-за соседней территории, и о третейском суде по этому поводу. А на камне, найденном на о-ве Самосе, имеется рескрипт Лисимаха [3]), царя Фракии, избранного в третейские судьи, касающийся этого же дела. Среди мелких надписей, найденных в Приэне, не лишены интереса печати с именами стефанофоров на сосудах, содержавших в себе медицинские средства,—гарантия того, что содержимое этих сосудов не фальсификация.

Немцы вели раскопки и в Милете: с распространением политического и экономического влияния Германии в М. Азии шли рука об руку и ученые разыскания.

На месте древнего Милета, „красы Ионии“ (Герод., V, 29), торговой метрополии и как-бы столицы мало-азиатских греков, раскопки Виганда и его сотрудников, с 1899 г. ведшиеся, как и раскопки в Магнесии и Приэне, по поручению Берлинских музеев, дали богатые результаты [4]). Исследована стена, шедшая вокруг города, и ее направление и устройство теперь ясны; открыты два рынка, из которых больший, южный, окружен двухэтажною дорическою колоннадой и магазинами; роскошный „Нимфейон“, с бассейном и трубами для воды; гимназия, термы, булевтерий—здание совета или думы, с пропилеями, передним двором, алтарем и главным помещением,

---

[1]) Ziebarth, Aus dem griech. Schulwesen. Berl.—Leipz. 1914 (2-te Aufl); ст. Б. В. Варнеке в „Рус. Школе“, 1911, март; моя—в «В. Евр.»; 1911, апр. и „Античн. и современность“. Спб. 1914 (2-е изд.), стр. 729 сл.

[2]) Sammlung d. gr. Dialekt-Inschr., hrsg. von Collitz und Bechtel, III, № 3758.

[3]) Dittenberger, Or. gr. inscr., I, 13.

[4]) Wiegand, Milet. Ergebnisse d. Ausgrab. und Untersuch. seit d. J. 1899 Berl. 1906 сл.

представляющим залу с сидениями, на подобие театральной, сохранившееся настолько, что его удалось восстановить, и таким образом впервые получилась ясная картина греческого булевтерия. Но особенно замечателен в Милете театр, развалины которого возвышаются на 30 метров, имеющий в поперечнике 140 м., а в окружности до 500, и вмещавший до 25—30.000 зрителей, самый большой из всех мало-азиатских. В театре этом были и постоянные места. Так, в центре первого яруса обозначено „место иудеев и богобоязненных". Театр этот—римской эпохи, но построен он на месте более древнего, греческого, и с его ступеней открывался величественный вид на гавань, на море с близ лежащим островом Ладе; вершины гор Самоса и мыс Микале окаймляли картину справа, а известковые горы Карии—слева... Возле святилища Аполлона Дельфиния и у входа в гавань замечательна мостовая: сначала она лежала довольно низко, и воды Меандра могли ее заливать, и вот, в поздне-римскую эпоху для поднятия ее уровня употреблены были высокие, толстые мраморные стэлы из святилища, с надписями, которые и сохранились. В течение кампании 1906—7 г. Виганд открыл остатки древнейшего Милета, разрушенного персами после подавления восстания Ионии (495—4 г.).

Не буду перечислять отдельных находок в Милете и коснусь только надписей. Из них, напр., мы узнаем, что при постройке театра происходили какие-то недоразумения между рабочими с одной стороны и подрядчиком и руководителем работ, архитектором Менофилом, с другой; дело доходило чуть не до забастовки каменщиков, которые, наконец, обратились к оракулу, спрашивая его: „выводить ли им арку и свод над колоннами и взять эту работу на себя или заняться другою", бросив прежнюю? Есть между надписями длинное письмо царя Евмена II к ионийскому городовому союзу, фрагменты милетского календаря начала II в. до нашей эры, список „стефанофоров", служащий основой милетской хронологии, устав общества певцов; есть указания на существование в Милете культа иноземных богов, в том числе Иеговы. Особенно интересна надпись, не так давно найденная в святилище Аполлона Дельфиния, служившем главным городским архивом, опубликованная впервые Цибартом [1]) и касающаяся пожертвования на образование „свободных мальчиков": некий Евдем, движимый желанием сделать доброе дело для народа и оставить на вечные времена наилучшую и достославную память о себе, пожертвовал на это дело 10 талантов от имени своего и своих братьев. Капитал должен быть передан в народный или общественный банк и там записан в счет города под рубрикой

[1]) Ziebarth, Aus dem griech. Schulwesen. По поводу этой книги — ст. Б. В. Варнеке в „Рус. Школе", 1911, март, и моя в „В. Евр.", 1911, апр. (то же в „Античн. и соврем.").

„пожертвования Евдема на образование свободных мальчиков“; подробно устанавливался „надлежащий порядок“ приема пожертвования, хранения его и расходования процентов с него. Особенно интересны тут постановления относительно учителей, их выборов, жалования и т. п. [1]). Из надписи этой также узнаем о существовании в Милете общественного или городского банка. Две другие надписи, недавно найденные, касаются городских займов. В 205/4 г. до Р. Х. Милет выпустил внутренний заем, к которому привлекались граждане; капитал в 3600 драхм вносился в общественный банк в два срока: 2000 при подписке и 1600 др. спустя 5 месяцев и давал право на пожизненную ренту в 30 драхм в месяц, т. е. приносил 10%. 40 подписавшихся доставили городу более 23 талантов. В другой раз (в 282 г.) Милет должен был обратиться к богатым гражданам Книда; те ссудили деньги под личную гарантию со стороны 75 милетян, причем удовольствовались 6% с 9 тал. 10 мин, данных в ссуду на 3 года, и отказались от всяких процентов с 3 тал., данных на один год, за что жители Милета почтили их благодарственным декретом.

По соседству с Милетом, в Дидимах, на месте святилища Аполлона Бранхидского, новые разыскания Оссулье и Понтремоли [2]), а затем Виганда, раскрыли фасад и план этого колоссального храма, который никогда не был закончен вполне. До нас дошли счета по его постройке, контракты с подрядчиками, строительные планы и модели; мы узнаем подробности о ценах на рабочие руки, о щедром даре Селевка, о перевозке камней и ходе постройки частей храма.

Вдали от морского побережья, в древних Траллах, производил раскопки от имени Константинопольского музея турецкий археолог Эдхем-бей, сын директора этого Музея, известного Гамди-бея.

Крупные открытия сделаны на о-ве Косе. Здесь в древности процветала медицинская школа знаменитого Гиппократа, и господствовал культ Асклепия. Давно уже являлась мысль об открытии храма Асклепия, „Асклепиейона“, существовавшего на этом острове. В 1898 г. немецкий ученый Герцог (Herzog) начал свои разыскания [3]). На первых порах главным резуль-

---

[1]) Подобное же постановление г. Теоса по поводу пожертвования одного гражданина известно было уже раньше. Чтобы все свободные дети воспитывались согласно заявленной воле жертвователя, говорится в этой надписи, постановлено: каждый год при выборах властей в народном собрании избирать 3 учителей грамоты, которые будут обучать мальчиков и девочек совместно. Далее упоминается о жаловании учителям, о делении учащихся на классы или разряды, о публичных экзаменах, о наблюдателях в лице педонома и гимназиарха, особых о них законах и т. д.

[2]) Pontremoli et Haussoullier, Didymes. Fouilles de 1895 et 1896. P. 1903.

[3]) Herzog, Koische Forschungen und Funde. Leipz. 1899; S. Reinach, Les fouilles de Cos (Rev. Arch., 1904, janv.-févr.).

татом их были многочисленные надписи. Но в 1902 г. по указанию Paton'a, который сам занимался надписями Коса, Герцог начал раскопки в получасовом расстоянии от города, у монастыря, где виднелись остатки древнего большого храма. Это и был Асклепиейон, которого давно искали. Он весь из белого мрамора, окружен портиками и стоял на обширной террасе, к которой вела большая мраморная лестница в 60 ступеней; построен он около начала II в. до Р. Х. Ниже его — еще два храма и алтарь. Раскопки 1903 г. показали, что один из этих храмов — более древний — Асклепиейон. Следуя указанию одной надписи, Герцог нашел подземную храмовую сокровищницу, но она оказалась пустою. На нижней террасе открыт прекрасный бассейн, в который вода текла из источника между алтарем и третьим храмом. Близ него — большая площадь, служившая рынком и в то же время местом прогулки для пациентов. Благодаря открытию, теперь мы имеем ясное представление об Асклепиейоне. — Из многочисленных надписей, найденных Герцогом, наиболее обращает на себя внимание постановление по поводу поражения галлов у Дельф 279 г., — постановление, по которому в Дельфы снаряжается посольство с приношениями, а в самом Косе вводится особое празднество; надпись относительно устройства великого празднества, совершаемого в честь Асклепия каждые 4 года, и ответы — на извещение о празднествах — разных городов и царей, причем ответ Спарты поражает своим „лаконизмом", а вифинский царь пишет длинное послание на плохом греческом языке; благодарность критского правительства за присылку военного врача и вообще надписи в честь врачей и третейских судей, приглашавшихся из Коса в другие города, — очевидно, Кос славился в древности как теми, так и другими — и проч.

На Родосе одно время производил исследования наш соотечественник С. А. Селиванов [1]), а с осени 1902 г. раскопки велись в городе Линде „Фондом Карлсберга" под руководством датских ученых Blinkenberg'a и Kinch'a [2]). Совершенно открыты пропилеи и храм, найдено много кусков ваз и терракоттовых женских фигурок VI и V ст. и более древних фигур из терракотты и фарфора, мелких вещей из слоновой кости и проч., повидимому ввезенных из Финикии, Кипра и Египта. Оригинальный памятник нашел Kinch на акрополе в Линде: сложенный из камней, он изображает нос корабля в натуральную величину и был посвящен (в средине III в. до Р. Х) офицерами и гарнизоном, участвовавшими в морской войне. Найдено много надписей, большею частью касающихся истории искусства (содержат известия о художниках), а также полный список всех должностных лиц и жрецов города.

---

[1]) Оч. древн. топогр, о-ва Родоса. Каз. 1892.
[2]) Explorations archéol. de Rhodes, 1903 сл.

Но в особенности замечательна открытая в 1904 г. в полу небольшой церкви св. Стефана в акрополе и изданная в 1912 г. Блинкенбергом храмовая хроника города Линда [1]). В начале помещено народное постановление, относящееся к 99 г. до Р. Х.: по предложению Гагеситима избрать двух комиссаров, которые должны составить на основании архивных документов и исторических трудов доклад о приношениях, сделанных в храм как до, так и после пожара, его опустошившего ок. 340 г., и о явлениях богини, должным образом констатированных. Один из комиссаров — сын Гагеситима, Тимахид, философ и поэт. Вслед за декретом на той же стэле находится и доклад. В нем перечисляются приношения, указываются каждый раз лицо, принесшее дар, обстоятельства, при которых дар был посвящен, дается краткое описание посвящаемого предмета, и делаются подробные ссылки на исторические труды, а с эпохи Александра на документы. В числе жертвователей мы встречаем самых разнообразных лиц, представителей разных стран и национальностей, между прочим, египетского царя Амасиса, Артаферна, „стратега царя персов", в момент похода его против Греции, персидского царя Артаксеркса, Александра Македонского, Птолемея, Пирра и друг. Хроника проливает новый свет на внешние отношения Родоса. Из описываемых предметов обращают на себя внимание: „весьма древняя картина"; „деревянная корова с теленком"; 2 египетских статуэтки из золота с надписью по-гречески и иероглифами; сокровища, присланные „великим царем" и состоящие из кольчуги с позолоченной чешуей, тиары, сабли, украшенной геммами, золотого ожерелья с драгоценными камнями, „все весом 1.375 золотых драхм". Но в особенности важны подробные ссылки на источники, обильные указания на греческих историков и александрийских ученых: приводятся ссылки на архивные документы; мы узнаем массу новых для нас имен авторов и заглавий сочинений, дотоле нам неизвестных или утраченных, — ценный материал из области греческой историографии и истории греческой литературы.

Kinch в 1907 и 1908 г.г. вел раскопки во Врулиа [1]) на юге о-ва Родоса и как раз перед началом мировой войны опубликовал результаты их: здесь открыто типичное поселение греческого колонизационного периода.

Новейшие раскопки итальянцев на Крите, на месте древней Гортины, показали, что здание, на стене которого находилась знаменитая Гортинская надпись, было Одеоном. Найдено два новых обломка этой надписи и значительное число

---

[1]) Blinkenberg, La chronique du Temple Lindien (Explor. arch. de Rhodes, VI). Copenhague. 1912.

[1]) Kinch, Fouilles de Vroulia (Rhodes). Berl. 1914; ср. Nilsson'а в Deutsche Liter.-Zeitung. 1915. No 6.

иных документов. Открыт храм египетских божеств: статуи Исиды и Сераписа стоят в нем по соседству со статуями Зевса и Гермеса.

На Кипре исследования производил Онефальш-Рихтер; потом здесь предприняты были раскопки Британским музеем, под руководством Murray [1]); они сопровождались выдающимися находками: найдено свыше 100 микенских гробниц, с большим числом предметов из золота, слоновой кости и проч. А Цан (Zahn), производя раскопки у древнего Пафоса (1910) по поручению Берлинской Академии Наук, открыл следы храма, посвященного, повидимому, Афродите, и вблизи, между прочим, посвятительные надписи Афродите и Аполлону, начертанные кипрским слоговым письмом.

Велись раскопки и во время войны. На Галлиполи, напр., двумя французскими офицерами в 1915 г. отрыта часть некрополя древнего Элейунта. В Константинополе и его окрестностях раскопки под руководством французского генерала Тарн пролили новый свет на топографию древней Византии и т. д.

Об экспедициях в Малую Азию речь шла уже в I части.

На запад от Греции, в Италии, в Помпеях раскопки продолжались. В 1894—5 г. сделано замечательное открытие: отрыт дом Веттиев с богатой, хорошо сохранившейся живописью: в нем более 180 картин [2]); обращает на себя внимание своей обстановкой и Casa degli Amorini dorati,— дом, названный так по украшавшим его золотым амурчикам. Близ Помпей, в Боскореале, открыто сельское поместье и в нем богатый клад, серебряная утварь, смесь элементов эллинистических и римских. Вещи эти в момент страшной катастрофы, постигшей Помпеи и их окрестности, были, повидимому, собраны, но их не успели унести. Теперь эти вещи находятся в Париже: их приобрел Эдм. Ротшильд и пожертвовал в Лувр [3]).—На месте древних Фурий, основанных на почве Сибариса в век Перикла, найдены золотые пластинки с орфическими надписями. Греческие храмы в Южной Италии и Сицилии исследованы вновь Пухштейном и Кольдевеем. В Калабрии вел раскопки Орси. В 1921 г. в Селинунте продолжались раскопки сокровищницы Деметры; обнаружено большое число предметов культа, священных приношений — головок и женских статуэток. В Сиракузах открыта усыпальница, высеченная в скале; а в сиракузском амфитеатре найдена прекрасная кариатида, вделанная в известняк времени Гиерона II [4]) и т. д.

---

[1]) Murray, Smith and Watters, Excavations in Cyprus. L. 1908; A de Ridder, Les antiquités chypriotes. P. 1908.

[2]) Об этом доме — ст. В. А. Шеффера в Χαριστήρια (Сборн. в честь Ф. Е. Корша). М. 1896.

[3]) Михаэлис, стр. 279 сл.

[4]) Анналы, III, 1923 („Хроника“, стр. 325).

Продолжались раскопки и в южной России[1]. В Херсонесе это дело продолжал вести, еще с бо́льшим успехом, К. К. Косцюшко-Валюжинич[2], готовый назвать Херсонес не только „русскими Помпеями, но и русскою Троей“. Им исследованы, между прочим, городские стены под византийскими развалинами греческой и римской эпохи, громадной толщины, из тщательно отесанных камней, с башнями и воротами; нижняя часть их впоследствии (в I в. по Р. Х.) была искусственно засыпана землею, и внутри этой засыпи были сложены склепы и проложены гончарные трубы водопровода. Исследован также некрополь, в некоторых могилах которого нашлось немало урн — одна из них с надписью: „приз с (праздника) Анакий“ — и украшений: золотых бляшек, перстней, ожерелий, ушных подвесок, лампочек, флаконов и проч.; открыты могилы и склепы римской эпохи, а также следы неолитической культуры. Вообще в Херсонесе найдено много предметов — монеты, статуи, посуда, принадлежности хозяйства, рыболовства, ремесла, игрушки. Не говорю уже об открытии памятников позднейших эпох, как напр., византийский храм. В Херсонесе устроен музей местных древностей. Преемником и продолжателем К. К. Косцюшко-Валюжинича, скончавшегося в 1907 г., был Р. Х. Лёпер, открывший, между прочим, херсонесские укрепления Казачьей бухты на большом протяжении. В 1909—11 г. на месте старого Страбоновского Херсонеса, от „оборонительных“ стен до Херсонесского маяка, производил археологические разыскания полковник Н. М. Печенкин[3]. Результатом их было открытие остатков частных домов, бань, винных погребов, башен, ворот и следов виноградников. Это решило вопрос о топографии так назыв. Старого Херсонеса и, вместе с тем, выяснило систему земельного уклада и аграрного быта жителей древнего Херсонеса.

Из эпиграфических находок в Херсонесе, кроме замечательной надписи на пьедестале статуи в честь Митридатова полководца Диофанта, найденной еще в 1878 г., следует отметить новый гимн Гермесу, — стихотворение, повидимому II в. по Р. Х., начертанное гимназиархом Демотелом в благодарность за победу на играх; постановление херсонесцев в честь их метрополии, „прародительского“ города Гераклеи Понтийской, римской эпохи; почетный декрет в честь некоего херсонесского гражданина, сообщающий интересные данные относительно

[1]) Кроме раньше указанных, — ст. Э. Р. Штерна в Hermes, L. 1915; Д. И. Багалей, Рус. Ист. М., I, 1914.

[2]) Его отчеты в „Изв. Археол. Ком.“ и в „Крымск. Вестн.“ за соответствующие годы; В. К. Мальмберг, Описание классич. древн., найден. в Херсон. в 1888—9 г. (Матер. по археол. Рос., 1892); А. Л. Бертье-Делагард, Раск. Херс. (там же, № 12, 1893); его же, О Херсонесе. Спб. 1907 (из „Изв. Арх. Ком.“); М. Я. Энгель, Рус. Помпея. Севаст. 1903; А. А. Бобринский, Херс. Тавр. 1905; Е. Э. Иванов, Херс. Тавр. Симфер. 1912.

[3]) Его отчет — в „Изв. Арх. Ком.“, вып. 42.

устройства Херсонеса, и в честь историка Сириска, — о произведении которого мы узнаем из этой надписи; договор херсонесцев с Фарнаком, понтийским царем (первой половины II в. до Р. Х.), — договор, от которого сохранилось главным образом клятвенное обещание Фарнака охранять Херсонес, помогать ему в случае нападения варваров, поддерживать в нем демократический строй. Но в особенности замечательна „Присяга херсонесцев“ [1]).

Плита с этой надписью, разбитая на две части, найдена в 1890—91 г. в раскопанной христианской церкви (византийской эпохи), где она была употреблена в качестве материала для настилки пола. Присяга, очевидно, гражданская. Именем „Зевса, Земли, Солнца, Девы, богов и богинь Олимпийских и героев, кои владеют городом, землею и укреплениями херсонеситов“, дается клятва: отстаивать благо и свободу города и граждан; не предавать ни Херсонеса, ни его владений никому; не нарушать демократии и не дозволять другим этого; служить демиургом и членом совета „как можно лучше и справедливее для города и граждан“; не выдавать тайн; не давать и не принимать даров во вред городу; не вступать в заговор, а в случае какого-либо заговора доводить о нем до сведения демиургов; „хлеба, вывозимого с равнины, не продавать и не вывозить в другое место с равнины, а только в Херсонес“. Мы видим из этой надписи, относящейся к концу IV или к III в. до Р. Х., что в Херсонесе была демократия, с советом, коллегией демиургов, народным судом, куда доступ открыт был всем полноправным гражданам. Интересно, какое значение херсонесцы придавали хлебной торговле, доставлению хлеба в их город. Из надписи видно, что владения Херсонеса не ограничивались одним городом и его ближайшими окрестностями, но простирались на целую область, „равнину“; в ней упоминаются „Керкинитида, Прекрасная Гавань и иные укрепления и земли, которыми херсонеситы владеют“.

Вопрос о местонахождении Керкинита или Каркинита был спорный. Он решен недавними раскопками в Евпатории и ее окрестностях [2]). В 90-х годах XIX ст. здесь производил раскопки гражд. инженер Н. Ф. Романченко. Близ Майнакской грязелечебницы он нашел какие-то постройки, а близ нынешнего городского театра — античное кладбище V—II в. до Р. Х. Среди находок оказались монеты Керкинита, а это давало основание думать, что Керкинит находился у Евпатории. В курганах, в окрестностях Евпатории, копал преподаватель тамошней гимназии В. Ф. Штифтар с гимназистами. В январе 1917 г. начал производить разыскания в Евпатории, по пору-

---

[1]) Издана впервые В. В. Латышевым в „Матер. по археол. России“, Спб. 1892 (текст, перевод и комментарий).

[2]) Л. А. Моисеев, Из истории западн. побережья Тавриды. I. Херсонес Таврич. и раскопки 1917 г. в Евпатории (Изв. Таврич. Архивн. Ком., 1918, № 54).

чению Археологической Комиссии, Л. А. Моисеев, заведующий после Р. Х. Лёпера херсонесскими древностями. Между Майнакским озером и морем, ближе к Майнакской грязелечебнице, открыты фундаменты большого эллинистического дома, построенного на месте древнейших сооружений; а на границе старого и нового города, на возвышенном месте, обнаружены следы античного города, как доказывает Л. А. Моисеев, — Керкинита[1]); уяснены его границы, направление его улиц, его стен с башнями; найдены многочисленные клейма на амфорах и монеты Херсонеса и Керкинитиды, свидетельствующие о нескольких эпохах в существовании этого города, с конца VI или начала V в. и до конца II в. до Р. Х., когда античный город был разорен варварами, и греки покинули его.

С первых лет нынешнего столетия начались, наконец, систематические раскопки на месте древней Ольвии[2]). Ольвия — „торжище Борисфенитов“ (Герод., IV, 17), некогда богатый город, основанный колонистами из Милета в VII в. до Р. Х. у устьев Буга. Она насчитывала 1000 лет в своем существовании; разоренная гетами в середине I в. до нашей эры, она потом несколько возрождается под римским владычеством, пока не погибла окончательно. Развалины ее находятся у нынешнего села Парутина. На важность раскопок в Ольвии указывал еще гр. А. С. Уваров в 50-х годах прошлого столетия; он впервые свел воедино известия древних о ней, произвел некоторые раскопки. Через 20 лет, в 70-х годах, Е. И. Забелин и В. Г. Тизенгаузен пытались найти стены Ольвии, которая, „заброшенная на край цивилизованного мира, окруженная варварами“, должна была иметь сильные укрепления, но безуспешно. Дело раскопок затруднялось еще тем обстоятельством, что древний город находился на земле, принадлежавшей частному лицу, гр. Л. А. Мусиной-Пушкиной, не разрешавшей производить изыскания. Древности Ольвии расхищались и сбывались большею частью заграницу. Для покупки и продажи их организованы были в Одессе, Николаеве, Очакове даже конторы. Ольвийские древности можно было встретить и в Америке, в музее миллиардера Моргана. Жители соседнего села Парутина промышляли добыванием древностей, особенно во время бывшего в той местности голода, в 1899 г. Некто Фогель, агент одной немецкой фирмы по торговле хлебом, успел составить целую коллекцию, которую тщетно предлагал приобрести Эрмитажу,

[1]) На то, что Керкинит находился в районе Евпатории, еще в 1880 г. указывал П. О. Бурачков.

[2]) „Известия“ и „Отчеты Археол. Ком.“, в том числе — Б. В. Фармаковского, Раск. в Ольвии в 1901—3 г. („Изв.“, вып. 13, и отдельно. Спб. 1906) и его доклад „Olbia“ на Археол. Конгр. в Каире („Изв.“, в. 33, 1909); его-же Ольвия. М. 1915 (из „Экскурс. Вестн.“); ст. Э. В. Диля в „Гермесе“, 1914, № 1—2, и 1916, № 10; Н. М. Черемухин, На раскопк. Ольвии. М. 1913; С. А. Семенов, Сказочн. Ольвия (из сборн. „Посев“). История Ольвии написана В. В. Латышевым (Спб. 1887).

и которая потом была распродана заграницей. Можно сказать, что открытие Ольвии — дело Б. В. Фармаковского, с 1901 по 1914 г. ежегодно производившего в ней раскопки по порученню Археологической Комиссии, которой тогдашний новый владелец А. А. Мусин-Пушкин предоставил право делать раскопки на принадлежавшей ему земле, а председатель Комиссии, гр. А. А. Бобринский, выхлопотал на это средства. Теперь раскопки велись систематически, по определенному плану.

В 1901 г. Б. В. Фармаковским исследован некрополь, раскопан любопытный склеп Еврисибия и Ареты, к сожалению, разграбленный; открыто много могил, преимущественно III—II в. до Р. Х.; найдены разнообразные вещи; в общем получилась полная картина обряда погребения в Ольвии. Из найденных украшений обращают на себя внимание, напр., прекрасные ушные подвески и ожерелье ионийской работы VI в., а из сосудов — терракоттовые вазы с рельефными изображениями; одна из них представляет unicum среди археологических находок юга России: это — эффектная амфора, покрытая коричневым лаком, имеющая на плечах, ручках и крышке белую облицовку и украшенная разноцветными рельефными изображениями акантовых и виноградных листьев и человеческими головками.

1902 г., по Б. В. Фармаковскому, открывает новую эру в истории археологического исследования Ольвии: после долгого перерыва, со времени раскопок И. Е. Забелина и В. Г. Тизенгаузена, снова могли быть произведены раскопки на месте самого города. Удалось сперва найти остатки стен с башнями римской эпохи, составлявших как бы цитадель и занимавших сравнительно небольшое пространство; мощеную улицу; следы большого здания, быть может, храма Аполлона; под большим курганом на берегу Буга — обширный погребальный склеп римской эпохи (II — III в. по Р. Х.), состоящий из 2 помещений со сводом в виде арки, хорошо сохранившийся, но разграбленный, а в некрополе — многочисленные древние могилы VI — V в., так что в Ольвии оказались представленными все последовательные эпохи, начиная с VI в. до Р. Х. и кончая III в. по Р. Х.; найдены художественные фрагменты из мрамора, предметы архаической эпохи, ионийские расписные вазы, пифы, амфоры, монеты. Но особенно интересна площадка, вымощенная разноцветными камешками, образующими красивый ковровый узор с фигурами животных, напр., крылатого льва. Повидимому, это — двор, который окружен был с трех сторон портиками; открыты остатки дома эллинистической эпохи, представляющего аналогию греческому дому в описании Витрувия и составляющего как бы среднее звено между домами в Приэне и на о-ве Делосе.

В 1904 г. открыты, наконец, следы древнего города с VII в. до Р. Х. по IV после Р. Х., с его грандиозными стенами. Главная задача разрешена только в 1907 г.: открыты большая

выемка или ров, за ним следы древнейших стен на широких фундаментах, очень прочных, устроенных — с целью укрепления почвы — из слоев золы, перемешанной с углем, и трамбованной глины, и остатки 2 башен у ворот. В земляном полу одной из них склеп из штучного прекрасного камня. В древнейшую пору город занимал гораздо бо́льшую территорию, нежели в римскую эпоху.

Остатки городских стен Ольвии древнейшей эпохи ничтожны. Раскопками 1907 г. определено местонахождение этих стен, а раскопки 1908 г. определили место главных городских ворот; открыты остатки монументальных сооружений — башен: с запада и севера город укреплен был мощными стенами и башнями; точно установлены границы города в до-гетскую эпоху; найдены остатки городских построек и трупосожжения; сделаны многочисленные мелкие находки (более 4000 предметов), имеющие значение для истории искусства и художественной промышленности Ольвии, для характеристики отношения Ольвии в разные эпохи к центрам античной культуры. Раскопки 1909—10 гг. показали, что город расположен был амфитеатром, напоминая в этом отношении Приэну. По аналогии с последней надо полагать, что главная часть Ольвии находилась именно в приречной местности. Продолжалось и исследование некрополя; открыт ряд могил архаической эпохи, эллинистической и римской. Среди остатков построек замечателен дом с двором, имеющим 4 портика по сторонам. Он напоминает дом, открытый в 1902—3 г. Во дворе — алтарь, культовая комната, посвященная Кибеле. Б. В. Фармаковский ставил вопрос: не имел ли этот дом общественного значения, тем более, что он по своему плану напоминает пританей Приэны? И открытый в 1909—10 г. дом не представляет ли пританей Ольвии? Он приблизительно одного времени с домом, открытым в 1902—3 г., немного лишь позднее (по типу двора с 4 портиками по сторонам), не ранее второй половины II в. до Р. Х. — Из находок изяществом отличается рельефный медальон чаши с изображением бюста Эрота с плющевой гирляндой на груди; стиль свидетельствует о пергамском происхождении оригинала медальона; затем большая ваза в виде смеющегося и хватающегося за голову силена.

В некрополе найдены предметы архаической эпохи, напр., ионийские сосуды; интересен небольшой сосуд из египетского фаянса в виде группы ежа с человеком, — амулет для хранения ароматической жидкости; следует отметить также архаические серьги, архаическое ожерелье.

При раскопках 1913 г. внимание обращено было главным образом на некрополь. Найдено более 100 могил; значительная часть погребений — архаического времени, преимущественно VI в. до Р. Х., затем эллинистической и римской (императорской) эпохи; к собственно классической эпохе относятся лишь немногие. Раскопан и большой курган, названный „Курганом

С. А. Половцовой", с каменным склепом и дромосом; но погребение разграблено совершенно. Из тогдашних находок обращает на себя внимание известковая плита, в виде надгробного памятника, с изображением сидящей Кибелы с львенком на коленях.

Раскопки Б. В. Фармаковского в Ольвии осветили историю возникновения и роста города, дали картину его жизни в разные периоды, в особенности в эпоху эллинистическую. „Мы можем теперь иметь представление о характере распланировки улиц в древней Ольвии эллинистической эпохи и о благоустройстве города. Распланировка, очевидно, была очень правильная; улицы были не особенно широкие (до 3 метров); они были хорошо вымощены; всюду была сплавная система. Обстановка домов, поскольку можно судить о ней по найденным кускам росписи (фрески сплошной раскраски, большею частью красной, желтой, белой, реже других тонов) и вымосткам полов, отличалась простотой, но и художественностью. Многочисленные найденные в развалинах обломки фасадов домов, перистилей и обломки предметов художественной промышленности говорят о быте, чисто эллинском по духу, и о развитом вкусе древних обитателей Ольвии. Открытые раскопками 1909 — 14 гг. развалины античного города, существовавшего на русской почве, наглядно и красноречиво свидетельствуют о некогда бившей здесь ключом богатой культурной жизни" [1]. В художественном отношении в Ольвии обнаруживается сначала влияние Милета и других ионийских городов, потом Афин, наконец Пергама и Александрии. Ольвия в архаический период весьма сильно влияла на обширные области Скифии, где „элементы культуры, сообщенные ионийцами из этой милетской колонии, жили много веков и создали, между прочим, основы того «звериного» стиля, который имел громадное значение для сложения нашего народного искусства. — Первоосновы культуры и у нас оказываются античные, греческие" (Б. В. Фармаковский).

В Ольвии за 1910—14 гг. найдено огромное количество предметов, до 40.000 номеров. Хранятся они в Петрограде, в Академии Истории Материальной Культуры, учрежденной в 1919 г. и заменившей собой прежнюю Археологическую Коммиссию. Под руководством Б. В. Фармаковского они приводятся в порядок, классифицируются, описываются; составляется подробный каталог им. Мировая война и последующие события прервали работу Б. В. Фармаковского в Ольвии; древности опять стали расхищаться. Лишь недавно, в 1920—21 г., раскопки там были возобновлены С. А. Семеновым-Зусером, но далеко не в столь широком масштабе. Все же отрыто 164 гробницы и до 1700 относящихся к разным эпохам предметов, из которых можно отметить сосуды, целый ассортимент игрушек в могиле ребенка, золотые серьги тонкой работы, в женской

---

[1]) Б. В. Фармаковский, Ольвия, М. 1915 г., стр. 26, 28.

могиле золотой из лепестков венец; в одном из склепов, ножницы для стрижки овец, вещи, имеющие отношение к домашнему быту и культу, мраморную головку Диониса и проч.

Что касается ольвийских надписей, то первое место среди них занимает, конечно, знаменитый декрет в честь Протогена, давно уже известный, о котором было упомянуто выше: тут, наряду с щедротами Ольвийского гражданина-патриота, „пред нами живая цепь бедствий, одолевших Ольвию: жадные, дикие варвары, грозный царь Сайтафарн [1]), недород, недостача в хлебе, безденежье“ (Ю. А. Кулаковский). А из надписей, найденных в течение рассматриваемого периода, в историческом отношении важен декрет в честь одного „корабельщика“, устанавливающий факт сношений граждан Ольвии с Митридатом, которому она, повидимому, была подчинена и от которого имела гарнизон.

На острове Березани, близ Очакова, благодаря раскопкам Э. Р. ф. Штерна [2]), профессора в Одессе, а с 1911 г. в Галле, открыто греческое поселение VI и начала V в. до Р. Х. с характерными признаками ионийской колонии, — единственный случай у нас в России городка той эпохи, сохранившегося в первобытной своей форме, без надстроек и поселений из более поздних периодов; добыт богатый материал древне-милетской керамики, редкой и на почве самой Греции; найдены остатки здания с сохранившимися на значительной высоте стенами, так что видны отверстия для окон и дверей; исследован некрополь, причем получены любопытные выводы относительно способа погребения у греков (ионяне сожигали покойников, с проникновением же аттической культуры и аттического влияния, замечается переход к трупоположению); найденные ольвийские рыбки и „ассы“ освещают некоторые вопросы из области нумизматики и т. д. Интересны игрушки, рисующие нам жизнь детей в греческих колониях на северном побережье Черного моря [3]). Э. Р. ф. Штерн производил раскопки и в Аккермане. В Николаеве близ адмиралтейства открыты следы греческого поселения и древне-греческое кладбище со многими гробницами и различными находками.

В Керчи в начале 90-х годов XIX ст. производил изыскания проф. Ю. А. Кулаковский; им открыто несколько склепов, из которых некоторые до тех пор были совершенно неизвестны, а другие забыты, затеряны, и им вновь найдены. Затем (1896—9) на восточном склоне Митридатовой горы делал раскопки К. Е. Думберг, причем открыты остатки нескольких античных построек — эллинистических зданий и римских

[1]) Это имя хорошо известно и благодаря пресловутой короне, которая оказалась подделкой, настолько искусной, что ее приобрел Лувр.

[2]) Его доклады на Междун. Археол. Конгр. в Афинах (1905) и на XIII Арх. Съезде в Екатеринославе (1905); сообщения в „Отчетах Арх. Ком.“ и ст. в Klio.

[3]) Ст. Э. Р. Штерна в Сборн., поднес. гр. А. А. Бобринскому. Спб. 1911.

бань. Но исследование керченских древностей в рассматриваемый период было делом главным образом В. В. Шкорпила, заведывавшего местным музеем, и проф. М. И. Ростовцева. Первый вел раскопки, открыл ряд гробниц, опубликовал много надписей [1]). Второй занимался преимущественно изучением живописи керченских гробниц, и результатом его долгих и тщательных исследований явился монументальный труд: „Античная декоративная живопись на юге России“ (Спб.), дающий текст (т. I. 1914) и роскошный атлас (1913); материал частью собран заново; объяснение и освещение — тоже часто новое.

Катакомбы или склепы с их росписью составляют, как известно, главную достопримечательность древней столицы Боспорского царства, Пантикапея. В 90-х годах прошлого века и в начале нынешнего открыт там ряд выдающихся памятников этого рода. Таков склеп, открытый Ю. А. Кулаковским в 1891 г. со сценами загробной трапезы (между прочим изображена девочка-нянька, качающая люльку), выезда, жертвоприношения; склеп, случайно открытый в 1895 г. во дворе Зайцевой владельцами усадьбы; центральная картина его изображает похищение Персефоны Плутоном. В 1900 г. на Глинище при раскопках (по словам К. Е. Думберга) или кладоискателями (по В. В. Шкорпилу) найден большой саркофаг (конца I или начала II в. по Р. Х.), вырезанный из глыбы известняка и сплошь расписанный внутри: изображены гирлянда, загробная трапеза, художник-портретист в своей мастерской, юноша с лошадью, танец пигмеев, сидящая женщина, два всадника, из которых один с нагайкой, музыканты. Саркофаг этот, в миниатюре настоящая погребальная камера, находится теперь в Эрмитаже. Отметим еще склеп с 4 саркофагами, стоявшими на полу (открыт в 1902 г.); ряд гробниц в усадьбе Фельдштейна, найденных в 1905 г.; семейное погребение, открытое В. В. Шкорпилом в 1908 г.; им же открытые (в 1910 г.) две каменных гробницы, из которых в каждой сохранились остатки больших деревянных саркофагов, и несколько склепов в геометрическом стиле, найденных в течение 1873—1912 гг. и принадлежавших, повидимому, поклонникам Сабазия.

В окрестностях Эль-Тегеня, в 17 верстах от Керчи, где раскопки производил в 1896 г. местный владелец А. В. Новиков, открыты следы древней греческой колонии Нимфеи; найден, между прочим, список граждан этого города, относящийся, повидимому, к III в. до Р. Х. Вблизи вытащен (1909) из моря „мертвый якорь“ для лодочников—камень с надгробием Гликарии, жены Асандра. М. И. Ростовцев производил изыскания также в Ай-Тодоре. В области изучения антич-

---

[1]) В „Извест. и Отчет.“. Археол. Ком. в „Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древн“.

ных древностей Тавриды немало обязаны мы и А. Л. Бертье-Делагарду, бывшему вице-президентом Одесского Общества Истории и Древностей. — В. В. Шкорпил на Тамани, на берегу моря, в 1911 г. исследовал некрополь, в котором оказались остатки пищи, драгоценности, вазы, терракотты разных дат — от VI ст. до римской эпохи включительно. Зеленский курган дал прекрасную золотую корону времени Александра В.; из погребальных камер извлечен драгоценный клад. В 1916 г. на Тамани найден мраморный саркофаг, а в 1920 г. К. Э. Гриневичем раскопана гробница. Насильственная смерть положила конец неутомимой деятельности В. В. Шкорпила: он был убит грабителями у входа в свою квартиру (в дек. 1918 г.). Делались и случайные находки. Так, при проведении железнодорожной линии от Туапсе в Ново-Сенаки, около с. Лазаревки найдена („кажется, в 1914 г.") вместе с другими предметами серебряная чаша, рельефы которой представляют бой греков с кентаврами, — весьма ценный памятник „по великолепной технике гравировки деталей и по деликатной и хорошо прочувствованной моделировке фигур", обломок произведения такой художественной школы, которую до сих пор мы все еще мало знаем [1]).

Долгое время местоположение древнего Танаиса не было в точности определено: одни указывали на ст. Елисаветовскую, другие—на Недвиговку. Раскопки 1908—9 г. и следующих годов, ведшиеся у станицы Елисаветовской А. А. Миллером и у Недвиговки Н. И. Веселовским [2]), привели к открытию могил и различных предметов и к тому общему выводу, что Танаис древнейший, разрушенный боспорским царем Полемоном в конце I в. до Р. Х., находился там, где теперь ст. Елисаветовская, а впоследствии (во II в. по Р. Х.) возник новый или Младший Танаис у нын. Недвиговки; первый был обширнее. Следы греческой культуры находят и в Закавказье. Во время, напр., экспедиции Русского Археологического Общества в Гарни (1910, 1911) под руководством акад. Н. Я. Марра, при участии Я. И. Смирнова и архитектора-художника К. К. Романова, раскопан редкий античный (греко-римский) храм.

Замечательные памятники той же культуры найдены в курганах южной России, в Черноморье, в особенности на Кубани и в Приднепровье.

Множество курганов раскопано проф. Н. И. Веселовским (скончавшимся в 1918 г.) [1]). Ведя раскопки, Н. И. Ве-

---

[1]) Б. В. Фармаковский, Серебр. украш. рельеф. чашки Новоросс. Музея (Изв. Акад. Ист. Матер. Культ., I, 1921).

[2]) См. „Изв. Археол. Ком." и ст. А. А. Миллера в „Гермесе", 1909, № 3, и Н. И. Веселовского, там-же, № 6.

[1]) О нем—некролог: „Н. И. Веселовский—археолог" В. В. Фармаковского (Из. „Зап. Вост. Отд. Русск. Археол. Общ.", т. XXV).

селовский обыкновенно жил в степи, в самой примитивной обстановке, терпел лишения. Это был неутомимый исследователь курганов, и результаты его раскопок чрезвычайно важны. „Не только были установлены остатки наслоений в Кубанской области весьма разнообразных культур различных времен, начиная с II тысячелетия до Р. Х. вплоть до XV в. по Р. Х., но для каждой из обнаруженных культур добыты, так сказать, классические образцы, часто совершенно исключительного археологического и художественного значения и выдающейся материальной ценности. Выразились с поразительною наглядностью и обряды погребений в различные эпохи, устройство могил, их обстановка, самая история курганов, в которых нередко оказывались погребения, совершонные в разные (иногда весьма отдаленные друг от друга) времена. По блеску и важности открытия на первом месте, без сомнения, надо поставить Майкопский курган, расследованный Н. И. Веселовским в 1897 г. В кургане оказалось изумительное по богатству погребение с „крашеным костяком“, относящееся к II тысячелетию до Р. Х. Художественные предметы, открытые в Майкопском кургане, должны быть отнесены к кругу мало-азиатской культуры хеттов и, вероятнее всего, представляют образцы изделия древнейшего населения Урарту, вошедшего впоследствии в состав халдского населения Вана“ [1]). Научно разобран и освещен этот материал Б. В. Фармаковским в его докладе на историческом конгрессе в Лондоне 1913 г. [2]). „Курганы Кубанской области, расследованные Н. И. Веселовским, обогатили науку, далее, великолепным материалом, относящимся к греческой архаической эпохе и представляющим произведения искусства то центров жизни Ионии, то аттического искусства“. Рядом с ними оказывались и предметы чисто восточные (ванские и другие) и, вероятно, местные изделия греческих колоний, на которых скрещиваются формы греческой архаики, восточного искусства и местного варварства. Материал, открытый Н. И. Веселовским, выдвигает массу проблем... и обещает по новому осветить историю греческого искусства в архаическую эпоху“ (Б. В. Фармаковский). Из других курганов, кроме Майкопского, в том-же районе следует отметить „Иван-Курган“, раскопанный Н. И. Веселовским в 1909 г. в Ульском ауле, давший предметы бронзового века со следами влияния эгейской культуры.

В Таврической губ., Мелитопольского уезда, близ Б. Белозерки, проф. Ф. А. Брауном (1898 г.), а затем (1909—10) Н. И. Веселовским исследована Чмырева могила, с интересными находками. В 1901—2 г. в м. Ильинцах, Липовецкого уезда, Киевской губ., ген. Н. Е. Бранден-

---

[1]) Б. В. Фармаковский, стр. 7—8 отд. оттиска.

[2]) Архаический период в России (Матер. по археол. России, № 34, 1914).

бургом раскопан курган, в котором склеп оказался разрушенным и разграбленным, но несколько вещей осталось и между ними пластинка, обивка горита (футляра для лука) вроде Чертомлыцкой [1]). Делались находки и в Воронежской губ. Так, в окрестностях Воронежа, в местности, называемой Частые курганы, в 1910 и 1911 гг. разрыты погребения и найден серебряный сосуд, один из шедевров [2]). Но особенно замечательное царское погребение, открытое Н. И. Веселовским в кургане „Солоха", в 12 верстах от с. Большой Знаменки, Мелитопольского уезда [3]).

Этот огромный курган, заостренный кверху, возвышается на подобие египетской пирамиды среди ровной степи и виден издали за 20 верст. Окружен он группой мелких курганов. В 1912 г. Н. И. Веселовскому удалось открыть в нем глубокую яму (до 4 саж. глубины), повидимому, могилу царицы (найдены золотая иголка и серебряный фиал); она была ограблена, но несколько предметов осталось, напр., вызолоченный бронзовый сосуд, несколько греческих амфор, большой бронзовый котел, в котором были деревянный ковш и кости цельного барашка, квадратный бронзовый предмет на 4 низких ножках с колесиками, с орнаментом по углам и скрещивающимися железными прутьями посредине,—вероятно, подвижная жаровня. Выше этого погребения—могила меньших размеров; в ней две лошади с дорогой сбруей; обращают на себя внимание золотые нащечники и налобник в форме большой гладкой рыбы, с оттиснутыми на ней маленькими рыбами и орлами; такие предметы впервые найдены in situ, на лошадиных костях, и таким образом мы узнаем назначение подобных украшений ввиде рыб.

В 1913 г. Н. И. Веселовский продолжал раскопки кургана Солохи, и они увенчались еще бо́льшим успехом. В другой части кургана оказался широкий коридор, спускающийся в большое могильное помещение; повыше могилы—большая яма с деревянной настилкой, уже истлевшей, и с 5 отделениями; в каждом по лошади; при лошадях различные бронзовые украшения сбруи и уздечек, золотые украшения в виде грифонов, бус, нащечников, бляшек. За лошадьми скелет конюха и около него — наконечники стрел. В корридоре у входа в царскую могилу—скелет слуги. В самой могиле, по-

---

[1]) Б. В. Фармаковский считает этот горит оригиналом, а Чертомлыцкий копией (его ст. „Золот. обивки налучий из Чертомлыцк. кург." в „Сборн.", поднес. А. А. Бобринскому. Спб. 1911).

[2]) О нем—доклад М. И. Ростовцева на Историч. конгр. в Лондоне 1913 (напеч. в „Матер. по археол. России" № 34, 1914)

[3]) Н. И. Веселовский в „Изв. Арх. Ком.", вып. 47, и Прибавл. к вып. 52; А. А. Бобринский, там же, Прибавл. к вып. 50; С. А. Половцова, в „Гермесе", 1914, № 6 сл. и в Rev. Arch., 1914, 1; М. И. Ростовцев, в Festschr. f. Montelius. Stockh. 1913, и в „Изв. Арх. Ком.", вып. 49; Б. В. Фармаковский, в Arch. Anzeiger, 1913.

средине, покоился, очевидно, царь. Одежда его истлела, но сохранились золотые бляшки (ок. 300), которые на ней были нашиты; на шее царя—большое великолепное ожерелье из дутого золота с рельефными головами львов на обоих концах; на руках—5 золотых браслетов. За головой тоже ожерелье. Остов царя обставлен со всех сторон вооружением и различными вещами; обращают на себя внимание большой бронзовый шлем греческого образца, 2 меча железных и золотые ножны с интересными изображениями, и—большая редкость—бронзовая булава на деревянной рукоятке, снизу окованной медью, вероятно, знак царского достоинства. Но самая замечательная находка—редкий шедевр,—лежавший тут же, около правого плеча царя, золотой гребень чудной работы, в верхней части украшенный изображением боя всадника с двумя пешими; на земле, ногами кверху, изображена лежащая раненая лошадь. „Трудно передать словами все изящество этих изваяний. Все эти воины и лошади вылеплены в форме маленьких статуэток, высотою от 4 до 5 сантим... Каждая фигурка выделана с поразительным талантом. Не только мельчайшие подробности вооружения воспроизведены с невероятною отчетливостью, но и лица воинов, с длинными волосами, усами и бородами, представляют бесспорно творение первоклассного художника. Даже выражение лиц этих маленьких золотых человечков врезывается в память... Движение лошадей поразительно реально. Вообще во всей композиции боя и в позах действующих лиц чрезвычайно много движения... Для изучения древнего вооружения мы приобретаем новый неоценимый материал“ (гр. А. А. Бобринский). Следует отметить еще серебряные вазы, найденные там же, около плеча царя, разных форм и величины, с прекрасно исполненными изображениями грифонов и других животных, охотничьих сцен—скифов верхом на коне, борющихся со львами или гоняющихся за другими зверями, женщин, пляшущих или играющих на музыкальных инструментах и пр. Неподалеку, в углу могилы, 3 больших бронзовых котла; в одном—кости коров и обломки черпал, в других—кости баранов; тут-же большая греческая амфора и бронзовое сито. В стене, близ тела царя, в особой нише или тайнике, найдены золотое блюдо, в своем роде уник, с изображенией 21 сцены, расположенных в три ряда,—львов, нападающих на лошадей, оленей и т. под., и многочисленные обломки серебряной обивки горита (налучья), маленькие обрывки кожи, грубого холста... Художнику М. В. Фармаковскому [1]) удалось собрать обломки и восстановить, по возможности, истинный вид горита. В облицовке налучья три главных части: в верхнем поясе лев и грифон терзают оленя; второй пояс изображает бой между двумя молодыми благообразными варварами с 3 безобразными, из ко-

---

[1]) Горит из кургана Солохи (Изв. Акад. Ист. Матер. Культ., II, 1922).

торых двое—старые, бородатые, на конях, а на правом нижнем выступе—два фантастических животных бьются или играют друг с другом. М. В. Фармаковский называет этот горит „изумительным произведением греческого ювелирного искусства", „первоклассным произведением греческого гения" [1]). В той же могиле, у стены—другой покойник, вероятно, оруженосец. В соседней нише несколько предметов из золота или обитых золотом, а поодаль, в особом углублении,—10 стоящих в ряд больших глиняных амфор, из которых некоторые имеют надпись греческими буквами.

Погребение это относят к концу V или к IV в. до Р. Х. Вспоминаются слова Геродота о Герросе, где находились могилы предков скифов [2])...

Говоря о древнейшей греческой культуре на юге России, нельзя не упомянуть о замечательных находках В. В. Хвойки, археолога-самоучки, впоследствии хранителя музея в Киеве (ум. в 1914 г.). Он открыл в Киевской губ. остатки своеобразной неолитической культуры, которую он назвал по месту нахождения ее „трипольскою", от местечка Триполье, и которую часто называют по имени лица, ее открывшего, „культурою Хвойки" [3]). Это прямоугольные „площадки", близко лежащие одна от другой, с плотно утрамбованным глиняным полом, со следами глиняной обмазки на круглых бревнах, и многочисленная утварь — биноклеобразные и грушевидные, книзу суживающиеся сосуды со спиральным узором, небольшие кубки, чашки и кружки, украшенные шнуровым и пунктирным орнаментом, фрагменты более тонких, лучше обработанных глиняных сосудов с орнаментами, окрашенных черной, красной и темно-коричневой краской на гладком полированном желтом или коричневом фоне, а также человекообразные идолы из глины, кремневые ножи, метательные камни и т. под.

Аналогичная культура, в которой усматривались некоторые черты сходства с культурой троянской и микенской, обнаружена в России на большом районе — от Черниговской

---

[1]) При раскопках на Кубани в 1913 г. Н. И. Веселовским найден горит бо́льших размеров, чем все известные нам по обивкам. Горит этот восстановлен С. С. Лукьяновым из обломков дерева и меди. М. В. Фармаковский, там-же, стр. 26.

[2]) Открытия делаются и в музеях. Так, О. Ф. Вальдгауер открыл в Эрмитаже головы пергамского стиля (Сборник Эрмитажа, I, 1921). Из исследователей местных древностей следует упомянуть о В. И. Гошкевиче, собиравшем древности Херсонского края, их исследующем и описывающем („Херсонский Городской музей древностей Херсонского края", 1910 сл.).

[3]) Ст. В. В. Хвойки в Труд. XI Археол. Съезда, I; Археол. Летоп. Южн. России, 1903, № 1; Зап. Отд. Рус. и Слав. археол. Моск. Археол. Общ., V. вып. 2; Трудах XIII Арх. Съезда; Зап. Рус. Арх. Общ., XII, вып. 1; Древн. обитатели Средн. Приднепровья. Киев, 1913. Общая характеристика „трипольской культуры" — в 1 т. „Русской истории" Д. И. Багалея.

губ. к Галиции. Э. Р. ф. Штерн открыл ее следы, ведущие к Балканам. В 1902—3 г. он произвел раскопки в деревне Петрены (в Бессарабии) [1]), причем им открыты были тоже „площадки“ с утрамбованной глиняной почвой, служившие, вероятно, местом погребения и жертвоприношений. Найдены и разные предметы чисто неолитической эпохи—камни для метания из пращи, каменные молотки, топоры, ножи или пилы из кремня, кости животных, разные фигуры—быка, коровы, теленка, глиняный идол и сосуды, сделанные без гончарного круга, большинство со своеобразным орнаментом и т. под. Особенно интересна расписная керамика по сходству ее с троянскою и микенскою.—Французский авиатор, Himner, погибший во время войны, исследовал до-микенскую культуру в бассейне Черного моря, делал раскопки на Волыни и Подолии, и прибавил ценный материал к тому, который собран был Э. Р. Штерном.

Какие выводы построил Э. Р. Штерн на основании своих открытий и иных данных, мы здесь пока не будем говорить: это уже касается области критско-микенской или эгейской культуры, которой мы посвящаем особую главу.

7. Крит и критско-микенская или эгейская культура.

Открытия начала XX в. на о-ве Крите [2])—едва ли не величайшие из всех, сделанных на греческой почве со времени Шлимана.

Еще Аристотель в своей „Политике“ отмечал прекрасное географическое положение Крита, самою природою как бы предназначенного к господству над Грецией: остров этот, замыкая собой Архипелаг с юга, находится в центре восточной половины Средиземного моря, неподалеку от Пелопоннеса, Египта и Передней Азии, на путях из стран древнего Востока на Запад, в Грецию, служа как бы одним из главнейших мостов между этим Востоком и Европой.

„Одиссея“ (XIX, 127 сл.) говорит о нем:

„Остров есть Крит посреди виноцветного моря, прекрасный,
Тучный, отвсюду объятый водами, людьми изобильный;
Там девяносто они городов населяют великих.
Разные слышатся там языки: там находишь ахеян,
С первоплеменной породой воинственных критян; кидоны
Там обитают, дорийцы кудрявые, племя пеласгов,
В городе Кноссе живущих“...

---

[1]) Его исследование на русск. и нем. яз. — „Доисторич. греческ. культура на юге России“ М. 1906 (в I т. „Трудов XIII Арх. Съезда“ и отдельно).

[2]) Отчеты Evans'a в Journ. of Hellen. Stud. и в Annual of the Brit. School at Athens. Теперь главный его труд—The Palace of Minos. V. I. L. 1921 (к сожалению, я имел возможность только бегло просмотреть его); ст. о нем А. А. Захарова в „Нов. Востоке“, II, 1922, и Glotz'a в Rev. hist., 1922, mai-juin. Кроме того,—Burrows, The discoveries in Crete... L. 1908 (3-е изд.); Lichtenberg, Dussaud, Hall, Fimmen (Die kret.-myken. Kultur), Schuch-

Илиада (II, 646 сл.) называет Крит „стоградным“. Главный, „великий город“ здесь был Кносс. Он находился в некотором расстоянии от морского берега, в северной части острова, которая обращена к Эгейскому морю. Это—резиденция царя Миноса, о котором греки рассказывали немало чудес. По их сказаниям, Минос—сын Зевса, похитившего прекрасную дочь финикийца Кадма, Европу, и уведшего ее на остров Крит, где он и сочетался с нею. Минос обладатель чудесного Лабиринта, построенного великим изобретателем, художником Дедалом,—громадного дворца с бесчисленными комнатами и с такими запутанными ходами, что, раз войдя в него, нельзя найти выход; в этом Лабиринте заключено было чудовище Минотавр, полубык-получеловек, и с ним связаны мифы о Тезее и Ариадне. Говорили, что Минос, в наказание за убийство его сына афинянами, наложил на них ужасную дань: каждые девять лет должны были афиняне посылать на Крит по семи юношей и по семи девушек, которых запирали в Лабиринт, и там их пожирал Минотавр. Сын афинского царя Эгея, Тезей, чтобы избавить родину от такой дани, вызвался отправиться на Крит вместе с обреченными на жертву. Там его полюбила дочь Миноса, Ариадна, и дала ему меч и клубок ниток. Тезей у входа в Лабиринт привязал конец нитки и затем, по мере того, как он углублялся во внутрь дворца, он разматывал клубок. Благодаря этой „Ариадниной нити“ он нашел выход из Лабиринта после того, как в страшном бою умертвил Минотавра. Так спасся Тезей, а вместе с ним и афинские юноши и девушки. Но Минос, в греческих сказаниях,—и образ мудрого законодателя. У Гомера он один из трех судей в подземном царстве (Одиссея, XI, 568 сл.): „скипетр в деснице держа золотой, там умерших судил он сидя“. По словам другого поэта, Гесиода, Минос — „из всех смертных царей наиболее царственный“; он царствовал над множеством людей, подвластных его скипетру. У греческих историков Геродота и Фукидида, Минос—первый создатель сильного флота, властитель моря, повелитель над Цикладскими островами, которые он колонизовал, изгнав владевший этими островами народ карийцев и очистив море от пиратов.

Таковы предання о Миносе.

Еще в начале 80-х годов прошедшего века Мильхгёфер [1]) указывал на Крит, как на пункт, где надо искать разгадки вопроса о микенской культуре.

---

hardt, Alteuropa in seiner Kultur und Stilentwicklung. Strassb.-Berl. 1919; Bossert, Alt-Kret. Kunst. 1923; ст. Ф. И. Успенского в „Вестн. Самообраз.“, 1904, № 13; С. П. Сингалевич, Крит в нач. истор. существов. Каз. 1912; Е. Е. Кагаров, Основн. мом. в ист. критско-мик. иск. (из „Зап. Отд. Общ. Ист. и Древн.“, XXIX); Валерий Брюсов. Учители учителей („Летопись“, 1917, май-июнь сл.); А. А. Захаров, Эгейск. мир. 1918.

[1]) Milchhöfer, Die Anfänge d. Kunst in Griechenland. Leipz. 1883.

В конце 70-х годов прошлого века к югу от Кандии (или Гераклиона), на месте древнего Кносса, „великого города“, как называет его Одиссея, предполагаемой столицы Миноса, местный купец Минос Калокэринос открыл развалины древнего большого здания и несколько сосудов. Но что̀ это за здание, было тогда еще не ясно: некоторые полагали, что это развалины Лабиринта. Затем здесь намерен был производить раскопки Шлиман; вместе с Дёрпфельдом он посетил Крит и видел подле Кносса развалины „почти целиком на поверхности земли, так что можно бы действовать голыми руками“. Но владелец участка, на котором должны были вестись раскопки, запросил такую цену, что пришлось отказаться от приобретения участка; кроме того, Шлиман отвлечен был спором с Бёттихером из-за Трои. Он умер, не успев осуществить свое намерение. В последующие годы, во время восстания на Крите и политических осложнений, не могло быть, конечно, и речи о правильных археологических исследованиях на острове. Только после его умиротворения, в самом конце XIX стол., представилась возможность приняться за такие исследования.

Англичанин Артур Эванс, хранитель музея в Оксфорде, еще в 1894 и 1897 г.г. открывший на Крите памятники древнего до-эллинского письма, в целях дальнейших находок подобного рода, на частные средства предпринял в марте 1900 г. раскопки на месте древнего Кносса, приобретя в собственность участок, где находились развалины [1]).

Первая кампания продолжалась всего два месяца с небольшим; но результаты ее были изумительны: оказалось, что некогда здесь действительно существовал обширный дворец, одно из величайших зданий в мире, по размерам далеко превосходящее дворец, открытый Шлиманом в Тиринфе; одна его половина, раскопанная в 1900 г, почти такой же ширины, как тиринфский дворец, и длиннее его в полтора раза.

Эванс назвал этот дворец „дворцом Миноса“, а критскую культуру, памятником которой он является, — минойскою, т. е. Миносовой. — В следующие годы (с 1900 по 1905, в 1909 и 1913) он продолжал свои изыскания, а в 1920 г. поручил Мэкензи сделать для него на месте всякого рода проверки. В 1921 г. появился I т. его монументального труда с многочисленными рисунками, таблицами, планами, расчитанного на 3 тома и представляющего результаты раскопок в Кноссе, впервые в систематическом виде, с массой нового материала.

Культура Минойская — века меди и бронзы. Дворец в Кноссе построен на месте, где была раньше культура более первобытная — неолитическая, остатками которой служат утварь, сделанная от руки, каменные орудия и т. п. и начало которой здесь восходит ко временам глубочайшей древности: судя по

---

[1]) Потом часть расходов взял на себя Cretan Exploration Fund.

толщине слоя ее, около 7 метров. Эванс полагал, что эта древнейшая неолитическая культура существовала в течение огромного периода времени, в 12000 и даже 14000 лет [1]).

Раньше первого дворца в Кноссе существовала до-дворцовая постройка. Первый дворец построен вскоре после 2000 г. Он состоял первоначальпо из отдельных построек, окруженных общей стеной, но отделенных одни от других уличками; лишь впоследствии он превратился в нечто единое, грандиозное, а улички — в корридоры. С первого взгляда казалось, что Кносский дворец не был укреплен; он не имел особой окружной стены. Полагали, что владетели его чувствовали себя в безопасности с суши, а с моря их охранял сильный флот. Последующие исследования показали, что это не так: наружные стены дворца были глухие, без окон и с немногими входами, что̀ придавало зданию вид как бы крепости, а над главным входом было помещение, вроде гауптвахты или караульной, где могла находиться стража. Северный, вход, со стороны моря, был защищен: доступ был мало доступен, охранялся тремя бастионами.

Дворец занимал обширное пространство, более 20000 кв. метров, считая со входами и прилегающим с запада двором, был как бы целым городом, имел несколько этажей, подземелья и подземные ходы, и представлял вокруг внутреннего, центрального, большого двора, действительно, целый „лабиринт“ ходов, корридоров, из которых особенно выделяется так назыв. „корридор процессий“, и самых разнообразных помещений: тут были залы, из которых обращают на себя внимание так наз. „тронная“, получившая было это название потому, что в ней стояло седалище из алебастра, с высокою спинкою, принятое сначала — ошибочно — за трон; по обе стороны двери — интересная фреска,— грифон без крыльев, с высоко поднятой головой; вдоль боковых стен — каменные скамьи; в зале этой — нечто вроде бассейна или водоема; затем — „зала двойного топора“ с изображением секиры с двумя лезвиями; близ нее — внутренние царские покои, комнаты царицы и царской семьи. Были и святилище, школа для обучения письму, мастерские для скульптуры, для керамики, фаянсовых изделий, помещения для рабочих, кладовые, где в пифах, огромных глиняных сосудах в рост человека, стоявших рядами вдоль стен, хранились припасы — зерно, масло и проч., и целый архив глиняных табличек с письменными знаками. Были во дворце и ванные или купальни; для воды проведены трубы [2]). Вообще дворец имел все удобства... Система канализации и водопроводов в Кноссе обратила на себя внимание даже английских врачей, на-

---

[1]) В The Palace of Minos Эванс неолитический период относит к 8000—3400 г. до Р. Х.

[2]) То, что̀ принимали за пресс для приготовления оливкового масла, теперь оказывается принадлежностью дренажа.

ходившихся на Крите. Стены дворца оштукатурены и украшены фресками, изображавшими то отдельные человеческие фигуры, то целые процессии, то нарядных придворных дам или сцены ловли и усмирения быка. Штукатурка отвалилась от верхних частей здания, но Эванс чрезвычайно осторожно и предусмотрительно собрал ее остатки, предварительно скрепив гипсом лежавшие на земле куски.

Ко дворцу с запада примыкал двор, вымощенный плитами. Здесь, при исследовании северной части двора, Эванс в 1903 г. обнаружил двойной ряд широких ступеней, которые, образуя прямой угол, спускались вниз. Бо̀льшая часть плит попадала; но все же лестницы сохранились настолько, что можно судить о их вышине и ширине (ширина восточной лестницы — от 18 до 35 ф., а южной — даже до 50). Сохранились во всю длину и нижние ряды опорной стены на севере. Чтобы придать этой постройке такой вид, какой она когда-то имела, и предохранить от дальнейшего разрушения, Эванс реставрировал ее. Ступени, столь широкие, по его мнению, служили местом для сидения, откуда удобно было наблюдать зрелище, а двор, находящийся внизу, — ареной: по Эвансу, мы имеем здесь древнейший в мире театр, который мог вмещать около 500 зрителей.

На северо-восток от дворца находилась большая постройка — „царская вилла“ или малый дворец. Повидимому, здесь был городской квартал: найдены остатки частных домов. С внешним видом этих домов до некоторой степени знакомят изображения их на дошедших до нас небольших фаянсовых пластинках: дома здесь изображены в два или полтора этажа с плоскою крышею, иногда с возвышением посредине, вроде мезонина: дверь — в центре фасада; четыреугольные отверстия служили окнами. Далее, за городом, находилось кладбище.

В то время, как Эванс сосредоточил свое внимание на Кноссе, итальянская археологическая экспедиция, снаряженная Министерством Народного Просвещения и Академиями Наук Римской (dei Lincei), Туринской и Неаполитанской, под руководством Halbherr'а и при участии Savignoni, De Sanctis, Pernier и друг., занялась исследованием южной части Крита, где находился некогда гор. Фест [1]), о котором упоминает и Гомер (Илиада, 646 сл.). Здесь открыты развалины дворца, тоже огромного, подобного дворцу в Кноссе. План его приблизительно тот же. Вокруг обширного внутреннего двора расположена одна половина дворца, — разного рода службы и помещения для слуг, кухни, ванные, широким коридором отделенные от кладовых, которые в свою очередь отделены от семейных покоев, куда ведет прекрасно устроенный ход

[1]) Отчеты — в Rendiconti della R. Accad. dei Lincei..., VIII сл., Monum. antichi publ. per cura della R. Accad. dei Lincei, IX сл. Из статей см. S. Reinach в Anthropologie, 1901.

с полуколоннами и нишами по сторонам: эти покои, колоннады и галлереи, открытые террасы обращены на север, с прекрасным видом на горы. Другая половина дворца для приемов, с обширными комнатами, находится, как и в Кноссе, на западной стороне. Дворец в Фесте в особенности характеризуют многочисленные корридоры и лестницы, что̀ отчасти объясняется местоположением (он находился на горе). Особенно замечательна широкая лестница, которая от западного двора ведет вверх. Ступени ее, как предполагают, служили сидением для зрителей: в Фесте, подобно тому, как в Кноссе, повидимому, существовал в глубокой древности театр. И этот дворец был устроен с большим комфортом и со всеми удобствами. Под дворцом тоже был слой более древней культуры, неолитического поселения, со множеством костей домашних животных, полированных орудий и т. под. Был ли дворец в Фесте местопребыванием особого царя или же принадлежал тому же владетелю, что̀ и Кносс, мы не знаем.

Летом 1902 г., на цепи холмов неподалеку от Феста, там, где теперь стоит небольшая византийская церковь св. Троицы (Агиа Триада) итальянцы открыли небольшое здание, состоящее из двух флигелей, сходящихся под прямым углом; в южном флигеле — хозяйственные помещения и кладовые; верхний этаж был деревянный; в другом флигеле обращает на себя внимание большая зала с колоннами и соседняя с нею комната, у входа в которую стояли еще на своих местах и в момент открытия два высоких каменных канделябра. Небольшой дворец этот был однако прекрасно украшен, с замечательными фресками, с предметами высокой техники, художественной работы. Перед дворцом, в северо-западном углу, — колоннада, с которой открывался великолепный вид на окрестности — на равнину, на высокие горные цепи до самой горы Иды и на море. Итальянцы, открывшие этот дворец, приняли его за летний дворец царей Феста. Так ли это или же он принадлежал какому-нибудь отдельному владетелю, зависимому от Феста, знатному лицу и т. под., — сказать трудно. — Итальянцы исследовали в окрестностях дворца у Агиа Триада квартал, занятый более древними домами, и нашли там таблички, содержащие, повидимому, счета̀ линейного письма; открыта также молельня, с 3 колоннами по фасаду, подобная небольшим святилищам в Кноссе.

По следам Эванса и итальянцев над открытием древностей на Крите ревностно работали и другие археологи. Британская школа вела раскопки в восточной части острова в Пресе, где, между прочим, найдена негреческая надпись, начертанная греческими буквами. Раскопки Британской Школы в Палэокастро [1]) привели к открытию города с предметами эгей-

[1]) Bosanquet. Excav. at Palaiokastro (Ann. of the Brit. Sch. at Athens IX, 1902—3).

ской культуры. Хогарт в пещере Zakro тоже нашел остатки этой культуры, а в средине острова он открыл, как полагал, Диктейскую пещеру, с которой связаны мифы о рождении Зевса, и в ней остатки каменного алтаря и древних жертвоприношений. Но против отожествления пещеры Психро с пещерой Диктейской были высказаны возражения, и указывали, как на местонахождение последней, на окрестности Преса или Палэокастро, где найден храм Зевса Диктейского (римской эпохи) и гимн куретов этому богу. Молодая американка Miss Boyd, при поддержке Пенсильванского университета, произвела раскопки в Гурнии [1]) и открыла древний небольшой город, с домами, улицами, узкими, кривыми, но мощеными, и с каналами для стока воды. Обычный вид тогдашнего простого жилища — круглая хижина. На это указывают, напр., урны в форме круглой хижины, найденные на Мелосе и на Аморгосе, и купольные могилы, представляющие собой в большом размере воспроизведения таких жилищ.

Предметы, найденные на Крите Эвансом и другими, помещаются в музее, устроенном в Кандии (Гераклионе): критское правительство провело закон, подобный тому, какой существует в Греческом королевстве, а именно, что сделанные в пределах Крита находки не могут быть вывозимы за его пределы и составляют его собственность.

Сделанные на Крите открытия показали, что микенская культура — только часть, один из периодов культуры, которая имела своим центром Крит, охватывала район, главным образом, Эгейского моря и называется теперь критско-микенскою или эгейскою. Это — древнейшая цивилизация в Европе [2]), по мнению одного английского ученого, из всех цивилизаций мира наиболее артистическая, наиболее эстетическая [3]). Критские дворцы, с их разнообразными помещениями, фресками и различными предметами, найденными в них, дают нам понятие о богатой, развитой, подчас утонченной культуре, которая в те далекие времена процветала там. Интересны, напр., дамы, изображенные в миниатюре на стенах кносского дворца, их вычурные прически, декольтэ, перетянутые талии, платья голубого и желтого цвета, украшенные воланами, широкие вздутые рукава. Дамы эти сидят и беседуют; вокруг них мужчины. Пред нами, очевидно, высшее, придворное общество. Одному французскому археологу особы эти напомнили придворных дам времени Карла X и Луи-Филиппа, 20—40-х годов прошлого

---

[1]) Harriet Boyd-Hawes, Gournia, Vasiliki and other prehistoric cities of the isthmus of Hieropetra (Crete). Excav. of the Wells-Houston-Cramp exped. in 1901, 1903, 1904. Philadelphia. 1909; ст. Pottier в Journ. des Sav., 1910, avr.

[2]) Кроме указанных раньше, моя ст. в „Вестн. Евр.", 1916, авг., и отдельно. Харьк. 1918.

[3]) Hall, Aegean Archaeology.

века. „Какой археолог или художник“, замечает он по поводу их, „представляя себе Федру или Пасифаю (жену Миноса), помыслил бы сблизить ее образ с образом своей бабушки в бальном костюме, танцовавшей при дворе Карла X или Луи-Филиппа?“. Другой французский ученый говорит об этих дамах: „Их непринужденные позы, их неправильные, но миловидные лица, их подвитые волосы вызвали сперва изумление, а потом радость разных археологов, увидевших эту фреску. Под классическим искусством, таким простым по своим формам, найден был современный мир, с его нарядностью, и более привычною и более искусственною“. Или, напр., интересен портрет молодой особы, изображенной в профиль, по грудь, со вздернутым кончиком носа, с ярко пунцовыми губами, с ниспадающими на затылок волнистыми волосами, от которых отделилась прядь, в виде небольшого локона или завитка спускаясь на лоб, с большим бантом на спине. Рисунок сделан, очевидно, наскоро, несколько небрежен, не совсем правилен (напр. глаз), но смел и выразителен. Изображение исследователям показалось столь современным, что эту особу назвали „парижанкой“. С ним можно сопоставить некоторые статуэтки и геммы. Одна из статуэток изображает, напр., платье с различными полосами вверху и растениями внизу; а на одной из гемм мы видим женскую фигуру перед деревом и жертвенником с чрезвычайно изогнутой, выдавшейся вперед верхнею частью корпуса, перетянутой талией, в юбке, стянутой у колен. Гемма, вероятно, имеет отношение к религии, но нас в данном случае интересует не ее смысл, а внешность изображенной женской фигуры. Если такое и ему подобные изображения показать современным дамам и спросить, откуда это, то они, наверное, ответят, что это — плоховато исполненное изображение из недавнего — времен перед мировой войной — модного журнала, „какая-то барыня“ [1])! Исследователь древне-критских туалетов [2]) утверждает, что уже в то время существовали корсеты, рукава, воротники, передники, панталоны, шляпы (с каркасом) и т. под. „Костюм древне-критский и костюм некоторых стран современной Европы“, по его мнению, — „одного и того же происхождения; это — два разветвления одного и того же ствола, отделенные веками друг от друга“.

Многие фрески поражают натуральностью изображения, верно схваченными чертами. Изображен несущий вазу юноша с длинными локонами, полуобнаженный, в переднике, с ожерельем на шее, с запястьями на руках и подобными же украшениями на ногах. Правою рукою он держит вазу за ручку, а левою придерживает ее снизу; с видимым напряжением идет

[1]) П. А. Флоренский, Напластования эгейск. культуры (Богосл. Вестн.), 1913, июнь, стр. 359—60.

[2]) Deonna, Les toilettes modernes de Crète Minoenne. Genève. 1911. (Berl. Phil. Wochenschri, 1913, № 13).

он вперед, изогнувши стан сильно назад. „Работа, усилие, движение великолепно выражены общим контуром и стана и рук“ [1]). На фресках в Агии Триаде чрезвычайно реально изображаются природа и животные: то пестрый фазан сидит на ветке, а из-за куста выглядывает дикая кошка, стерегущая его жадными глазами; то темноватый бык пробирается через кустарник, между деревьями, и своими рогами раздвигает ветви; то заяц бежит по полю, усеянному цветами, и проч. Природа изображена с такою естественностью, что можно даже определить те растения, которые нарисованы на картине,— плющ, дурман и друг. На одной картине — женщина, нарядно одетая в платье небесно-голубого цвета, с красной каймой, с пестрыми оборками; она сидит, повидимому, на троне, а вокруг — яркая зелень... Но особенно распространено изображение быка то бегущего то пойманного, его ловли или усмирения, игры или боя с ним (тавромахия). Полагают, что это не простые сцены из обыденной жизни и не только спорт или акробатство, что — по крайней мере, первоначально — это имело отношение к культу, что тавромахия, эти игры, как и танцы, имели религиозное значение, входили в ритуал, были священнодействием. Как бы то ни было, позы и движения животных и действующих лиц, среди которых встречаются и женщины, отличаются удивительною естественностью, выразительностью.

По реализму и выразительности с этими фресками следует сопоставить стеатитовые вазы с рельефными изображениями, тоже из Агии Триады.

На одной изображена какая-то процессия: идут попарно мужчины, обнаженные по пояс, без бороды и усов, на голове у них тюрбаны, правая рука на груди, сложена в кулак, на левом плече у каждого нечто вроде вил с тремя зубьями. В центре процессии идет человек; в руках у него музыкальный инструмент, похожий на египетский систр; рот его раскрыт, он поет громко, „во все горло“; сзади него три женщины с откинутыми назад головами: они тоже поют „во все горло“. В одном из задних рядов изображен упавший на землю человек; идущий впереди него оборачивается, повидимому, с раздражением. А впереди всей процессии шествует фигура крупнее других, с обнаженной головой, с длинными волосами, с изогнутой тростью на правом плече, в тунике или панцыре, неплотно прилегающем к телу, несколько отстающем внизу. Эту вазу назвали „вазой жнецов“. По мнению Гальбгерра и Савиньони, это — военное шествие с музыкой, по другому — религиозная процессия в праздник жатвы или фаллофория, шествие с фал-

---

[1]) Ф. И. Шмидт, Введ. к курсу всеобщ. истории искусства (Зап. Харьк. Унив., 1915, кн. 3), стр. 185. В отдельн. изд. под заглав. „Законы истории“. 1916.

лосом [1]). По художественности работы эту вазу сравнивают с произведениями флорентийских мастеров эпохи Возрождения. Другая ваза, воронкообразной формы, в четырех горизонтальных поясах, между которыми распределены сцены, изображает борцов и воинов, бой быков, гимнастические состязания, кулачный бой, борьбу... С удивительною верностью представлены различные положения. Напр., во втором поясе бык подымает человека на рога, в четвертом — один из борцов упал на спину, на обе лопатки, высоко подняв ноги; другой, сидя на земле, ногою отбивается от противника и т. под. На фрагменте третьей вазы обращает на себя внимание чрезвычайно выразительная гордая, повелительная поза царя или вообще начальника, пред которым стоит, с оружием на плече, очевидно, подчиненный („офицер"), а далее виднеется голова воина, солдата. Это — редкие изображения воинов и военных сцен [2]): на Крите решительно преобладают сцены из мирной жизни; судя по ним, культура тут носила преимущественно мирный характер.

Натурализм, естественность, уменье тех далеких от нас мастеров изображать природу бросаются в глаза и в других произведениях. На фаянсовой пластинке из Кносса, изображающей козу с детенышами, так естественна поза одного из этих детенышей, пригнувшегося, сгибая передние ноги, и сосущего матку! Или, напр., фрагмент руки в натуральную величину, воспроизводящий все мускулы и даже жилы! Насколько верны природе были иногда изображения в ту отдаленную от нас эпоху, показывает пример краба: Эванс нашел в Кноссе краба, сделанного из глины, и принял было его за естественного, лишь окаменелого.

О высокой художественной технике в пору расцвета „минойской" культуры свидетельствуют и многочисленные изделия керамики, в особенности вазы „Камарес" [3]). Так называется тот вид ваз, образцы которого впервые были найдены у деревни этого имени, в пещере, на южном склоне горы Иды. Вазы эти — с закругленными ручками, тонкими стенками, пестро, ярко разрисованы: на блестящем черном фоне — красные, белые или желтовато-белые (кремовые) цвета или, наоборот, по светлому фону — черные или красные цвета. Они украшены изображениями кругов, розеток, спиралей, лилий и других растений, осьминогов, щупальцы которых иногда кажутся живыми.

---

[1]) Об этой вазе — Savignoni в R. Accad. dei Lincei, XIII, 1903; Monum. Ant.; R. Weil в Rev. Arch., 1904, janv.—févr. и др.

[2]) Можно отметить еще, среди произведений из гипса и штукатурки, изображение какого-то начальника или царя почти в натуральную величину с опоясанною талиею, с гордо откинутой назад головой, в короне с перьями, опирающегося на жезл или копье.

[3]) Mackenzie, The pottery of Knossos (Journ. of Hellen. Stud., XXIII, 1903); Reisinger, Kret. Vasenmalerei vom Kamares bis zum Palast-Stil. Leipz. 1912.

Некоторые из этих ваз настолько тонко сделаны, что их можно сравнить с тонким китайским фарфором. Вообще знатоки критских древностей уверяют, что подобные изделия никогда не были превзойдены во всей истории керамики и что по тонкости и по впечатлению, производимому красками, они совершеннее, нежели старая венецианская посуда.

Реализм, естественность, выразительность сменились впоследствии, в эпоху упадка „минойской“ культуры, вычурностью, условностью, тем стилем, который мы называем „декадентским“ (упадочным).

Говоря о произведениях художественного ремесла, следует отметить еще фаянсовые статуэтки, женские фигуры, найденные в Кноссе, близ „царской виллы“: в них видят женские идолы, между ними — изображение (по обычному мнению) богини или жрицы с высоким головным убором вроде шапки или короны древне-персидских царей, обвитой змеей, и с тремя змеями, обвивающими туловище [1]). Для характеристики религиозных верований критско-микенской эпохи интересны грубые каменные или глиняные женские фигуры, со сложенными руками, с резко выраженными, как бы подчеркнутыми, признаками женского пола, находимые на Крите и за его пределами. По господствующему воззрению, это — „нагая богиня“, олицетворение женского начала в мире, богиня, которую сближают с „Великою Матерью“ (Реей, Кибелой) [2]), почитание коей, под разными именами, было очень распространено на Востоке, в особенности в Малой Азии. Мало-азийскую «Великую Матерь» и владычицу зверей напоминают также некоторые изображения на геммах и печатях, напр., женская фигура, стоящая на вершине горы, между двумя львами [3]) и т. п. Встречаются часто и фантастические изображения разных, как думали, демонических существ [4]) с бычачьими (вспомним Минотавра), бараньими, ослиными или птичьими головами, а также фигуры (может быть, щиты) в виде цифры 8 или скрипки.

В Кноссе и в других местах находим в большом числе изображения бычачьих рогов. Мы видим их на стенах, на вазах, камнях, саркофагах; их изготовляли из гипса, стеатита, металла. Это — так называемые Horns of consecration, вотивные или посвященные рога: бык был священным животным, воплощением или аттрибутом божества, а рог — главный аттри-

---

[1]) Есть мнение, что это вовсе не идол, не жрица, а просто укротительница змей (Ф. И. Шмит, стр. 167—8).

[2]) Ф. И. Шмит видит в „Эгейских идолах“ грубо-магические изображения женщины-наложницы, которые клались в могилу, как и фигуры музыкантов, чтобы обеспечить покойнику радости земной жизни (стр. 162).

[3]) По Дюссо, стр. 338, это не богиня, а человеческая личность, обращающаяся к ней с молитвой на вершине горы.

[4]) Эванс в The Palace of Minos видит в них не демонов, не продукт зоолатрии, а изображения, которые делались просто с целью предотвратить подделки.

бут или символ божества, предмет культа [1]). На критских памятниках той эпохи очень часто встречается также изображение двойного топора, т. е. с двумя лезвиями: в Кноссе, как мы видели, была „зала двойного топора“. Он служил, очевидно, тоже какою-то религиозною эмблемою, по мнению одних — мужского божества, бога грома и молнии, небесного бога, оплодотворяющего мать-землю, по мнению других — символом божества женского, великой богини-матери, богини плодородия, животворящей силы. В связь с двойным топором, labrys (греч. слово, заимствованное из лидийского) приводят иногда самое название „Лабиринт“ [2]). К священным символам относятся, вероятно, и столпы или колонны, играющие чрезвычайно видную роль в критских дворцах. Некоторые же видят в них архитектоническое средство, просто опору для верхних этажей. Но, кроме того, изображения столпов встречаются на геммах, перстнях, фресках, и там они, очевидно, представляют известный символ, являются предметом культа (может быть, как сокращенное изображение священного дерева).

В связь с культом ставят и такие действия, как ловлю и усмирение быка, прыгание через него, борьбу с ним, тавромахию, — действия или игры, входившие в ритуал. Впоследствии священный характер их мог утрачиваться, становиться пережитком и тавромахия превращаться больше в спорт и акробатство, в развлечение, зрелище. Судя по некоторым изображениям, были и священные танцы, вроде, напр., исступленных танцев русских сектантов [3]). А к числу чисто светских развлечений обитателей критских дворцов принадлежала игра в шашки, как доказывает найденная в Кноссе великолепная шахматная доска из слоновой кости с украшениями из золота, серебра, горного хрусталя.

Замечательно, что развалин и следов храмов, как отдельных обширных зданий, на Крите не найдено: очевидно, таких храмов там не было. Были лишь святилища — жертвенники или алтари, домашние молельни во дворцах, с престолами. Божества почитались также в священных рощах, в пещерах, в священных огороженных местах. Как показывают могилы и расписной саркофаг, о котором мы еще будем говорить, существовало почитание умерших.

Типы могил на Крите разнообразны, в зависимости, может быть, от эпохи, народности, знатности или незнатности погребенного. Обычно встречается погребение в земле, но есть

---

[1]) Е. Е. Кагаров, Культ фетишей, растений и животных в древн. Греции. Спб. 1913, стр. 36—38.

[2]) С чем, однако, не все согласны. См., напр., E. Meyer, Gesch. d. Altert., I[2], 2, 637, прим.

[3]) Б. Л. Богаевский Нов. минойское кольцо с изображ. культов. танца (Зап. Классич. Отд. Русск. Арх. Общ., VII, 1913), видит в танце этом род симпатической магии: таким способом желали вызвать появление божества.

случаи сожжения умерших. Могилы были часто общими иногда для костей и черепов отводилось особое место. В общем, есть два главных типа критских могил — шахтообразные и куполообразные. Последние, характеризующие собственно микенскую эпоху, на Крите встречаются еще раньше. Прототипом для них послужили, вероятно, первобытные жилища круглой или овальной формы. Развалины большой купольной могилы открыты в окрестностях Агии Триады; она — из грубо отесанных камней; к ведущему к ней ходу (dromos) примыкают 12 малых камер. Все это оказалось полно скелетами: Гальбгерр насчитал их до 200 в купольной могиле и 50—в камерах. Найдены остатки глиняных ящиков или гробов, бронзовое оружие и разные предметы из золота, слоновой кости, стеатита, глины и проч., — серьги, ожерелья, амулеты, статуэтки и в особенности многочисленные печати различной формы и с различными изображениями. В 1910 г. Де-Санктис открыл близ Феста две купольных могилы. Царское погребение в Исопате, близ Кносса, к сожалению, было еще в древности разграблено, так что в могиле почти ничего не осталось; только немногие предметы свидетельствуют о былом ее богатстве.

С представлениями о загробной жизни и связанными с этим жертвоприношениями знакомит нас росписной саркофаг из Агии Триады [1]), чрезвычайно интересный и в художественном отношении.

На одной из продольных сторон саркофага, направо, изображена какая-то небольшая постройка, повидимому, камера, с изукрашенной спиралями дверью. Спиною к ней стоит мужская фигура, завернутая в плащ из звериной шкуры, словно в саван; перед нею — пальмовое дерево и трое мужчин, один за другим, с подношениями: один подносит предмет вроде ладьи или слонового клыка, двое других — по теленку. Мужчины обнажены по пояс, ниже пояса одеты в платье, точнее в юбку из звериных шкур. Фон, на котором изображены эти фигуры, голубой, тогда как остальной фон фресок на этой стороне саркофага белый. Левее, спиною к только-что описанной сцене, изображена фигура, судя по темному цвету лица—мужчина, а по одежде—женщина, с музыкальным инструментом, вроде лиры в руках. Впереди ее женщина с короной на голове, в богатой одежде; на плечах у нее коромысло с двумя корзинами или ведрами. Далее — женщина (опять в платье из звериной шкуры) льет из подобного же сосуда какую-то жидкость в большой кратèр, стоящий между двумя древесными стволами или столпами, сверху которых двойные топоры и на каждом сидит птица. На другой продольной стороне саркофага, гораздо

---

[1]) Опубликован Paribeni в Monum. Ant. dei Lincei, XIX, 1908; ст. о нем—Duhn в Arch. f. Religionswiss., XII; Petersen, Jahrb. d. Arch. Instit, XXIV; у Dussaud, стр. 261.

хуже сохранившейся, между прочим, тоже изображен столп с двойным топором и птицей, жертвенник, перед которым стоит женщина в платье из звериной шкуры, с протянутыми руками, со взглядом, устремленным вперед; на жертвеннике — корзина и графин, а вверху, как бы в воздухе, тоже корзина с фруктами. Налево от этой женщины лежит на подставках связанный бык, очевидно, предназначенный для жертвоприношения; ниже его, на земле, две козы или лани, а вверху из-за быка виднеется мужчина с флейтой во рту, с надутыми от усилий щеками. Налево сохранилась только нижняя часть росписи — ноги и длинные платья нескольких человеческих фигур. На этой продольной стороне фон направо — голубой, посредине — белый, налево — желтый. На обеих продольных сторонах саркофага фрески обрамлены розетками и спиралями. На боковых сторонах — колесница с двумя сидящими в ней женскими фигурами; на одной стороне колесницу везут лошади, на другой — грифоны, чудовища с телом львицы и головой орла, над которыми изображена птица, обращенная к сидящим в колеснице. Представляют ли изображения на продольных сторонах саркофага две отдельных сцены или же одна служит продолжением другой, мнения расходятся. Вообще объяснения подробностей могут быть разные; но в общем пред нами, повидимому, погребальный обряд или жертвоприношение умершему.

К более поздней поре минойской культуры относятся глиняные саркофаги — „ла̀рнаки“, формой своей напоминающие галоши. Тела покойников клались в них на дно с поднятыми и согнутыми ногами.

В кносском дворце существовал ряд магазинов или кладовых, с корридорами. В полу устроены были особые помещения для хранения, повидимому, самых ценных предметов; прикрывались они каменными плитами, в уровень с полом. К сожалению, они оказались пустыми.

Уже в эпоху минойской культуры известно было письмо: у магазинов и в разных помещениях найдены тысячи продолговатых глиняных табличек с письменными знаками, подвергшихся действию огня и благодаря этому сохранившихся, сложенных массами, в некотором порядке. Это — уцелевшие архивы. Письмена двух систем: одна приближается к иероглифам, „пиктографическая“, о̀бразное письмо; по предположению Эванса, оно господствовало в восточной части Крита и принадлежало его первобытному, туземному населению, этеокритянам. Другая система приближалась к буквенным знакам, причем строчки разделены линиями („линейное письмо“) [1]. На многих

[1]) Evans, Scripta Minoa. Oxf. 1909; Weil, La quest. de l'écrit. linéaire (Rev. Arch., 1903); Gleye, Kret. Stud. Томск. 1912 (из „Изв. Томск. унив.“); Sundwall, Ueber die vorgriech. lineare Schrift auf Kreta. Helsingfors. 1914. — Линейному письму класса А Эванс (в The Palace of Minos) придает преимущественно сакральное значение.

табличках имеется изображение колесницы, людей, лошадиных голов и т. д. Найдены и глиняные предметы с отверстиями, вероятно, для снурка; предметы эти, надо полагать, привешивались к табличкам и служили печатями. Письмена критские пока не разобраны; язык их неизвестен; но думают, что упомянутые таблички содержат в себе разного рода инвентари, счета, квитанции и т. п. Кроме того, имеются письменные знаки на камнях и других предметах, сделанные, повидимому, каменотесами или мастерами, как помета принадлежности, — знаки, подобные тем, которые встречаются в разных местностях на протяжении многих веков [1]).

Письменными знаками являются и те изображения, которые находятся на небольшом диске из обожженной глины, который найден в Фесте в 1908 г. [2]). Среди этих знаков чаще всех повторяется двойной топор, лира, человеческая голова в короне или в шлеме с перьями. Последнее изображение особенно интересно: в нем усматривают сходство с изображением народа П у л а с а т и, т. е. филистимлян, на египетских памятниках времени Рамсеса III. Письмена на диске, повидимому, идут от периферии к центру, справа налево; письмо идеографическое [3]). Был ли диск этот туземного, критского происхождения, или же он очутился здесь, будучи завезен из какой-либо иной страны, неизвестно.

Критско-микенская культура имеет более чем тысячелетнюю историю, и кносский, как и фестский, дворец насчитывает несколько периодов в своем существовании. Древнейшие остатки старины в Кноссе, как мы видели, относятся еще к неолитическому периоду, а начало бронзового века — к III тысячелетию. В начале второго тысячелетия был построен в Кноссе первый дворец; почти одновременно и в Фесте строится первый дворец. Вскоре, как там, так и здесь, на месте первого дворца возникает второй, который затем подвергается перестройке. Около 1400 г. оба эти дворца, как кносский, так и фестский, разрушаются, погибают в пламени. В XIII—XII вв. настает конец критско-микенской культуры.

Сверх неолитического слоя, по примеру Эванса [4]), принимают обыкновенно три периода минойской культуры: 1) ранне-

[1]) Ф. И. Успенский („Вестн. Самообраз.“, 1904, № 13) обращает внимание на знак к р е с т а, встречающийся то отдельно и самостоятельно, то в различных сочетаниях и комбинациях, служащий большею частью орнаментом, но иногда означающий символ или идею.

[2]) О нем — E d. M e y e r в Sitz.-ber. d. Berl. Akad., 1909; A. I. R e i n a c h в Rev. Arch., XV, 1910; А. Г. Б е к ш т р е м в Ж. М. Н. Пр., 1911, дек.

[3]) По Эвансу (The Palace of Minos) это, вероятнее всего, метрический гимн, часть большого произведения, в котором речь идет о войне, морских экспедициях и т. д.

[4]) Essai de la classification des époques de la civilisation minoenne. L. 1906. В последнем своем труде (The Palace of Minos) Эванс вносит некоторые изменения в свою хронологию.

минойский (Early Minôan), 2) средне-минойский (Middle Minôan), и 3) поздне-минойский (Late Minôan), и каждый подразделяют еще на три части, напр.: ранне-минойский I, ранне-минойский II ранне-минойский III и т. д. Расцвет минойской культуры начинается со II средне-минойского периода. Это время первого дворца в Кноссе и в Фесте, ваз Камарес. Высшего блеска минойской культуры и могущества Крит достигает в конце средне-минойской и в начале поздне-минойской эпохи. Это время второго дворца в Кноссе и Фесте, дворца в Агии Триаде, эпоха натурализма. К ней относится большая часть фресок, „ваза жнецов“, изображение козы с детенышами, диск из Феста, быть может, линейное письмо. Второй поздне-минойский период характеризуется господством условного, так назыв. „дворцового стиля“ (Palace Style); к последней эпохе (III) поздне-минойской принадлежат глиняные саркофаги, ларнаки. Что касается росписного саркофага из Агии Триады, о котором мы говорили, то его относят к поздне-минойскому периоду, ко II, если не к началу III [1]).

Не говоря уже о лежащем близ самого берега Крита островке Мохле, где найдены поселения и многочисленные могилы, а в них различные предметы, эгейская культура обнаруживается на Цикладах и других островах Архипелага (древнейший период этой культуры здесь носит специальное название—культуры цикладской или островной), особенно на Аморгосе, на Фере, под толстым слоем лавы, и на Мелосе. С последним Крит имел тесные сношения: в древности Мелос был главным поставщиком орудий из обсидиана, находимых и на Крите. На Мелосе, в Филакопи, были поселения вроде тех, которые существовали на Крите в Гурнии. Из предметов, находимых вообще на Цикладах, следует отметить „обрезные камни“, геммы, керамику, каменные женские „идолы“ со скрещенными руками и изображения, по форме похожие на скрипку или цифру 8. — Следы критско-микенской культуры имеются и на Родосе, Кипре (могильные находки в Энкоми), где, однако, существовала и иная, хотя бы и родственная культура („Кипрские вазы“) [2]), на Эгине.

[1]) Хронологию минойской культуры можно приблизительно установить благодаря тому, что критско-микенские предметы находятся среди датированных египетских памятников; с другой стороны, египетские предметы, дата которых может быть установлена, имеются в слоях критско-микенской культуры. Но в частностях исследователи расходятся в своих хронолигических определениях. Так, Рейзингер (Kret. Vasenmalerei) не совсем соглашался с классификацией Эванса; Эванс в новом труде своем, как упомянуто, несколько изменил свои хронологические определения. Теперь его даты: неолитический период—8000—3400; субнеолитический и E. M. I—3400—3000—2800, E. M. II—2800—2400, E. M. III—2400—2100; M. M. I—2100—1900, M. M. II—1900—1700, M. M. III—1700—1580 и т. д.

[2]) О Кипре—подробно у Dussaud. По Poulsen, Der Orient uud die frühgriech. Kunst. Berl.—Leipz. 1912, металлические чаши—финикийские, во всяком случае—сирийские, а не кипрские, как полагает Дюссо.

Кроме Крита, другим замечательным местонахождением древнейшей культуры в районе Эгейского моря была Троя.

Тут сверх собственно троянской культуры, открытой Шлиманом, в слое шестого города существовала культура микенская, открытая Дёрпфельдом. Между этим городом и центрами критско-микенской культуры были тесные сношения и связи.

На континенте Греции главным—известным нам—средоточием эгейской культуры являются Микены и Тиринф. Но все тут носит более воинственный отпечаток, нежели на Крите, а тиринфский дворец, как и другие „микенские" дворцы, отличается от дворцов критских не только размерами, но и по своему плану [1]); в нем главное—мегарон, зала с очагом. „Греческие дворцы Тиринфа и Микен", замечает Пёльман, „соответствуют потребностям народности севера, нуждающейся прежде всего в тепле: очаг ставился в средоточие всего дома. И вот в древнейших критских постройках нет этого источника искусственного тепла и нет мегарона. Их залы, покоящиеся на столбах, с галлереями и открытыми внутренними дворами, расчитаны на то, чтобы давать прохладу своим обитателям и защищать их от солнечного зноя, т. е. соответствуют потребностям народа-южанина" [2]).

В общем микенская эпоха соответствует поздне-минойской на Крите. „Микенские" изделия и памятники во многом сходны с критскими: по Эгейскому морю, между Арголидой и Критом, велись сношения, и последний влиял на первую. С Крита ввозились предметы, являлись мастера; под воздействием критских и иных образцов возникало и местное производство. Но каковы были политические отношения Микен и Тиринфа к Криту, мы не знаем.

Следы той культуры, которая сперва получила свое название по имени Микен, находятся не только в Микенах и Тиринфе, но и в других местах Арголиды—в Навплии, в Герейоне, на месте храма Геры, близ Аргоса на пути к Микенам.

На континенте Греции район распространения критско-микенской культуры не ограничивался Арголидой: он захватывал преимущественно восточную часть Греции, обращенную к Эгейскому морю, к Криту и к культурным странам древнего Востока, от южной оконечности Пелопоннеса и до северной Фессалии. Она существовала в Лаконии, о чем свидетельствуют не только Гомерические поэмы (IV песнь Одиссеи, где рассказывается о пребывании Телемака у Менелая в Спарте), но и археологические данные: близ Амикл, в Вафио, есть купольная могила, и найдена известная золотая чаша с прекрас-

---

[1]) Noack, Homer. Paläste, Leipz. 1903, подчеркивает отличие „микенских" дворцов от гомерических. Ему возражал Dörpfeld (в Mitt. d. Deutsch. Arch. Instit. Athen., XXX, 1905; XXXII, 1907).

[2]) Pöhlmann, Griech. Gesch., 5-te Aufl. Münch. 1914, стр. 22 („Оч. греч. ист.", Спб. 1910, там же).

ными изображениями ловли или усмирения быков,—сюжет столь характерный для критско-микенской эпохи. А в Спарте, близ Менелайона, было поздне-микенское поселение, разрушенное огнем. В Аттике встречаются „микенские“ могилы в Спате, Мениди, Форике. В самых Афинах, на акрополе, на том месте, где потом воздвигнут был знаменитый Парфенон, во II тысячелетии до Р. Хр., возвышался „микенский“ дворец, а среди наиболее глубоких слоев „персидского мусора“, образовавшегося вследствие разрушения во время персидского нашествия, попадается утварь вроде троянской. Есть следы критско-микенской культуры в Дельфах; недаром легенды устанавливают связь между Критом и дельфийским Аполлоном: они рассказывают, что критские моряки, путеводителем которых был сам Аполлон, явились в Дельфы и стали здесь его первыми жрецами.

Еще более крупные следы оставила эгейская культура в Беотии, в особенности в местности у Копаидского озера. В Орхомене, на северном берегу озера, была купольная могила на подобие микенских—знаменитая „Сокровищница царя Миния“. Вообще верхний слой Орхомена, как было уже упомянуто, хранит остатки „микенского“ дворца с живописью, подобной фрескам на Крите и в Тиринфе, и с многочисленными сосудами, на одном из которых — надпись вроде критских письмен. У самого озера Копаидского устроены были в древности огромные сооружения, с целью его осушения, среди же озера на острове находился громадный дворец; к нему тесно примыкал город, вокруг которого, по берегам озера, шла циклопическая стена.

Что касается северной области Греции, Фессалии, то здесь не столько интересны остатки микенской культуры, напр., в Воло (купольная могила), сколько находящиеся глубоко под микенским слоем (остатками дворцовых сооружений) следы гораздо более древней неолитической культуры в „доисторических акрополях“ близ того же Воло в Сескло и Димини, — культуры, существовавшей здесь очень долгое время, начало которой относят за 3000 лет до Р. Хр. [1]). По мнению некоторых ученых, в том числе исследователей „доисторической Фессалии“, Wace и Thompson'а, а также Dussaud, в северной Греции в доисторические времена господствовала культура иного происхождения, чем та, которая шла с юга, с Крита: Фессалия — представительница в Греции того течения, которое шло с севера, из Средней Европы; здесь оба течения сталкивались, и Фессалия была барьером, рубежом между миром эгейским и народами балканскими; микенское же влияние явилось в нее поздно, было поверхностным, в глубь страны не проникло и ограничивалось

[1]) Так датирует Цунда (Tsountas), исследовавший названные доисторические акрополи, мегарон А в Димини. Впрочем, есть и возражения против такой датировки.

берегом. Другие здесь видят лишь разветвление одной общей культуры, существовавшей некогда на Крите и других островах Эгейского моря, и признают, таким образом, единство ее, все равно, искать ли родину этой культуры на юге, на Крите, или же на севере, в средней Европе (Э. Р. Штерн, Б. В. Фармаковский) и даже на западе (Лихтенберг). Во всяком случае есть черты сходства между неолитической культурой Фессалии и, напр., культурой троянской, вообще эгейской.

Критско-микенская культура проникала и на запад Греции. Ее остатки встречаются в Олимпии, на месте Пилоса, резиденции старца Нестора—Пилоса, который находился, как оказывается, в Трифилии, около нынешнего Kakovatos, а не у Пилосской бухты, где теперь Наварин; на острове Левкаде, которую Дёрпфельд отождествил с родиной Одиссея, Итакой, что, впрочем, подвержено еще спору, и на Кефаллонии, где, кроме купольных могил и вообще предметов микенской эпохи, открыта неолитическая стоянка с погребением внутри или около хижин. Ее следы имеются и за пределами Греции— в Сицилии и Сардинии, в Италии (в особенности обращают на себя внимание черты аналогии между этрусской и эгейской культурой), даже на Пиренейском полуострове: повидимому, эгейцы проникали на дальний запад, в Испанию, за серебром, которым та была богата, хотя прочных поселений они там и не основывали. Найденные же в Микенах украшения или шарики из янтаря указывают на какие-то сношения с далекими берегами Балтийского моря.

Неолитическая же культура с чертами, напоминающими троянскую и ту, которая находится под микенским слоем в Фессалии, открывается на север от Греции—во Фракии и Македонии, Сербии и Боснии, в Венгрии и Румынии, Буковине и Галиции. Ее следы идут далеко в среднюю Европу, в Чехию, и на северо-запад, до Ютландии и Франции. Мы встречаем ее и на Украине, в Черниговской, Киевской губ., в Бессарабии. Это— та культура, которая у нас открыта была В. В. Хвойкой и названа „культурою Хвойки“ или „трипольскою“. Следы ее найдены потом, как мы видели, проф. Э. Р. ф. Штерном в деревне Петрены, в Бессарабии. Это—культура, характеризуемая „площадками“ и сосудами с изображениями человеческого лица, животных, грушевидными и биноклеобразными, с росписной керамикой, представляющей сходство с троянской и критско-микенской.

В виду такого сходства многие принимают рассматриваемую культуру за одно целое. По словам Б. В. Фармаковского [1]), все памятники этой культуры свидетельствуют об однородном быте, однородных вкусах, одном стиле в искусстве, одинаковой письменности, одной религии и вообще о едином мировоззре-

[1]) В предисловии к русск. перев. книжки Лихтенберга, стр. XI.

нии. Но вопрос в том, где родина этой культуры и откуда шло ее распространение. Одни (Губ. Шмидт, Э. Р. Штерн) принимают за родину ее среднюю Европу или южную Русь; по их мнению, племена с неолитическою культурою идут на юг, заселяют район Эгейского моря, где культура и достигает пышного расцвета. Другие принимают обратное движение — с юга на север—и в неолитической культуре средней Европы и Украины видят влияние, отражение культуры критско-микенской. Но возможно и третье решение: аналогичный, но независимый процесс в развитии неолитической культуры там и здесь, самостоятельное достижение сходных черт и результатов [1]).

Влияние старейшей до-критской эгейской культуры, повидимому, доходило и до Кубани; по крайней мере, в одном Кубанском погребении найдены глиняные и алебастровые человеческие статуэтки, представляющие аналогию таким же статуэткам Эгейских островов [2]).

Если признать единство эгейской культуры, то как далеко простиралась она и ее влияние — от Крита до Балтийского моря, от Киева и Черниговской губ. чуть ли не до берегов Испании! Во всяком случае это была одна из величайших культур древнего мира: эгейская культура была первою великою культурою в Европе [3]).

С другой стороны, между критско-микенским культурным миром и древним Востоком существовали тесные сношения, связь и взаимодействие.

Эгейцам — понимая под этим именем не только обитателей островов, но и вообще носителей эгейской культуры—море было хорошо знакомо. Это показывают сюжеты орнамента, столь употребительного у них, — частое изображение волнообразных линий (меандра), морских растений, полипов, медуз, спрутов и других низших морских животных, рыб и крабов. Имеется и изображение корабля, найденное на одном из островков близ Крита. По всей вероятности, эгейцы имели большой флот. Вспомним, что̀ говорит Фукидид о господстве на море Миноса (I, 4). По Эгейскому морю и в восточной части Средиземного велись тогда уже сношения, перевозились продукты из одних стран в другие; тут скрещивались и переплетались различные культурные влияния, оказывали взаимодействие друг на друга, и видную роль культурных центров и, так сказать, узлов должны были играть такие острова, как Крит, уже по самому своему географическому положению. Должны были установиться и близкие связи с культурным Востоком.

---

[1]) Е. Е. Кагаров, Нов. исслед. в области критско-микенск. культуры („Гермес", 1909. № 17 — 20).

[2]) М. И. Ростовцев, Эллинство и иранство на юге России. П. 1918, стр. 24 — 25.

[3]) Против преувеличенной оценки этой культуры — Poulsen, Der Orient und d. frühgr. Kunst, стр. 161.

Критско-микенская культура имела точки соприкосновения с культурой Малой Азии, Месопотамии, Сирии и Палестины. Так, напр., микенские могилы имеют сходство с памятниками Фригии, Карии, Ликии. Львы на микенских воротах напоминают нам тоже Фригию, пожалуй, Ассирию, но особенно памятники хеттов, остатки культуры которых открыты в центре Малой Азии, в Каппадокии, в Богазкеое; здесь тоже встречаются изображения львов, охраняющих врата, не в виде отдельных фигур, а связанных с каменными плитами, как бы прилепленных к этим плитам, как горельефы [1]). Отмечают, что и двойной топор—священная эмблема у хеттов [2]). Двойная секира между рогами быка находит себе аналогию и в Карии, в аттрибуте карийского божества Зевса Лабрандийского и в позднейшем карийском гербе на монетах. Изображения вроде „великой матери“ указывают на Малую и Переднюю Азию и на влияние опять-таки хеттов, у которых изображения божеств, стоящих на животных и на горах, являются специальною принадлежностью религии [3]). Женские идольчики с голубями напоминают семитическую Астарту. Найденная на Крите в Кноссе вавилонская печать в виде цилиндра явно свидетельствует о сношениях с Месопотамией. В Ниппуре, центре древнейшей Вавилонии, открыт дворец, который некоторыми считается „микенским“, сходным с тиринфским, что̀, впрочем, встречает возражения. В Южной Сирии, в Гезере и других местностях, обнаружены эгейские гончарные изделия, оружие, постройки эгейского типа, которые говорят о влиянии критско-микенской культуры [4]), что̀ вполне понятно, если вспомнить, что поселившиеся здесь филистимляне явились сюда, по свидетельству Библии, из Кафтора, т. е. Крита. Найденное в Микенах натуральное страусовое яйцо прямо указывает на Восток и на Африку.

Особенно же заметны сношения и связь между эгейским миром и Египтом. Оказавшиеся в кносском дворце, среди сосудов древнейшего периода, кусок чаши из прозрачного диорита египетской работы и другой фрагмент чаши египетской формы, но из липарита, т. е. из вулканической горной породы, находимой на Липарских островах, к северо-востоку от Сицилии, бросают свет на сношения Крита, на его посредничество между далеким западом, Италией, и долиной Нила еще в IV тысячелетии до Р. Х. [5]). В том же дворце оказалась крышка к вазе из египетского алебастра, с именем и картушем Хиана, наиболее выдающегося из царей гиксосов, пришлого народа, одно время властвовавшего над Египтом (приблизительно за 1700 лет до

[1]) Б. А. Тураев, Ист. древн. Вост., изд. 2-е. Спб. 1913, I, 331.
[2]) Poulsen Der Orient und die frühgriech Kunst. Leipz. 1912, стр. 74 сл.
[3]) Б. А. Тураев, I. 332.
[4]) Хогарт, Иония и Восток. Пер. с англ. Спб. 1914 (Прибавл. к 54 вып. „Изв. Археол. Ком.“), стр. 25.
[5]) Б. А. Тураев, I, 210—211.

Р. Х.): „Бог благой Свесер-ни-Ра, сын Ра-Хиан“, что явно уже указывает на ранние сношения Крита с Египтом. На Крите и в Микенах встречаются египетские скарабеи с именем Ти или Тии, египетской царицы, любимой и влиятельной жены фараона Аменхотепа (или Аменофиса) III, XV ст. до Р. Х., и с именем самого Аменхотепа. Среди находок на Крите попадается статуя египтянина, сфинкс и т. п. Вспомним также, что на известной „вазе жнецов“ из Агии Триады есть изображение музыкального инструмента, похожего на египетский систр [1]). А изображения на найденных в Микенах клинках, этот пейзаж, река и растения вроде лилий или папируса, напоминают нам долину Нила.

В свою очередь, находки в Египте, свидетельства египетских памятников, говорят о существовании сношений, культурных и политических, между миром эгейским и Египтом, о проникновении критско-микенских изделий в долину Нила, начиная с глубокой древности.

В гробницах фараонов первых двух династий—следовательно, второй половины IV тысячелетия — оказываются обломки глиняных сосудов, напоминающих критско-микенскую керамику. Начало сношений между островами Эгейского моря и Египтом относится, конечно, к еще более ранней поре [2]). Уже в текстах времен постройки пирамид упоминаются северные страны „Хауинебу“, а этим именем, как полагают, обозначались острова и народы Эгейского моря. В эпоху Среднего царства, приблизительно за 2000 лет до Р. Х., один из царских казначеев в надписи с гордостью называет себя „укрощающим Хауинебу“, т. е. эгейцев, а писец той же эпохи хвалится, что его пером вписаны в летописи также и Хауинебу [3]).

При существовании сношений между Критом и Нильскою долиной было бы удивительным, если бы в Египет не проникали изделия высоко развитой критской керамики, если бы там не было спроса на эти великолепные вазы Камарес, поражающие своей красотой и техникой. И действительно, в гробах времен XII династии (за 2000 лет до Р. Х.) найдены обломки критских глиняных сосудов. Столь распространенный в критско-микенском искусстве орнамент—спираль—употребляется и в Египте, хотя трудно сказать, кто у кого ее заимствовал.

Связи между эгейским миром и Египтом особенно усилились при XVIII династии, во времена Тутмоса III и Аменхотепа (Аменофиса) III, т. е. в XV и в начале XIV ст. На египетских памятниках того времени изображаются данники, приносящие свои дары; в числе их — „люди страны Кефтиу“; их дары — слитки серебра, серебряные головы быка, критско-микенские

---

[1]) Брэстед, Ист. Египта, М. 1915, II, 18 (пер. с англ.), принимает даже фигуру, идущую впереди процессии, за египетского жреца.

[2]) Связь Крита с Египтом Эванс (в The Palace of Minos) относит еще к додинастическому периоду.

[3]) Б. А. Тураев, I, 223—4; Брэстед, I, 198.

вазы и т. п. Самые фигуры человеческие по типу и одежде похожи на те изображения, которые имеются на стенах кносского дворца. Очевидно, „люди страны Кефтиу“ — обитатели Крита и островов Эгейского моря, представители мира критско-микенской культуры. Были ли они в вассальной зависимости от Египта в ту пору, были ли приносимые ими предметы действительно „данью“, как гласит оффициальный текст, сказать трудно; быть может, это были просто дары для поддержания добрых соседских или торговых отношений. Правда, есть указания, что владетель Кипра стал вассалом Египта при Тутмосе III, что флот последнего властвовал в восточной части Средиземного моря, и один военачальник этого фараона включает „острова среди моря“ в пределы, на которые простиралась его власть, в качестве правителя северных стран; но власть его ограничивалась, в сущности, получением ежегодных даров [1]). А какую роль играл тогда флот эгейцев, видно из того, что, как отмечают летописи Тутмоса III, лес, который египтетская армия рубила на горах Ливана, доставлялся в Египет на кораблях Кефтиу. Во всяком случае, тогда существовали живой обмен и тесные сношения между Критом и Египтом, еще более развившиеся при Аменхотепе III.

Мы видели, что на материке Греции и на островах встречаются скарабеи с именем этого фараона и его жены Тии, что клинки, найденные в микенских могилах, указывают на Египет. В свою очередь, подобные предметы встречаются и в Египте. Критско-микенские изделия находят себе все более и более доступ в долину Нила. На кораблях эгейцев сюда доставлялось в большом количестве серебро. На улицах египетских Фив постоянно можно было видеть обитателей критско-микенского мира [2]), существовали, повидимому, целые поселения, колонии эгейских купцов и мастеров в Египте. Их произведения оказываются среди царских сокровищ во дворце фараонов. В Телль-эль-Амарне, среди развалин этой столицы царя реформатора и еретика Аменхотепа IV, найдено множество микенских черепков (насчитывается 1341). — В Египте найдены „микенские“ мечи, теперь хранящиеся в Берлинском музее; один из них имеет картуш Сети I (ок. 1300 г. до Р. Х.).

Во второй половине XIV в., в начале XIX династии, князья Хауинебу изображаются на египетских памятниках, как покорные фараону. Опять-таки трудно сказать, действительно ли так было или же это изображение только условность, известное преувеличение [3]). А египетские памятники времени начавшегося уже упадка внешнего могущества Египта, в конце XIII и в начале XII стол., говорят о нападении северных или „морских народов“,

---

1) Брэстед, I, 319.
2) Брэстед. II, 18.
3) Б. А. Тураев, I, 326.

о движении этих народов на Египет, о том, что острова стали „беспокойны".

Отмечая точки соприкосновения между эгейской культурой и древнею восточною, в особенности египетскою, пока нелегко ответить на вопрос: кто на кого больше влиял, кто был стороной дающей и кто — получающей, воспринимающей [1]). Скорее всего, здесь было влияние взаимное, взаимодействие.

Из предыдущего видно, какую роль в жизни эгейцев должны были играть мореходство и торговля. Но и скотоводство и земледелие были у них достаточно развиты, как доказывают хлебные, ячменные зерна, найденные в Микенах и Аргосе, и бронзовые серпы на холме микенского акрополя. По-видимому, существовала уже в ту пору культура оливок. По крайней мере, в Тиринфе оказался целый сосуд, наполненный масличными косточками. Были тогда уже известны, вероятно, и виноград, и смоква [2]).

Памятники критско-микенской эпохи — „циклопические" стены из громадных каменных глыб; обширные дворцы, богато украшенные, с живописью на стенах, иногда с целым лабиринтом зал, корридоров и комнат, с магазинами и кладовыми для запасов, с местами для зрелищ, как это было в Кноссе и Фесте; царские могилы то в виде шахт или глубоких ям, в которых тела покойников оказываются засыпанными разными драгоценностями, то в виде величественных купольных сооружений, роскошно отделанных; тонко-художественная утварь и другие изделия, — все это красноречиво говорит нам не только о сравнительно развитой технике, о богатой культуре, некогда процветавшей по берегам и островам Архипелага, о тесных сношениях с восточными странами и т. п., но и о характере государства того времени, о том, что тогдашние цари были могущественными владетелями, что в их распоряжении были силы подвластного им населения, масса рабочих рук, вероятно, рабов, огромные материальные средства. Царей окружает придворная знать, аристократическое общество.

И эта богатая, цветущая с виду культура пала, исчезла, казалось, бесследно. Некоторые воспоминания о ней хранились в преданиях греков, в гомерическом эпосе; но долго ученая критика считала это не отголоском былой действительности, а порождением поэтического вымысла, фантазии. В течение столетий памятники критско-микенской культуры таились в недрах земли, под многовековым мусором, пока, наконец, уже в последнюю четверть XIX и в начале XX века не были извлечены на свет божий. Культура эта погибла в конце второго тысячелетия, около 1200—1100 г. до Р. Х., судя

[1]) Osw. Spengler в своем пресловутом Der Untergang d. Abendlandes, II, 103, считает минойскую культуру составною частью египетской.

[2]) Б. Л. Богаевский, Очерк земледелия Афин. П. 1915 (из Ж. М. Н. Пр.) стр .33, 39—40.

по всему, вследствие какой-то катастрофы — нашествия, завоевания, внешнего толчка. Но были, вероятно, как и всегда это бывает в истории, внутренние причины подобного падения; вероятно, внутренние язвы подтачивали эту на вид столь блестящую культуру; внутри критско-микенских государств происходило разложение, ослаблявшее их силы, и государства эти, с исжившей цивилизацией, не могли уже устоять против натиска внешнего врага, как не устояла когда-то могучая, а затем разлагавшаяся римская империя против вторжения германцев.

Но кому принадлежала эта культура? Кто был ее носителями? Кто были „эгейцы“ и этот внешний враг, нанесший смертельный удар их цивилизации?

Эгейская культура послужила одной из основ культуры греческой, а через нее и последующей общеевропейской. Но сама она в своей главной основе была негреческой; только последняя ее эпоха, собственно микенская культура, считается ахейскою, т. е. греческою. Как полагают, греки появились на Балканском полуострове во второй половине III или даже в начале II тысячелетия до Р. Х., т. е. тогда, когда эгейская культура уже существовала. У них сохранились воспоминания о народах, населявших Грецию до них, напр., о пресловутых пеласгах, лелегах, этеокритянах („настоящих“, „подлинных“ критянах), карийцах. Мы видели, что и Гомер отмечает пеструю смесь языков и народов на древнем Крите: среди них он называет „мужественных этеокритян“ и „божественных пеласгов“. О доисторическом населении свидетельствуют и сохранившиеся у греков географические названия [1]) вроде, напр., Парнасс, Гиметт, Коринф, Тиринф, [2]) и что замечательно: подобные названия носят не только местности, горы, но и города, а отсюда можно заключить, что города эти построены не греками. Не говорим уже о некоторых семитических, географических названиях Греции (напр. Иордан, Саламин) [3]). Кроме того, сохранилась надпись на о. Лемносе, которую принимают за тирренскую или этрусскую, и две надписи в Пресе, на Крите, написанные греческими буквами, но на каком-то неизвестном языке; думают, на языке этеокритян, которые жили в восточной части Крита около Преса.

И вот, когда открыт был прежде неведомый нам мир критско-микенской культуры, то ученые вновь вспомнили о пеласгах и других упомянутых народах, приписывая то одному, то другому из них эту культуру [4]). Наибольшим успехом одно

---

[1]) Fick, Vorgriech. Ortsnamen, als Quelle f. die Vorgesch. Griechenlands. Götting. 1905.

[2]) Окончания на — assos, — essos (= ettos) и — nthos — не греческие.

[3]) Assman, Zur Vorgeschichte von Kreta (Philog., N. F., XXI, 1908).

[4]) Что касается финикиян, то их роль, как торговцев, мореплавателей и основателей колоний или, точнее, факторий и распространителей культуры в бассейне Средиземного моря, принадлежит более позднему времени, X—VIII в., когда эгейская культура уже пала.

время пользовалось предположение, указывавшее на карийцев или вообще мало-азийскую расу, как носителей эгейской культуры [1]). Еще не так давно это мнение можно было считать господствующим. В пользу его говорили и свидетельства греческих историков, Геродота и Фукидида, о былом господстве карийцев на Эгейском море и на островах, о вытеснении их затем оттуда греками; и упомянутые географические названия, с негреческим окончанием, указывавшие на Малую Азию; и сближения Лабиринта с Зевсом Лабрандийским, имевшим своим аттрибутом двойную секиру, которая так часто встречается и на критских памятниках. Однако в последнее время, главным образом в виду немногочисленности следов эгейской культуры в Малой Азии, в самой Карии, это мнение уступило место другим.

Так, напр., приписывают эгейскую культуру „средиземной расе“, иногда считая ее „ливийской“, выводя ее из Африки [2]). Другие выводят создателей критско-микенской культуры из Европы западной (Лихтенберг), северной или средней [3]) и даже из пределов нынешней юго-западной Украины (Э. Р. Штерн, Б. В. Фармаковский), принимая их за арийцев, предков греков. Последнее находит себе опору в находках в Фессалии, под „микенским“ слоем, и в открытии „трипольской культуры“. По мнению Э. Р. ф. Штерна [4]), эта неолитическая культура, представляющая некоторые сходные черты с эгейской, не есть отражение последней, возникла не под ее влиянием, наоборот, — она ее первоисточник: культурное движение шло не с юга, а с севера на юг, в пределы будущего греческого мира, и там, на юге, в районе Эгейского моря, среди более благоприятных условий и под воздействием Востока, культура эта достигла того блестящего развития, какое мы видим на Крите и на почве Греции. Но и это мнение встречает возражения. Если бы принять его, пришлось бы отнести появление греков в районе Эгейского моря к гораздо более раннему времени, нежели это допустимо на основании других наших данных. Загадочным и необъяснимым явится самая гибель критско-микенской культуры, павшей быстро, как бы внезапно, тот резкий, крутой перелом, который обнаруживается в культурной жизни эгей-

---

[1]) Главным сторонником этой гипотезы явился известный лингвист Kretschmer, автор труда: Einleitung in die Gesch. d. griech. Sprache. Götting. 1896; ср. его-же очерк о языке в Einleitung in die Altertumswissensch., hrsg. von A. Gercke und Norden, т. I.

[2]) Главным образом — Sergi, Europa, l'origine dei popoli europei e loro relazioni coi popoli d'Africa, d'Asia e d'Oceania, Torino. 1908. Эванс находит, что критское население некоторыми чертами своими близко к анатолийцам, типа „арменоидного“. Другой слой — с юга, из Египта. По антропологическим признакам тип древнего населения Крита и Luschan называет „армяноидным“ или хеттитским (Anthropologie von Kreta, в Zeitschr. für Ethnologie, 1913, H. III).

[3]) Ср. Schuchardt, Alteuropa.

[4]) Доисторич. греч. культура на юге России. М. 1906.

ского мира на рубеже двух тысячелетий, в конце второго и в начале первого, когда блестящая, утонченная культура сменяется эпохой варварства „греческого раннего средневековья“: такой перелом, естественно, предполагает какой-то переворот, смену этнографических элементов, появление новых народов на историческом поприще, разрушающих прежде существовавшую культуру. Что же касается сходства черт в неолитической культуре средней Европы и юго-западной Руси, с одной стороны, и эгейской, с другой, то такое сходство может объясняться не только заимствованием: оно может являться результатом независимого одного от другого, параллельного процесса развития или тем, что обе культуры имеют один общий источник. Сходные предметы встречаются и в Сузах, в Центральной Азии, в Китае и даже в Америке...

Наконец, в последние годы перед мировой войной заговорили об известных нам еще из Ветхого Завета филистимлянах, о том, что они имеют отношение к Криту и его культуре, что это — народ эгейский. Дело в том, что среди изображений на диске, найденном в 1908 г. на о-ве Крите, в Фесте, особенно часто встречается человеческая голова в короне или в шлеме с перьями, и она совершенно соответствует изображению народа Пуласати на египетских памятниках [1]). Пуласати же — это филистимляне. Правда, диск мог быть привезен на Крит из какой-либо местности, но на филистимлян имеются и другие указания. В числе тех „морских народов“, которые нападали на Египет в начале XII стол. до Р. Хр. при Рамзесе III, называются Пуласати, т. е. филистимляне, на-ряду с Данона, т. е. данайцами, греками: „Явились Пуласати, Джаккара, грабившие страну. Отборные воины их шли на суше, другие по морю через рукав Нила. . Не устояла ни одна страна пред ними...“ [2]). Родиной филистимлян Библия называет Кафтор, т. е. остров Крит. Пророк Иеремия предвещает (47,4): „Господь разорит филистимлян, остаток острова Кафтор“. У пророка Амоса (9,7) „Говорит господь: не я ли вывел Израиля из земли Египетской и филистимлян из Кафтора“. Повидимому, филистимляне вытеснены были с острова Крита и переселились в Палестину; после поражения, нанесенного им египетским фараоном, Рамзесом III, они заняли прибрежную полосу, около Газы и Аскалона, и значительно „осемитились“ [3]). Все-же предметы, находимые в этой области, представляют сходство с эгейскими: керамика сходна с поздне-минойской; город филистимлян Газа носил название также и Минои. Известно, какую роль в критской архитектуре играли столпы; вспомним, что та зала, в которой веселились

---

[1]) Ed. Meyer, Der Diskus von Phästos und die Philister (Sitz.-ber. d. Berl. Akad., 1909, 21 Okt.).—О филистимлянах, их истории и цивилизиции — Macalister.

[2]) Б. А. Тураев, I, 338.

[3]) Б. А. Тураев, I, 338.

филистимляне и потешались над ослепленным Сампсоном, была с колоннами; Сампсон сдвинул столпы, и здание обрушилось. Любопытно, что Голиаф вооружен, как герои Гомера в пору раннего средневековья Греции [1]): „медный шлем на голове его; и одет он был в чешуйчатую броню... Медные наколенники на ногах его, и медный щит за плечами его“ (I кн. Царств., 17, 5—7).

Но теперь и гипотеза о филистимлянах, как носителях эгейской культуры, вызывает возражения. Эванс, напр., в новом своем труде (The Palace of Minos) утверждает, что филистимляне не имеют ничего общего с населением Крита: Пуласати и Джаккара не эгейцы; шлем с перьями на диске из Феста соответствует шлемам микенским, и филистимляне поселились в Палестине не во время, а позже движения „народов моря“. Говорят уже и об яфетидах, роль которых в создании средиземноморской культуры так выдвинул Н. Я. Марр.

Словом, много предположений связывается с критско-микенскою культурой. Пред нами возникает еще много недоумений и загадок. Разрешения их надо ждать тогда, когда разобраны будут пока еще таинственные для нас критские письмена. Быть может, на многое прольют свет и хеттские надписи, найденные при раскопках в Богазкеое, где была когда-то столица хеттов, ибо хеттская культура имела, несомненно, точки соприкосновения с культурой критско-микенскою [2]). Попытки разобрать эти надписи уже сделаны (см. „Открытия“, I, 212).

Но обратимся к другому вопросу: как пала эта первая великая цивилизация Европы? Пала она среди тех переселений греческих племен, одним из которых было вторжение дорян в Пелопоннес. Во II тысячелетии до Р. Хр. происходит движение греков на юг Балканского полуострова в район Эгейского моря. Движение произошло не сразу, а несколькими волнами. Это было не одно, а ряд переселений, — процесс занявший несколько веков: за одной волной шла другая. Вступая в область уже развитой, богатой культуры, греки то подчинялись ей, то наносили ей удары. Одна из первых волн греческих племен, так назыв. ахеяне [3]) около середины II тысячелетия заняли Пелопоннес, а затем (приблизительно в 1400—1300)— острова и самый Крит, но подчинились господствующей культуре, усвоили ее себе, наложив на нее некоторый свой отпечаток. Культура продолжала жить, покорив себе завоевателей, подобно тому, как впоследствии покоренная Греция пленила своего сурового победителя, Рим, Graecia capta ferum victorem

---

[1]) На это указывал еще Furtwängler в Die antiken Gemmen. 1906.

[2]) Б. А. Тураев, I, 331.

[3]) Таково господствующее воззрение. Kretschmer однако считает ахеян вторым слоем, а первым, древнейшим, — пеласго-ионийский, которому и отводит роль древнейшего греческого культурного народа (в ст. Zur Gesch. d. griech. Dialekte в Glotta, I, 1907—9).

cepit, или как Рим действовал обаятельно на германских варваров, нередко преклонявшихся пред ним и его цивилизацией. В этом смысле культура второй половины II-го тысячелетия, культура собственно микенская, называется ахейскою. Такое мнение находит себе опору, между прочим, в том различии, какое замечается в плане дворцов древнейших, критских, и более поздних микенских, и которое связывают с появлением нового народа — ахеян (Дёрпфельд). Но за первыми волнами последовали другие; явилось, наконец (ок. 1100 г.), греческое племя дорян, суровых, воинственных, принесших с собой железо. Их вторжение, как полагают, и положило конец критско-микенской культуре: доряне сокрушили эту культуру, внесли „варваризацию", и настало „греческое средневековье".

В таком приблизительно виде представляется, по господствующему воззрению, падение эгейской культуры. Что в XIII—XII в. в области Эгейского моря совершалось большое движение народов, это видно из египетских памятников того времени. Памятники эти говорят нам, что острова стали беспокойными, что северные народы пришли в движение, что „морские народы" нападали на Египет. И это не были простые набеги, а целые переселения: народы двигались и морем, и сушею, с женами и детьми, на повозках, запряженных волами, как изображают те же египетские памятники, напр., филистимлян. В числе „морских народов", нападавших тогда на Египет, оказываются имена ахеян [1]) и данайцев, т. е. греческих племен.

Итак, с господствующей точки зрения, греки не столько создатели эгейской культуры сколько, в лице дорян, ее разрушители. Под их напором падает эта древнейшая цивилизация Европы, но на ее развалинах и на ее почве расцветает потом позднейшая, уже чисто греческая культура, в которую вошли начала и культуры эгейской.

Тут само собою напрашивается сравнение. Ведь, и древний Рим и пышная античная культура пали, не говоря о внутренних причинах, под напором вторгающихся племен — германцев; эти вторжения, движение германцев на юг, основание варварских государств в пределах римской империи и на ее развалинах продолжаются целые века, от времен кимвров и тевтонов до времен лангобардов. Там и здесь совершается „переселение народов"; тысячелетняя богатая и утонченная

---

[1]) При фараоне Мернепта (1225—1215) среди нападавших египетские тексты называют Луку, Акайваша, Туриша, Шакалша, Шардана. Еще Ружэ отождествил их с ликийцами, ахеянами, тирренами, сицилийцами, сардинянами. Потом это отождествление было отвергнуто, как ошибочное, но теперь оно в общем признается правильным (Б. А. Тураев, I, 336), хотя даются и иные объяснения (см. Fick, Die Kriegszüge nördlicher Völker... в Zeitschr. f. vergleich. Sprachforsch., XLVII, 1915, по которому, напр., Шардана — не сардиняне, а сарды, лидийцы; так и A. Reinach в Hellénisation du monde antique, 8). При Рамсесе III (нач. XII в.) на ряду с Пуласати назван народ Данона, в котором видят данайцев.

культура погибает, наступает варваризация, пора „раннего средневековья“ и затем новый расцвет культуры, в одном случае эллинской, в другом — западно-европейской. Там и здесь прежняя культура погибает не бесследно; и мертвая, она оказывает могущественное влияние: ее наследие живет, ее начала, как основа или как составная часть, входят в культуру, явившуюся ее преемницей.

Словом, наблюдается поразительная аналогия между историческими событиями, из которых одно совершалось в восточной части Средиземного моря за тысячу слишком лет до Р. Хр., а другое — в западной части Европы в первые века нашего летосчисления.

Так открываются целые новые страницы не только греческой, но и мировой истории... В обществе еще недавно было распространено мнение, что в древней истории все уже изучено до малейших подробностей, что все здесь давно уже известно, и исследователю, работающему в этой области, ничего не остается, как только повторять зады, старое, избитое. Нет ничего ошибочнее подобного мнения. Наоборот, ни в одной, быть может, сфере исторического знания не замечалось за последнее время такого оживления, не совершалось такого быстрого движения, не делалось таких поразительных открытий, как в области истории древнего Востока и древне-греческого мира.

Оглавление.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ACADEMIA“

Петроград, просп. Володарского, 40. Телефон 138-98.

Москва, Тверская, 29. Телефон 64-38.

ЗВЕЗДОЧКОЙ ОТМЕЧЕНЫ ТРУДЫ И ПЕРЕВОДЫ РОССИЙСКОГО ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ИСКУССТВ.

ИСТОРИЯ.

Цена золотом.

В. П. БУЗЕСКУЛ.—Открытия XIX и начала XX вв. в истории древнего мира.—Часть первая. Восток 222 стр. . . . . 1 р. 50 к.

„РОССИЯ и ЗАПАД“. Исторический сборник. 212 стр.. . . . . . . 1 р. 40 к.

А. А. ВАСИЛЬЕВ. История Византии в монографиях.
Вып. I. *Византия и крестоносцы.* 120 стр. . . . . 1 р. — к.
Вып. II. Латинское влияние на Востоке (76 стр). . . . . 1 р. — к.
Вып. III. Падение Византии (*готовится к печати*).

Н. РОЖКОВ. — Из русской истории, сборн. статей, том I. 204 стр. 1 р. 50 к.
— Из русской истории, том II . . . . 1 р. 50 к.

Ф. Ф. ЗЕЛИНСКИЙ. — Религия Эллинизма. 134 стр. . . . . — р. 60 к.

ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЕ.

Цена золотом.

ОСВ. ШПЕНГЛЕР. — Пруссачество и социализм. 70 стр. (*распродано*). — р. 60 к.

ДЖОН КЕЙНС. — Проблемы восстановления Европы. 54 стр. . . . — р. 30 к.

ОТТО ЛИПМАН. — Психология профессий. 106 стр. (*распродано*). . — р. 40 к.

А. Н. МАКАРОВ. — Лига наций. 77 стр. . . . . — р. 40 к.

ВЕРНЕР ЗОМБАРТ. — Современный капитализм. Историко-систематическое изложение общеевропейской жизни с ее зачатков до современности. Перев. с 5-го немецкого издания 1923 г. под ред. И. И. Яковкина.
Том I и II. Докапиталистическое хозяйство и исторические основы современного капитализма (*печатаются*).
Том III и IV. Хозяйственная жизнь в эпоху раннего капитализма (*готовятся к печати*).

В. Н. ТВЕРДОХЛЕБОВ. — Новейшие финансовые проблемы (1914—1923 г.). 155 стр. (*распродано*) . . . . 1 р. 50 к.

А. А. ЖИЖИЛЕНКО. — Основы учения о наказании . . . . 1 р. — к.

„НОВОЕ ПРАВО“.

Серия книг *под редакцией проф. Петроградского Ун-та: Ф. А. Вальтера, А. А. Жижиленко, П. И. Люблинского и М. Я. Пергамента.*

К. М. ВАРШАВСКИЙ. — Трудовой договор по кодексу законов о труде С. С. С. Р. 107 стр. (*распродано*) . . . . 1 р. — к.

П. И. ЛЮБЛИНСКИЙ. — Законодательная охрана труда детей и подростков. 102 стр. . . . . 1 р. — к.

Е. А. ФЛЕЙШИЦ. — Торгово-промышленные предприятия в законодательстве Запада и С. С. С. Р. (*печатается*).

ЛИТЕРАТУРА.

Цена золотом.

В. Н. ПЕРЕТЦ. — Краткий очерк методологии истории русской литературы. 162 стр. 1 р. 50 к.

Ф. Ф. ЗЕЛИНСКИЙ. — Возрожденцы. В. I. 107 стр.. . . . . — р. 60 к.

Ф. Ф. ЗЕЛИНСКИЙ. — Возрожденцы. В. II. 192 стр. . . . . — р. 80 к.

Б. М. ЭНГЕЛЬГАРДТ. — Гончаров и Тургенев по неизданным материалам Пушкинского Дома.. . . . . 1 р. — к.

***Б. М. ЭЙХЕНБАУМ.**—„Сквозь литературу", сборн. статей (*печатается*).

ОСКАР ВАЛЬЦЕЛЬ. — Импрессионизм и экспрессионизм в современной Германии (1890 — 1920). Перев. под редакцией проф. В. М. Жирмунского, 94 стр. . . . . — р. 40 к.

ОСКАР ВАЛЬЦЕЛЬ.—Проблема формы в поэзии. Со вступительной статьей проф. В. М. Жирмунского: „К вопросу о формальном методе". . . . . — р. 40 к.

***В. М. ЖИРМУНСКИЙ.** — „Рифма, ее история и теория". 1 р. 80 к.

***Б. В. ТОМАШЕВСКИЙ.** — Русское стихосложение. Метрика. 156 стр. 1 р. — к.

ФИЛОСОФИЯ.

Цена золотом.

АНРИ БЕРГСОН. — Длительность и одновременность (по поводу теории Эйнштейна) (*распродано*). . . . . 1 р. — к.

РАБИНДРАНАТ ТАГОР. — Национализм. 93 стр. . . . . — р. 50 к.

ОСВ. ШПЕНГЛЕР.—Причинность и судьба. Закат Европы. Т. I. Ч. I. 211 стр. (*распродано*) . . . . 1 р. 50 к.

ГЕНР. РИККЕРТ. — Философия жизни. (Изложение и критика модных течений философии нашего времени). 167 стр. . . . . . — р. 80 к.

И. ГЕЛЛЕР.—Жизнь и личность Канта (опыт характеристики). 88 стр. — р. 50 к.

„МЫСЛЬ" — журнал Петербургского Философского О-ва, 1922 г. №№ 1, 2, 3.

С. Л. ФРАНК. — Введение в философию. 83 стр. . . . . — р. 80 к.

ОСВ. ШПЕНГЛЕР. — Пессимизм (*распродано*). 32 стр. . . . . . . — р. 30 к

А. Г. ВУЛЬФИУС. — Религия, церковь и реформация. 39 стр. (*распродано*). . . . . — р. 25 к.

Л. П. КАРСАВИН. — Восток, Запад и русская идея. 80 стр. — р. 40 к.

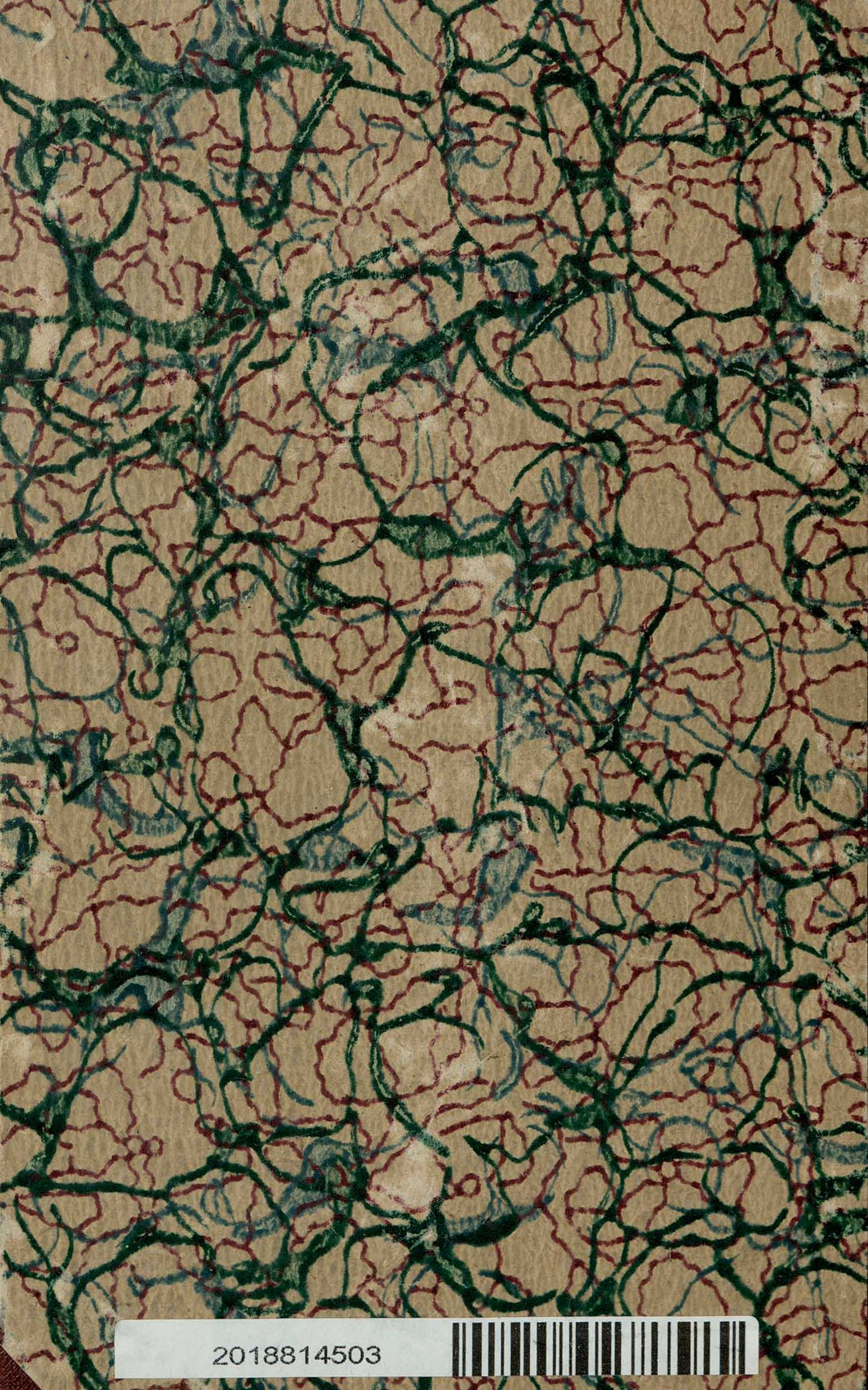
ПЛАТОН. — Полное собрание творений в 16 томах. Под общей редакцией С. А. Жебелева, Л. П. Карсавина и Э. Л. Радлова.

Содержание томов: I. Евтифрон, Апология Сократа, Критон, Федон. II. Кратил, Феетет. III. Софист, Политик. IV. Парменид, Филеб. V. Пир, Федр. VI. Алкивиад Первый, Алкивиад Второй, Гиппарх, Соперники, Феаг. Хармид. VII. Лахет, Лисис, Евфидем, Протагор. VIII. Горгий, Менон IX. Гиппий Больший, Гиппий Меньший, Ион, Менексен, Клитофонт. X-XI. Государство. XII Тимей, Критий, Минос. XIII-XIV. Законы и Послесловие к законам. XV. Письма, Определения, О справедливом, О добродетели, Демодок, Сисиф, Эриксий, Аксиох. XVI. Заключительный том будет посвящен составленному С. А. Жебелевым и Э. Л. Радловым очерку, заключающему в себе биографию Платона, общую характеристику его писательской деятельности и его мировоззрения в их целостной совокупности, а также историю платонизма до наших дней.

Вышли: т. V. (стр. 173). 1 р. 50 к.

„ т. XIII. (стр. 220). 1 р. 75 к.

„ т. I. (стр. 215). . . . . 2 р. — к.


2018814503